

Лев Тимофеев

ЧЕРНЫЙ РЫНОК

как политическая система

как политическая
система

ЧЕРНЫЙ РЫНОК

Лев Тимофеев

ЧЕРНЫЙ РЫНОК

КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

публицистическое исследование

Вильнюс - Москва (VIMO), 1993 г.

Тимофеев Лев Михайлович

**ЧЕРНЫЙ РЫНОК
КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА**

Вильнюс - Москва (VIMO), 1993 г.

ISBN 5-89942-252-7

© Тимофеев Л. М. 1993 г.

© Герчук Е. Ю. оформление 1993 г.

Издано при поддержке фонда
"Референдум" (Москва, ул. Строителей, 3)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бурные политические перемены в России последних лет никто не сумел предсказать заранее только потому, что до самого недавнего времени большинство наблюдателей и теоретиков имели совершенно искаженное представление не только о характере и соотношении, но даже и о самом наименовании действующих в стране социальных и политических сил: мертвый идеологический лексикон оставался священным и единственно возможным языком для описания общественных явлений и процессов.

Теперь идеология отброшена прочь, однако новый язык не введешь указом. Отсутствие терминов, годных, чтобы адекватно называть и описывать российскую общественную и политическую реальность, — самое мучительное препятствие, по сей день возникающее перед исследователем. И заведомая неточность понятия "черный рынок", взятого в название этой книги, — одно из мучений такого рода. За неимением другого, приходится придавать чрезмерно широкое, почти универсальное значение термину, служившему до сих пор лишь для обозначения некоего отклонения от нормы экономической жизни. Впрочем, частичным оправданием здесь может служить то, что вся система советского социализма была и по сей день остается таким отклонением от здоровой исторической нормы.

Подобное недоразумение связано и с понятием "коррупция", которое вроде бы должно обозначать разложение, ущербность, общественную патологию или даже вовсе чье-то частное криминальное поведение, тогда как на самом деле речь идет о разложении такой системы, которая сама уже есть патология развития человеческого общества и, в некотором смысле, — результат разложения, коррупции системы гуманистических ценностей...

О коррупции правящего страной *аппарата* до сих пор принято было говорить как о проблеме юридической и нравственной. Но не процесс ли "разложения" и привел к тому, что именно *аппарат* начал политические реформы в стране?

Только теперь, кажется, теоретики начинают нащупывать в обществе важнейшие, системообразующие связи и закономерности, ищут адекватные им имена. Но тут же проявляется другая беда: острое противостояние политических интересов различных социальных групп влияет и на язык аналитиков, придает ему явный политический акцент.

Скажем, в последнее время появилось несколько важных публикаций, в которых весьма умные, талантливые и страстные идеологи точно и сочувственно формулируют насущные интересы *аппарата*. Откровенность, ясность и красота такого рода формул мне так нравятся, что я не откажу себе в удовольствии цитировать:

"...Де-факто государственной собственности почти уже не существует. На каждый кусок общественного имущества заявлены чьи-то "права обычая", и отобрать их без насилия невозможно...

На нынешнем уродливом рынке основная масса коммерческих операций находится под запретами, в которых заинтересованы как группы, непосредственно получающие от этого выгоды, так и сами контролирующие органы, получающие доходы от разрешения переступить через запрет. Попытки снять запреты наталкиваются на яростное сопротивление тех, кому удобно их существование и кто рассматривает вытекающие из их существования дополнительные доходы как своё неотъемлемое право... Чтобы решить эту проблему, необходимо, во-первых, признать законными все имеющиеся сейчас явные и скрытые права, связанные с наличием запретов, и, во-вторых, разрешить заинтересованным сторонам договариваться о передаче прав на взаимовыгодных условиях." Виталий Найшуль. "Бюрократический рынок". Н.Г. 26.09.91.

Автор цитируемой статьи не только экономист, но и политик, а в политике удачно назвать общественное явление или процесс зачастую означает получить всю полноту власти над ним. Заметим в этой связи, что речь ведется о "бюрократическом рынке", первостепенное значение придается рыночным отношениям именно в системе властных структур — и как бы на периферии внимания остается тот факт, что на деле-то отношения "черного

рынка"пронизывают абсолютно все сферы экономики и общественной жизни в условиях советского социализма. И такое внимание к одной стороне всеобъемлющего "черного рынка" несомненно имеет политическую подоплеку.

В.Найшуль и другие авторы той же школы, кажется, точно угадывают стратегическую цель, на достижение которой направлены все политические силы современного *аппарата*: легализовать, закрепить законодательно, а еще лучше — укрепить доктринально тот рыночный порядок, те отношения собственности, которые самопроизвольно сложились к настоящему времени в системе "бюрократического рынка" или в результате коррупции. Но при этом надо понимать, что субъектами закреплённых законом прав станут не свободные личности — председатели колхозов, директора заводов, территориальные администраторы различных уровней и т.д. Бюрократический *аппарат* (субъект "бюрократического рынка") не есть добровольный союз личностей, но жесткая корпорация, скрепленная взаимными обязательствами, по сути близкими к круговой поруке,— и этим отличается от всех иных сфер всеобъемлющего "черного рынка".

Конечно, *аппарат* давно уже не тот, что во времена командно-административной системы (да и существовали ли когда-нибудь в чистоте тот аппарат и та система?). Давно уже не страх и уж тем более не идеологические мифы держат его в рабочей форме, но вполне прагматические представления о собственной пользе. Рыночные, обменные принципы распределения и дележа власти давно уже проявляются на всех уровнях правящих структур. Кратко, но ёмко об этом сказал многоопытный в аппаратных отношениях Г.Попов: "...как делить власть, если не знаешь, что начальник отдела, ведающего поликлиниками и больницами, важнее министра? А Брежнев и Андропов — как следует из мемуаров Евгения Чазова — это хорошо знали." (Известия 24.08.92) Мы тоже давно знаем: нынешний правящий страной *аппарат* весь сверху донизу пронизан отношениями рыночных или, вернее, "чернорыночных" обменов. Он и создан этими отношениями во времена Брежнева и Андропова, и сам развивал эти отношения и в те годы, и в последующие, вместе со всем обществом, а иногда даже активнее иных общественных групп изнутри переиначивая систему...но всё-таки оставался при этом замкнутой корпорацией.

Я далек от того, чтобы морализовать по поводу коррумпированности властей. Да и вообще против того,

чтобы самим понятиям "коррупция" и "черный рынок" придавать нравственные оттенки. Читатель этой книги увидит, что уже в конце семидесятых-начале восьмидесятых годов высказывалось мнение, что за всеми этими "теневыми", "чернорыночными" отношениями нужно видеть не криминальное нарушение советских законов отдельными лицами, но всеобщее, всенародное, поголовное неприятие самих законов, самой коммунистической доктрины, многолетнюю борьбу народа за выживание — борьбу, в ходе которой здравый смысл и народная экономическая традиция на свой лад переиначивают, ломают или вовсе отвергают коммунистические доктринальные порядки.

Повторяю: именно всенародное сопротивление, а не узкий, хоть и напористый натиск в рамках правящих структур. Впрочем, конечно, и структуры власти были вполне охвачены этим процессом.

Открылось вдруг, что любая политическая власть, которая пытается запретить частную собственность и рыночные отношения, сама неизбежно становится со временем искаженной формой собственности и предметом купли-продажи...

Вот этими всеобщими процессами и создан был нынешний *аппарат*, правящий страной и во многом определяющий характер её исторического развития.

Но развитие "черного рынка" прежних времен, особенно рынка должностей и привилегий, не было простым, как бы "механическим", движением в обход коммунистической доктрины. Этот процесс, если и не был изначально санкционирован *аппаратом*, то уж, несомненно, был взят им под контроль с самых первых, самых давних и наивных попыток. Глубинная диалектика власти большевиков и заключалась в том, что, не имея сил подавить всеобъемлющие отношения купли-продажи, она должна была, с одной стороны, пытаться контролировать эти отношения (в том числе давая им "позорные", криминальные имена — "черный рынок", "коррупция" и т.д.), приспособливать к своим нуждам, а с другой — неизбежно испытывать их влияние на себе, меняться под этим влиянием.

Нам мало известно о прямых связях высших партийных чинов с криминальными структурами. Люди, которые могли бы дать об этом какую бы то ни было существенную информацию, один за другим таинственно уходили из жизни. И трудно сказать, остались ли такие среди живых. Впрочем, эти криминальные связи — как раз наименее значимы для понимания, что есть правящий страной

аппарат. Куда важнее иные связи и отношения — ежедневные, обыденные, не выходящие за пределы самой *аппаратной* структуры.

Каждый в этой структуре, которую теперь вслед за самими *аппаратчиками*, называют номенклатурой, получал в свое распоряжение некоторую часть собственности (завод, колхоз, больницу и т.д.) или власти — и свой "участок на рынке" — только вместе с негласными, а иногда и вполне оглашенными обязательствами лояльности ко всей корпорации в целом. Нарушение этих обязательств, нарушение корпоративной этики, предательство интересов корпорации неизменно влекло за собой исключение из номенклатуры или попросту увольнение без права занять "руководящую должность" в будущем, а иногда и суровые судебные преследования.

Впрочем, как правило, "криминальную" окраску эти связи принимали только при специальном свете судебного процесса, который самопроизвольно никогда не возникал, но только тогда, когда в интересах всей корпорации в целом бывал санкционирован самим *аппаратом*. (Как это произошло со знаменитыми "делами" недавнего прошлого — "узбекским", "краснодарским" и т.д.) Вместе с тем в обыденной практике *внутриаппаратные* отношения определялись не столько законом, сколько давно устоявшимися "правами обычая" — теми самыми, которые так привлекают цитированного нами В. Найшуля.

Сеть *аппаратных* связей, отношений и обязательств опутывает каждого, кто вовлечен в хозяйственную или административную деятельность. И хотя в целом *аппарат* — не единая фиксированная структура с четкой субординацией, а именно некая сеть, наброшенная историей на страну, на общество — где ячея почаще, а где и вовсе дыра, — тем не менее мы не ошибемся, если скажем, что в бывшем СССР нет ни одного свободного субъекта, способного обрести права частного собственника и при этом остаться вне зависимости от корпорации по имени *аппарат*...

Признаюсь, что в отличие от многих коллег не испытываю никакой "классовой ненависти" к *аппарату*. Более того, хорошо понимаю его парадоксальную роль в общенародном сопротивлении коммунистической доктрине. Но характер роли меняется с течением времени. И уже сегодня вполне очевидно, что демократическое переустройство России может осуществляться только по мере того, как система *аппаратных* связей будет ослабляться, а

впоследствии и разрушаться, исчезать, заменяться связями чисто экономическими, коммерческими, общегражданскими. Это со временем произойдет неизбежно, — и уже теперь постепенно происходит. Но *аппарат* сделает всё, чтобы как можно дольше сохранить контроль над этим процессом и придать ему такой темп, какой выгоден самой правящей корпорации. Сохранить же контроль возможно только в том случае, если *аппарат* сумеет преодолеть свои серьезные слабости, которые, кажется, уже вполне осмыслены его идеологами и политиками, предлагающими конкретные политические меры.

Впрочем, к разговору о том, каковы эти предложения, какова политическая стратегия правящего страной *аппарата*, мы еще вернемся в этой книге...

Предлагаемая книга — хоть её части ранее публиковались каждая отдельно — единое цельное исследование, которое проводилось на протяжении полутора десятка лет с небольшими перерывами (иногда не по моей вине). Дата, вынесенная в заголовок каждой части, не только сообщает о том, в каком году написан был соответствующий текст, но и какому периоду в процессе развития, а значит и в процессе самораскрытия советской системы он посвящен. Полагаю, что сопоставить процесс познания с движением самой системы от эпохи к эпохе — очень важно. Именно поэтому в тексты прежних лет не внесено никакой *осовременивающей* правки.

Как бы то ни было, книга в конце концов приводит читателя к анализу самых последних политических событий, которые и понять-то правильно можно, только оглядываясь в недавнее прошлое страны и общества.

Еще раз обращаю внимание читателя на жанр книги: это не теоретическое, а именно журналистское исследование. Теоретические выводы, там, где они есть, возникают не только, а иногда и не столько вследствие чистых логических построений, но как результат сугубо личного опыта автора. Вообще в книге много личного, и если кто-нибудь прочтет её как своеобразный дневник, думаю, не ошибется. Что поделаешь, эпоха не располагала к отстраненному созерцанию и обмысливанию...

Лев Тимофеев

1 января 1993 г. Москва

1978

**Технология
черного рынка,
или крестьянское
искусство
голодать**

Я — не крестьянин. И никогда не голодал. Случайно я близко увидел жизнь крестьянской семьи и, начав — с малыми целями — записывать события и обстоятельства этой жизни, вдруг с удивлением понял, что вся советская система, начиная от нашего высокомерного правительства и кончая учеными-атомщиками и поэтами-песенниками, живет за счет сельской семьи, как пиявка присосавшись к крестьянскому хозяйству.

Если бы я так удивился в двадцатых годах, мне бы сказали, что я просто ослеп: тогда все знали и едва ли не во всех газетах писалось, что пролетарское государство не может существовать, не ограбив крестьянина, другое дело, что одни принимали это с восторгом, другие вовсе не хотели принимать, — но знали все. С тех пор знания эти несколько позатерлись временем и разговорами по поводу всенародного государства, но сама зависимость системы от крестьянина осталась. Изменилось только наше представление о ней. Если в двадцатых годах страна знала, как живет деревня, то теперь, пятьдесят лет спустя, все заслонил собою давно отработанный образ процветающего колхозника, который никак не вяжется с хозяйственной действительностью. Впрочем, доверчивые дети социализма, мы, кажется, и не слишком озабочены тем, чтобы увязать наши представления с реальностью.

Мы, горожане, не знаем деревни, не знаем законов, по которым живет крестьянин. Ложь и предрассудки заменяют нам знания о сельской жизни и передаются из поколения в поколение. И редкий случай, чтобы какой-нибудь потомственный или хотя бы недавний горожанин застыдился бы своего самодовольного незнания, своего пренебрежения к труду, к судьбе крестьянина. Само это

незнание, само пренебрежение не замечается, и с течением времени не только не прозреваем мы, но, кажется, все сильнее порошит нам очи...

«Да уж теперь-то крестьянин сыт! — заявляют даже те наши интеллигенты, которые лет десять-пятнадцать назад считали себя приверженцами деревенской темы, были озабочены судьбой сельской России и до сих пор выписывают журнал „Новый мир“. — Уж теперь-то наступил *сытый день крестьянина*», — говорят они, полагаясь, видимо, на очерки в журнале.

Отчего же только теперь? В нашем представлении *так-то* он всегда был сыт. С детства помню страшный анекдот, злой, рассказанный кем-то у нас в семье, среди горожан. Будто бы в первую послевоенную денежную реформу крестьянин принес в сберкассау мешок денег — менять. Посчитали — рубля не хватает до ста тысяч. «Вот, черт возьми, не тот мешок прихватил. В том — точно сто», — подсадовал крестьянин.

Откуда у крестьянина в голодное время мешок денег? Только вместе с недоумением и запомнилась сама эта история, с ее, я бы сказал, сталинским взглядом на крестьянина: сколько ни драть, всегда есть что брать. Или нет, не столько недоумения в этом анекдоте, сколько надежды: если у крестьянина есть *мешок* денег, значит, в государстве все в порядке, значит, и за себя можно не беспокоиться, и страна проживет — значит, *есть где брать*, есть и что брать.

Пока жив человек, у него всегда есть что брать. Для нашего государства и вопроса такого нет: брать или не брать у крестьянина? Хоть и последнее — БРАТЬ! И как можно больше... Но как? И тут не один вопрос, но целая их цепочка, круг...

Как это может быть, чтобы и дорогостоящая космическая программа, и грандиозные, но малополезные хозяйственные начинания у нас в стране, и успешные военные действия в Эфиопии — все бы оплачивалось из скромного бюджета крестьянской сѣмьи? Только ли крестьянская сѣмья сейчас оплачивает политику партии и правительства? Каков вообще *механизм* эксплуатации трудящегося человека в условиях «развитого социализма»? В этом кругу и все крестьянские вопросы.

Марков политэкономический анализ у нас не годится:

классические законы капиталистического производства, законы открытого рынка для нас недействительны — ни того, ни другого у нас просто нет... Но вообще без рынка можно обойтись лишь в теоретических построениях советских политэкономов: человеческие потребности столь обширны и многообразны, что не могут уместиться ни в какие нормы, разнарядки, ни в какие *сверху* спущенные планы. Вне планов и разнарядок ищем мы живого *экономического отклика* на сам факт своего существования. И находим.

Чем дольше длится относительно спокойное время вне войн, революций и массовых репрессий, тем четче наша социально-экономическая система проявляется как чудовищных размеров и размахов *черный рынок*.

Черный рынок живет и развивается — у всех на виду и для всех очевидный. В границах его связей и отношений можно накормить страну картошкой или построить тепловоз, определить сына в университет или купить диплом агронома, отремонтировать трактор или найти место на «лимитном» московском кладбище. Все продается и все покупается вне планов и разнарядок. Ты — мне, я — тебе... Но кому достаются прибыли? И мне, ни тебе — мы-то никак из нищеты не выйдемся.

Иногда кажется, что черный рынок — все это искусство дышать в петле запретов и ограничений, вся эта простодушная хитрость, этот кооператив нищих — нами придуман, что мы тут обманули советскую власть: нам — колхоз, а мы приусадебное хозяйство; нам — дефицит и распределение по карточкам и талонам, а мы — взятку и товары через заднюю дверь; нам — постную пятницу в заводской столовой, а мы — кроликов разводить в городской квартире; нам — бесплатно плохого врача в конце длинной очереди больных, а мы — с подарком и без очереди к хорошему... Словчили? Дудки!

Когда надо, власти и приусадебное хозяйство прижмут запретами и налогами (так было!), и кроликов из городских квартир милиция повытрясет, и за подарки врачу срока давать будут. Раз терпят, значит, всем выгодно. Раз терпят, значит, без этого и власти не удержаться. Нас тут отпустили слегка, чтоб вовсе не примерли, но на вожжах держат.

Черный рынок — не лазейка, не потайная дверца в стене, которую мы хитро пробили. Черный рынок — и

лазейка, и сама стена: не было бы стены, и в лазейках нужды бы не было.

Черным рынком мы называем всеобъемлющую систему искаженных экономических отношений, с неизбежностью возникающую как компенсация фундаментальных разрушений естественных экономических (рыночных) связей.

При беглом взгляде кажется, что черный рынок существует побочно от плановой экономики, что в экономической жизни он явление второстепенное. Но нет! Посмотрев внимательнее, увидим, что как раз черный рынок составляет основу советской экономики, стержень, на котором крутится планово-разнорядочная хозяйственная постройка.

Черный рынок — это социалистический *механизм* власти и эксплуатации, сама суть нашей социально-экономической системы — именно так он обозначился в последнее время.

Ценности, которые здесь циркулируют, поддерживают существующий политический и социальный порядок. Как именно поддерживают? Как движется общество? Этого мы не поймем, пока сам черный рынок не понят.

Понять технологию тем более необходимо, что это и есть реальная *политэкономика социализма*. Иной экономической реальности при нынешних политических условиях мы не знаем. Да и возможна ли она? Запрет на частную инициативу порождает спекуляцию, коррупцию, тайную эксплуатацию, — это подтверждено всей шестидесятилетней историей нашего государства. И трудно предположить, что может быть как-то иначе, в какой бы стране ни был повторен советский эксперимент...

Но как раз понимать-то мы не вполне готовы. Советское общество по сути своей — совершенно небывалая в истории социально-экономическая система (какие бы аналогии ни приходили в голову исследователям), и для анализа здесь необходимы новый инструмент, новые понятия. У нас их пока нет. Поэтому мы вынуждены начать не столько с анализа, сколько с описания. Не столько с научного мышления, сколько с образного восприятия, с изложения личного опыта индивидуальной судьбы. Может быть, мне, журналисту, взяться за такую работу — между фельетоном и наукой — было несколько проще, чем кому-то из серьезных ученых.

С чего же начать? С чего мы *можем* начать? Есть лишь один сектор *черного рынка*, разговор о котором под угрозой всеобщего голода разрешен в последнее время и даже поощряется: приусадебное хозяйство крестьянина. Оно-то и интересует нас в первую очередь. С крестьянского двора и начнем. С крестьянского двора и с крестьянской семьи.

27 марта 197... года я приехал в деревню в слепую метель. В тот же день, но без моего участия похоронили Аксиною Егорьевну Ховрачеву. Я даже видел, как ее хоронят, а не пошел, — не понял, что похороны, не спросил, кто умер. Совсем рядом со мной промелькнул ее гроб, и я еще боковым зрением увидел сосновые доски, а понять, что это за доски и кто их несет, — не понял, не различил в плотном, косом снегопаде. Торопился домой, в тепло, — торопился уйти от метели. Подумал, плотники встретились. Мало ли кто строится, дом поправляет. Или вообще ничего не подумал... А провожатых за снегом и вовсе не увидел... Или увидел провожатых, но не увидел гроба: толпа и толпа. Может, тихая свадьба такая, а может, селедку в магазин привезли. Метель гнала мимо чужих забот.

Только вечером пришли, рассказали, кому и какой дом построили, что за тихую свадьбу сыграли...

Я познакомился с Аксиной Егорьевной Ховрачевой, а заодно и с мужем ее Александром Авдеичем, по прозвищу Кутек, много лет назад, когда купил в деревне по соседству с ними избу и впервые приехал на несколько месяцев, чтобы ловить рыбу, ходить за грибами и писать диссертацию о мелодике русского стиха.

Самое первое знакомство состоялось в дождливый осенний день, — для меня на всю жизнь особенный, как непонятный, и до сих пор непонятый, вязкий кошмар, а для Аксины Егорьевны, может, и не единственный такой, — когда пьяный Кутек, избив ее до сумеречного сознания, за волосы выволок во двор и свободной рукой стал шарить вокруг — топор искал, казнить собирался на виду у четырех оцепеневших дочерей.

Убил бы, если бы не помешали? Кутек-то вряд ли убил бы — очень уж он жалкий и тщедушный мужичишка был. Он и не думал убивать — так, тешился... Однако пьяного кто разберет? Сама же Аксины Егорьевна рассказывала: за год до моего первого приезда в Гати один тоже потешился пьяный, троих детей своих сжег, ночью со всех углов избу запаливал. Жену его спасли, в огонь обратно не пустили, и тогда она, вроде еще не успев обезуметь, призналась, что сама во всем виновата: это Господь наказал ее за *аборты*. А на аборты она ездила из-за того, что от пьяного последний ребенок родился совсем *простой*, — его на третьем году жизни в больницу сдали. Он-то один и уцелел.

— Сколько ей нужно было простых родить, чтобы те трое жить остались? — спросила Аксинья Егорьевна...

Впрочем, на моей памяти это был единственный случай, чтобы она всерьез роптала.

В течение многих лет мы прожили соседями с Аксиньей Егорьевной, двор ко двору. Я видел нечастые дни ее радости, вроде того, когда вышла замуж третья дочь, глухонемая Рая, — вышла за хорошего, скромного парня, работающего милиционером в Рязани. Я видел, как гордо ходила Аксинья Егорьевна по селу, показывая родным и знакомым диплом, полученный младшей дочерью Анной, — та выучилась на зубного техника. Я видел, как отказалась она проехать по сельской улице на новеньком «Москвиче», когда единственный раз приехал навестить ее сын — строитель-монтажник, работающий не то в Египте, не то еще где-то в Африке. В машину не полезла, застыдилась чего-то, но пока машина из конца в конец ездил по селу, с улицы не уходила — от соседей и от прохожих принимала поздравления...

Я слышал, как убивалась, как причитала она, когда умер ее Александр Авдеич. На кладбище вроде дочерьми оберегалась, а все же у них на руках лишилась сознания от горя. А дочери плакали сдержанно. Так ли они любили покойного, как мать любила? Так ли жалели его, как она жалела?

Но сколько ни была Аксинья Егорьевна щедра душой в радости и в горе, безропотна в обиде и страдании, больше этих свойств души меня поражал ее многообразный и великий хозяйственный талант, ее безграничная трудоспособность, умение годами работать без отдыха.

Лет двадцать назад, когда в Гати провели электричество, кто-то из взрослых дочерей прислал ей счетчик. Счетчик приладили, и оказалось, что за все лето Аксинья Егорьевна нажгла электричества на 8 копеек. Она вставала с первым светом и ложилась, едва начинало темнеть. Усталость от чрезмерного труда не пускала праздно засиживаться вечерами, а были все труды вне дома — в колхозе, на своем приусадебном участке, на лесных полянах в сенокос... Не знаю, как зимой, но начиная с мая месяца и по октябрь вечерний свет нужен был Аксинье Егорьевне только затем, чтобы не в темноте постель разобрать да кошке налить молока в блюдце, не пролить мимо трясушимися от усталости руками.

Из года в год хозяйственные усилия Ховрачевых заставляли меня все с большим уважением относиться к

тому искусству, с которым крестьянская семья избегала нищего рабства, хотя все, что ей осталось для хозяйствования — крошечный участок приусадебной земли, — и скот держать почти невозможно из-за бескормицы, и десятилетиями не было ни колхозных, ни каких других заработков на стороне. Как бы то ни было, но Ховрачевы оставались семьей крестьянской, то есть такой, которая своим трудом на своей земле — такая она ни есть — и себя кормит, и весь народ. И Аксинья Егорьевна слыла главой семьи.

Двадцать лет без мужа она тянула все хозяйство и привыкла надеяться только на себя. Да и раньше, когда муж ее был жив, от него толку выходило немного — смолоду пьянствовал, а к старости все болел. Так что не двадцать, а считай, все сорок пять лет она одна всех кормила, одевала, ставила на ноги. И дети все выросли, все выучились, каждый в жизни по-своему устроился. И всех Аксинья Егорьевна кормила не с каких-то волшебных доходов и уж, конечно, не от колхозных хлебов, которых для нее просто никогда не было, а со своего огорода, с сорока соток земли — от черемухи у одного забора до яблони у другого, да вдоль восемьдесят шагов — все, что оставили власти крестьянской семье после коллективизации. Тут она работала сама и заставляла работать детей. Это было ее поле, ее надежда, а больше надеяться было не на что — только на себя и на эту землю. Что бы стала она делать без этого огорода с восемью ртами в семье? Ничего. Без этого огорода прожить было нельзя.

Пока есть своя земля и дом на земле, она самостоятельная хозяйка — как работает, так и живет... Земля-то, конечно, не ее, а остается колхозной или даже государственной, и только за отработку в колхозе полагается, но Ховрачева Аксинья и в колхозе навечно на Доске почета оставлена, всюду труженица была.

О том, как она работала в колхозе, я слышал чуть ли не легенды. Да я и сам хорошо помню те времена — лет пятнадцать назад, — когда она еще ходила на работу. Ей тогда уже было за шестьдесят... Каждое утро перед домом останавливался бригадир и, не вылезая из своей брички, кричал:

— Окся! Выходи сор рвать!

Это «сор рвать» он кричал как одно слово «сорвать», и получалось, что он зовет Аксинью Егорьевну для какой-то пустяшной работы: где-то что-то надо сорвать — цветок ли, травинку ли — и можно возвращаться. На самом деле

речь шла о прополке, об одной из самых трудных и нудных работ в полеводстве: на солнцепеке, согнувшись, постоянно на ногах, постоянно в движении, и не видишь, где остановишься, поскольку вручную прополоть все колхозные поля невозможно — пока до крайней межи дойдешь, на первой все как прежде выросло.

Вечером природа трудолюбия в колхозном поле становилась совершенно понятна: Аксиныя Егорьевна возвращалась и везла с собой тележку, полную сорной травы. Кроме начисленных трудодней, которые неизвестно когда и как оплатятся («да и оплатятся ли нынешний год?»), трава была главным призом за работу: сорняки разрешалось брать себе, — жесткое сено годилось на корм скоту, и я думаю, что и не требовался интерес более привлекательный, — с сеном всегда было трудно.

Да и вообще, главным в колхозных заработках были не деньги — на трудодень только последние лет десять стали платить хоть какими-то деньгами, — и даже не натура, хотя три-четыре мешка ржи (случавшаяся иногда годовая плата за каторжный крестьянский труд) имели для семьи большое значение, — главным было право на покупку соломы и сена для личного скота, право на сенокос и, наконец, самое главное право — право на приусадебный участок, на полгектара земли, *право на приусадебное крестьянское хозяйство*. Случалось, что в колхозе работали совсем задаром, без денег и без натуроплаты, но зато правами своими пользовались, ибо иначе нельзя было реализовать другое, не властями данное право — *право на жизнь*.

«Если у вас в артели нет еще изобилия продуктов, и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворялись, и личные», — учил товарищ Сталин в 1935 году*.

Крестьяне составляли в те годы три четверти населения страны, но крестьянское — не общественное. Крестьянская семья как бы вне общества. Ее нужды не заслуживают внимания. «Колхоз не может взять на себя...»

Благополучие или хотя бы только сытость крестьянской семьи вообще казались властям совершенно необязательным, а может быть, даже и вредным излишком, и потому колхозник не только лишался всего, что производилось его

* Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. — с.1.

трудом в колхозе, но и приусадебный участок, приусадебное хозяйство, кормившее семью, было жестоко обложено. Каждый крестьянский двор, независимо от состава семьи, сдавал обязательные поставки молока, мяса, яиц, шерсти, кож. Да еще и денежный налог — кто сто рублей, а кто и больше. Этот денежный налог был удивительным изобретением советского фиска: налог все на те же сданные государству продукты, *налог на налог*.

Спрашивали жестоко: «...по истечении срока уплаты налога опись имущества недоимщика и дело о неуплате налога передается в народный суд, по решению которого производится изъятие имущества неплательщика в количестве, необходимом для погашения недоимок...»*

Но где же взять деньги, если колхоз ничего не платит? А все там же искать их, в приусадебном хозяйстве: продавать продукты, даже если сами голодны, — на рынок!

Но как ни беспросветна жизнь Аксиньи Егорьевны и ее односельчан была в первое десятилетие после коллективизации, как ни нище было русское крестьянство к 1941 году (а среднерусским крестьянам, сидящим на скудных почвах, всегда жилось особенно тяжело), как ни лишен всякого смысла становился крестьянский труд на земле, — война добавила страданий и разорила крестьянство вконец. Первые пятнадцать послевоенных лет были такими, что если не каждый год скажешь: *голод*, — то все-таки и без сурового недоедания ни одного года не прожито... Но все эти годы оброчные поборы со двора колхозника продолжались, и проплывали мимо голодных детских глаз и молоко, и мясо, и яйца. Крестьянские дети — забота не общественная.

Оброк этот номинально был отменен в 1958 году. Но местным властям сразу же «довели» план по закупкам все тех же продуктов, от выполнения плана зависело служебное благополучие работников сельсоветов, и они всеми способами, вплоть до прямого физического насилия, заставляли крестьянина сдавать, — номинально же, продавать по самым мизерным ценам, — столько, сколько было на деревню разноряжено, — и продавали, куда денешься? Ведь сунешься уехать — не пустят, паспорта не дадут. А без паспорта нигде ни жить, ни работать не примут. Крестьянин был «крепок» колхозу своему.

Даровой труд в колхозе, денежный налог, натуральный налог. Аксинья Егорьевна хорошо помнила, чем заплачено

* «Закон о сельскохозяйственном налоге», 1 сентября 1939, с.34-6.

за право на приусадебное хозяйство, за право жить. Помнила, а вот рассказать никогда не могла, хоть и пыталась как-то, — плакать начинала: все-таки шестеро малых в доме было. Голодных детей и через двадцать лет, и через тридцать вспоминать страшно. Даже если, Бог дал, никто из них не умер.

Теперь Аксины Егорьевне не надо больше подтверждать свои права: у нее пенсия — двадцать рублей от государства и десять от колхоза. Это, правда, ниже самой низкой пенсии городского жителя, — что-то около того, что инвалиду с детства дается, — но зато огород остается за колхозным пенсионером, покуда тот живет в деревне и покуда вообще живет еще. И если на старости лет с огородом справишься, — весь рыночный доход — твой. Много ли ей одной надо?

Младшая дочь звала Аксиныю Егорьевну в город и даже настоятельно просила получить паспорт, выписаться и приехать, поскольку мужу обещали свою квартиру, и приезд матери, а там, может быть, и скорая смерть ее — человек все-таки немолодой — сулили лишние метры жилплощади. Но как ни привыкла Аксиныя Егорьевна в последние годы бывать в городе, как ни жалела дочь, мысль, что останется без своих сорока соток земли, где она из года в год сажала, а потом и продавала картошку и еще на маленьких грядках огурцы, помидоры и все необходимые овощи, — эта мысль выводила ее куда-то в сироты и казалась ей совершенно невозможной.

Поэтому я не удивился, когда в какой-то из моих приездов в деревню Аксиныя Егорьевна пришла с чистым листом бумаги, с конвертом и еще одним клочком бумаги, на котором был записан адрес дочери:

— Напиши им, что летом я точно не приеду, — сказала она, — пусть не обижаются. Скажи, земля не пускает. Куда я от своей картошки поеду? Нынче, говорят, за килограмм по десять копеек в сельпо принимать будут. Да и им самим в городе картошка нужна будет — поди, подорожает там-то...

Она молча сидела, пока я писал, молча выслушала, когда я перечитал письмо вслух, но, принимая уже готовый, заклеенный конверт, вдруг невпопад спросила:

— Кто же нас такой жизнью каторжной наказал? — так просто спросила, словно я и мог, и обязан был так же просто, в нескольких словах и ответить...

Но нет, не ради ответа спросила. Да и не вопрос это был, вздохнул человек от усталости...

От Гатей, деревни, где жила Акси́нья Егорьевна, до Посадов всего-то километров двадцать по прямой, но если Гати — с первого взгляда — деревня бедная, деревянная, под шиферной, щепной, а кое-где и под соломенной крышей, то в Посадах и бревенчатых избушек, кажется, ни одной не осталось, — все каменной кладки дома, просторные по сельским понятиям, в две-три комнаты, с большими окнами, с огромными дачными террасами и непременно под оцинкованной крышей. Весной вся эта роскошь волшебным образом исчезает, делается невидимой за бело-розовым дымом цветущих садов, а осенью наоборот: белокаменные стены и зеркальные крыши далеко видны на черных от дождя речных берегах. Откуда такое богатство на нищих просторах?

Никакой тайны, никакого волшебства. В Посадах все доходы от приусадебных участков. В огороде здесь не сажают ни картошку, ни лук, ни капусту, а одни только ранние огурцы. В июне урожай созревает и на попутных машинах отправляется на рынки Москвы, Рязани, Пензы, а бывает, и еще дальше, благо село расположено рядом с шоссе. На те же рынки ближе к осени везут яблоки...

Имея в своем распоряжении даже самый крошечный участок земли, крестьянин всегда будет стремиться вести не натуральное хозяйство, но товарное, рыночное, поскольку потребности его семьи значительно шире потребностей в простейших продуктах питания, которые можно получить в своем хозяйстве.

В хорошие годы один приусадебный участок в Посадах дает до пяти тысяч рублей...

Наша знакомая Акси́нья Егорьевна всякий раз, едуци из города, где гостила у дочери, мимо Посадов, так бывала поражена разницей в доходах, что воображение доводило эту разницу и вовсе до нереальной величины:

— Как люди живут! Я как-то зашла к одним напиться, — чего у них только нету! Даже через дверь видать. Подумай, телевизор в сенях стоит — это уж значит, что они его совсем не ценят. «Этот, говорит, мы смотрим, когда большой сломается». А большой у них в горнице показывает... Откуда ж эти деньги берутся? Мы вон тоже работали, а всю жизнь в деревянном срубе прожили, словно в колодце просидели.

— Знаю я этот дом, — возразил было я, — там хозяин

подрабатывает починкой чужих телевизоров. Должно быть, в сенях чей-нибудь сломанный стоял.

Аксинья Егорьевна промолчала, — она спорить не любила, но видно было, что она осталась при своем мнении о размерах богатства посадских крестьян, исчисленного в телевизорах...

В другой раз где-то по дороге она увидела огород, сплошь занятый капустой, — и это поразило ее:

— Зачем столько? Или нерусские — одну капусту едят?

— Может быть, на продажу?

— Да чего уж там продавать? Капуста по тридцать копеек кочан. Ну, пусть две тысячи кочанов. Шестьсот рублей весь доход. Да мы иной год и на картошке столько-то выручали, да еще себе и скотине на всю зиму хватало. Так ведь картошка! А с капустой возись: весной поливай, летом червяков обирай... Нет, невыгодно...

Аксинья Егорьевна хоть и была неграмотна, и в колхозе, конечно, никаких иных работ, кроме работы руками, ей не доверяли, но меня всегда удивляло, как точно она считает и высчитывает в своих повседневных делах.

— Постой! А может быть, они ее квашеную продают? — Эта новая идея совершенно повернула ход ее рассуждений. — Ну да, квасят! А за квашеную капусту на базаре и по пятьдесят и по восемьдесят копеек ломают. А перед праздником и по рублю кило. Да она и тяжелее, квашеная-то: в ней соль из воздуха воду берет. Вот ведь чем торгуют! Вот они где, деньги-то! Тут уж доход на тысячи считай. А велик ли труд заквасить капусту? Любая старуха справится...

Все эти открытия сильно взволновали ее, и я даже подумал, не займется ли моя соседка на старости лет производством квашеной капусты, чтобы иметь возможность купить большой телевизор.

Я давно знал за ней постоянную готовность пустить в оборот единственный наличный капитал — собственные рабочие руки. Это не раз давало ей возможность выгодно продать картошку или задаром наносить с молзавода — на пойло скотине или даже на постный сыр для себя самой — обрата.

Кажется, и теперь она была близка к тому, чтобы войти в дело, такая идея приходила ей в голову, поскольку на следующий день она была несколько опечалена.

— О капусте-то говорили, — напомнила она, — так нам капуста не годится. Первое, что мы от шоссе далеко: капусту хорошо зимой продавать, а у нас как заметет, так

из сугробов не вылезешь. Если какой шофер согласится, так на него все капустные деньги и уйдут. Да хоть бы и была дорога, все равно плохо. Для этого дела свой инструмент нужен: вручную столько не нашинкуешь. Бочки нужны. Одних бочек штук девять — меньше невыгодно. Для бочек большой погреб нужен... Ну, и еще привычка нужна. Без привычки столько капусты не вырастишь — или червяк сожрет, или еще что-то случится... Те-то, поди, не первый год капусту сажают, привыкли...

Те привыкли, иные не привыкли. Объяснение не такое уж наивное, как кажется на первый взгляд. Привычка, а другими словами, традиция и опыт, долгосрочное из года в год приложение невеликого крестьянского капитала — труда и знаний — к одному и тому же делу в приусадебном хозяйстве имеет особое значение: сельский житель напрасно рисковать не станет и никаких новшеств на приусадебном участке вводить от себя не будет — слишком дорог ему урожай *со своей* земли.

Впрочем, я уверен, что не одной только Аксинье Егорьевне пришла в голову идея выйти на рынок с квашеной капустой или еще с каким-нибудь товаром, более доходным, чем традиционная картошка. Но под неусыпным контролем государственной власти, не раз ужесточавшей свою политику по отношению к приусадебному хозяйству, нужно особо благоприятное стечение обстоятельств, особое доверие к обстоятельствам, чтобы решиться на хозяйственную инициативу. Крестьянин хоть и цепок, когда дело отлажено, но осторожен.

Эта, казалось бы, побочная для колхоза, но основная для колхозника крестьянская жизнь требует значительно более ответственного подхода к делу, чем в отработочном колхозно-совхозном хозяйстве, где что ни прикажут сверху, какую глупость ни спустят, — все исполняется вмиг, на пользу ли, во вред ли урожаю, — никого не заботит... Здесь же крестьянину принадлежат и инициатива, и капитал, и средства труда, и весь конечный продукт. Здесь он — хозяин. Здесь он — *человек*. Здесь он как бы микромодель того хозяина, каким мог бы стать, если бы не отобрали у него в 30-м году скот и землю, оставив с игрушечным приусадебным хозяйством.

Крестьяне зарабатывают возможность жить хоть как-то сносно, поскольку могут часть своего рабочего времени, часть своих сил реализовать в иной хозяйственной системе — не в гласно-социалистической, разнорядочной, а в рыночной.

Крестьянский рынок сужен до размеров базарной площади, исковеркан феодальными отношениями личной зависимости колхозника от административной власти, имеет вообще вид придатка к тому главному базару, где торгуют партийными должностями и демагогическими ценностями, вроде посулов всеобщего народного блага и скорого торжества идей коммунизма... И все-таки это рынок и ничто иное. Рынок, без которого социалистическое государство обойтись не может.

При первом знакомстве цифры потрясают: на приусадебных участках, по разным подсчетам занимающих лишь *два с половиной* или даже *полтора* процента всех посевных площадей страны, в крестьянских хозяйствах, обладающих лишь *одной десятой* всех производственных фондов сельского хозяйства, производится *треть всего* сельскохозяйственного продукта. Таковы данные официальной статистики*.

Но официальная статистика молчит о том, что не менее трети сельскохозяйственной продукции, произведенной в колхозах и совхозах, ежегодно гибнет из-за потерь в поле, при транспортировке, при складировании, при первичной переработке. По некоторым данным, например, гибнет до половины всего картофеля...

Официальная статистика, исчисляя валовой продукт в стоимостном выражении, конечно же, молчит о том, что государственные закупочные цены на зерновые, которые производятся в основном колхозами и совхозами, значительно завышены, а цены на мясо, овощи, картофель, то есть на продукты, которые наиболее широко распространены в крестьянских хозяйствах, — занижены.

Официальная статистика молчит об этом, поскольку в противном случае пришлось бы признать, что в совокупном объеме *потребленной* сельскохозяйственной продукции доля приусадебных крестьянских хозяйств с их полутора-двумя процентами пахотной земли намного больше половины. Да что там, в прибалтийских республиках доля приусадебных хозяйств в совокупном сельскохозяйственном продукте и по официальной статистике составляет почти половину: в Литве, например, — 43,6%. В то же время «в семьях колхозников Литовской ССР в 1971 году 50,5%

* Г.И.Шмелев. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. — М., 1971. — с.11.

общих доходов было получено из личного подсобного хозяйства»*.

В этих цифрах — позор советской хозяйственной системы и несчастье крестьян, чья инициатива, чей талант скованы размерами приусадебного огорода и огромным количеством административных запретов... Несчастье крестьянское, но и надежда.

Продукция крестьянских хозяйств кормит всех сельских жителей — 40% населения. Но мало этого. Даже согласно официальной статистике здесь производится половина всего товарного картофеля, не менее трети товарного количества яиц, треть товарного мяса, — то есть продукты, которые продаются и накормят значительную часть городского населения. Нет, без крестьянских хозяйств социалистическая экономика и дня не проживет.

Оказалось, что экономику невозможно зарегулировать полностью. Экономика — такой механизм, где без связи с маховым колесом рыночных отношений, раскрученным всей историей человечества, скрипят и замирают шестерни планово-бюрократической хозяйственной системы. Рынок, рынок в основе экономики. Уничтожить его — значит уничтожить народное хозяйство страны. Это хорошо понимал Сталин, когда выгонял крестьянина работать в приусадебный огород: «...колхоз не может взять на себя...» Покуда живы рыночные отношения, к ним можно и социалистическую экономику пристроить.

Даже если это отношения подвластного государственной администрации *черного рынка*. Как раз именно черный рынок властям и нужен... Но об этом разговор впереди, пока же посмотрим, каким образом крестьянин со своего крошечного огорода кормит страну.

Почему именно Посады богатеют на ранних овощах? Во-первых, село расположено удобно: прежде река, а теперь шоссе придвигают здешние огороды прямо к городскому рынку. С грядки — на прилавок, и без лишней перевалки. Во-вторых, здесь «жирная» земля, черноземный остров в море супесей и подзолов, — поэтому выше урожаи, поэтому овощи раньше созревают, поэтому требуют меньше полива. Кто может с ними конкурировать? Из всех удобно расположенных сел в Посадах лучшая земля...

Крестьяне, даже и не знакомые с учебником подитэ-

* А.-И.С.Вилимавичус. Личное подсобное хозяйство при социализме, его место, роль и тенденции развития: Автореферат диссертации. — 1976. — с.3, 19.

кономию, давно уже поняли рыночные механизмы и применяют их на практике.

И конечно, не только в Средней России, но прежде всего в Грузии, в автономных республиках Северного Кавказа, в республиках Прибалтики, в Белоруссии, где в совокупный доход крестьянской семьи приусадебное хозяйство дает больше половины *.

«Курская картошка путешествует на рынки Донбасса; среднеазиатские и закавказские фрукты — на рынки городов Центральной России; украинский лук — в Москву, Горький, Тулу и т.п. Особое место в снабжении московских рынков продукцией личных подсобных хозяйств занимают Рязанская и Липецкая области»**.

Возможность самому и, как кажется, с максимальной выгодой приложить свой труд, толкает людей поистине на великие земледельческие подвиги. Чего стоят одни только клубничные хозяйства в пригородных зонах больших городов, где на нескольких сотых, если вообще не тысячных долях гектара, получают урожаи, а значит, и доходы, которые даже нашей Аксинье Егорьевне не снились при всей живости ее хозяйственного воображения.

Писатель В. Солоухин разглядел напористую силу этого явления:

«Под конец нашей цветочной экскурсии меня привели в помещение, называемое теплицей...

— Четырнадцать квадратных метров, — пояснил хозяин. — Искусственный климат. Урожай по желанию, в любое время года. Но я приурочиваю к первому января.

— Огурцы или помидоры? Оно, конечно, к новогоднему столу свежий огурчик — цены нет. То же и помидор...

— Ну что вы! Огурцы — это грубо и дешево...

— Тогда о каком новогоднем урожае вы говорите?

— Цветы. Тюльпаны. Вот о каком урожае. По два, по три рубля за каждый цветок. Эти четырнадцать метров приносят мне пять тысяч рублей дохода»***.

Два рубля за цветок — дорого или дешево? А рубль-полтора за килограмм картофеля на рынках Средней Азии? А рубль-два за лимон на базаре Новосибирска? Дорого, очень дорого!

Но такова рыночная цена, и вряд ли найдется альтруист, который станет просить за лимоны по гривеннику. Когда

* В.И.Шубкин. Социологические опыты. — М., 1970. — с.78.

** Г.И.Шмелев. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. — М., 1971. — с.11.

*** В.Солоухин. Травы. — «Наука и жизнь», 1972, № 10.

действуют рыночные отношения, добрая душа и высокая нравственность не помогут, у рынка свои законы, причем законы рынка имеют объективный характер.

Поэтому наивно ругать за дороговизну какого-нибудь кавказца, продающего персики или мандарины. У рыночного торговца нет души. Он фигура чисто экономическая. За ним — *весь советский хозяйственный строй...*

Нет, не крестьянин возгоняет цены на рынке. Тюльпаны — или ранние огурцы, или первые майские помидоры, или всегда и всем необходимое мясо — стоят на рынке дорого лишь потому, что производятся индивидуальным способом и в малых количествах. Развернуть их производство более широко крестьянин не может, размеры его хозяйства административно ограничены, никакая кооперация не разрешена...

Может быть, *идеологические условности* тормозят и развитие экономики всей страны? Частная инициатива — запрет! Рыночные отношения — запрет! Стремление к прибыли — запрет! Это ничего, что хлеб везем через один океан — из Америки, а мясо — через другой, из Новой Зеландии. Зато экономика наша щедро омывается священными идеями Маркса-Энгельса-Ленина... (чуть было не сказал — Сталина, но теперь не принято, хотя, по существу, чего же стыдиться?).

Можно, конечно, предположить, что все действующие запреты — печальная ошибка, условности, недоразумение, которое само собой рассеется по мере того, как будет увеличиваться разрыв между потребностями населения в продуктах питания и низкой производительностью крестьянского труда, хилыми возможностями социалистического сельского хозяйства эти потребности удовлетворить.

Но не будем выдавать желаемое за действительное. Запреты — не случайность и не условность. Они — инструмент *правлящей структуры*, инструмент партийной бюрократии — инструмент охраны существующих государственных порядков. И установлены все запреты в стремлении оградить государство партийных чиновников от посягательств, скажем, со стороны экономически окрепшего крестьянства или со стороны политически осознавшей себя технoструктуры.

Сталин понимал это лучше других. И хотя сегодняшняя партийная верхушка старается делать вид, что не замечает его тени, именно он среди прочих классиков марксизма-ленинизма ближе к нынешней политике правящего класса: «Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в

советской стране составляет рост производительности труда? — спрашивал он в своей знаменитой речи против Бухарина. — Нет, не верно. Нам нужен не всякий рост производительности труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического (то есть не рыночного, а напрямую подвластного партийной бюрократии, объективно работающего на укрепление ее власти. — Л.Т.) сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим»*.

Именно запреты составляют суть власти, содержание деятельности партийной бюрократии: она обойдется без хлебного изобилия в стране, ей не нужна торговая прибыль, не обязательна всесторонне и гармонично развитая экономика — ей нужна только власть, безграничное изобилие власти, прибыль в виде увеличения власти, развитая система получения все новой и новой власти по мере продвижения в партийной иерархии.

Поскольку партийная бюрократия, как некогда — вырождающийся класс феодальных землевладельцев, никоим образом не участвует в общем потоке производства материальных и духовных ценностей, который и зовется прогрессом общества, у нее остается только одна возможность не быть смытой этим потоком: возможность установить строгую систему запретов, ограничений, «табу». И все «мероприятия партии и правительства в области экономики», которые объявляются каждый раз как великий дар народу, есть не что иное, как робкое лавирование партийной бюрократии среди ею же установленных плотин и барьеров — лавируют, чтобы вовсе не утонуть.

Но *черный рынок* как раз ничем и не угрожает стабильности нынешнего государства. Строго говоря, он ему целиком и полностью подконтролен, а потому — выгоден. Колхозная система с самого начала и задумывалась как система черного рынка, и сфера его значительно шире базарной площади, — это мы сразу увидим, вновь обратившись к Сталину:

«И если у вас в артели нет еще изобилия продуктов, и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворять, и личные. Тогда лучше сказать прямо, что вот такая-то область работы

* И.В.Сталин. Соч., т.12, с.79.

— общественная, а такая-то — личная. Лучше допустить прямо, открыто и честно, что у колхозного двора должно быть свое личное хозяйство, небольшое, но личное. Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, большое, крупное, решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с ним небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника*.

Добрый Сталин, который, как видим, разрешил крестьянской семье не умирать с голоду — в тридцатых годах, как, впрочем, и добрый Брежнев, который настойчиво подталкивает крестьян к интенсификации труда на приусадебных хозяйствах — в семидесятых, — не уточняют, конечно, какую часть суток крестьянин должен отдать «личному хозяйству». Ясно, что лишь ту, что остается от трудов в колхозе...

Вот где начинается *черный рынок*! Здесь, а не у базарных ворот. И сразу проявляется как форма компенсации разрушений в цепи экономической логики: крестьянина *вынуждают* продавать обществу свой *сверхурочный* труд, тогда как его труд в колхозе попросту отнимается задаром или почти задаром, без удовлетворения элементарных нужд крестьянской семьи. Вот где самая главная «купля-продажа» на черном рынке: не морковка продается и не петрушка, но труд и жизнь крестьянина...

Но кто же здесь покупатель?

3

Колхозная, гармоничная система сельского хозяйства удобна правящей структуре и всемерно поддерживается ею как идеальная система эксплуатации крестьянства, поддерживается целиком, включая институт приусадебного хозяйства...

Впрочем, уместно ли, размышляя о приусадебном хозяйстве, говорить об *эксплуатации*? Ведь здесь крестьянин работает на *себя*: сколько в огороде ни вырастит, сколько в загороде ни выкормит, все ему, никто теперь не отберет. Работай, живи, пользуйся...

И все-таки я знал человека, который по доброй воле

* Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. — 1935. — с.1.

решил отказаться от своего огорода. Да не где-нибудь, а в самих «огуречных» Посадах, которым завидуют окрестные деревни и села. В конторе тамошнего колхоза мне показали такой документ:

«В правление колхоза
„Счастливая жизнь“
от механизатора Тюкина
Гаврилы Ивановича

Заявление

Прошу отобрать у нашей семьи индивидуальный огород и предоставить нам с женой возможность зарабатывать в колхозе дополнительно еще три тысячи рублей, которые мы ежегодно выручаем на базаре от продажи ранних огурцов. Моя просьба вызвана тем, что вчера, возвращаясь с работы на ферме, моя жена, Тюкина Анна (1951 г. рожд.), увидела, что перед ней по дороге катятся цветные шары, — наработалась, значит. Когда жена остановилась, шары исчезли, но когда пошла дальше, шары опять покатились. Справку от фельдшера прилагаю.

В случае, если мою просьбу выполнить нельзя, я не разрешу моей жене ходить на ферму, где она работает дояркой и получает редко больше ста рублей в месяц. Пусть уж тогда одними огурцами занимается на приусадебном участке да за детишками смотрит...

Тюкин».

Хитрый Тюкин рассчитал безошибочно: приусадебный участок у него, конечно, не отобрали. Деньги, которые жена приносила с фермы, никакого серьезного значения в бюджете семьи не имели, — по крайней мере, старания в «огуречном деле» дадут значительно больше доходов. Что до участия в колхозном производстве, которое, как мы знаем, одно только и дает право иметь приусадебный огород, — то Тюкин полагал, что его собственная доля в колхозных трудах достаточно велика, чтобы не жертвовать здоровьем жены. Он и сам-то и в колхозе, и дома поспевал на последнем дыхании...

Радуюсь доходам крестьянина от своего приусадебного хозяйства, подумаем: если в индустриально развитой стране здоровому человеку приходится работать на пределе физических возможностей (иначе не прокормить семью), не значит ли это, что *прибавочное* рабочее время растянуто

за естественные, природой поставленные границы? Это ли не эксплуатация сверх всякой меры?..

С самого начала сплошной коллективизации, с первых дней колхозной системы «пролетарское» государство оставило крестьянина на произвол судьбы. У крестьянина забирали все под метелку, нисколько не заботясь о том, остались ли ему хотя бы самые необходимые средства существования.

Какой акт садизма — сообщить с гордостью, как достижение (не к этому ли стремились?) на 18-м съезде партии: «Средняя выдача зерна в *зерновых районах* (курсив мой. — Л.Т.) на один колхозный двор поднялась с 61 пуда в 1933 году до 144 пудов в 1937 году»*. И где! На Кубани, на Дону, в Новороссии — на богатейших землях, о которых более чем за сто лет до того еще Сисмонди было известно, что они способны не только досыта накормить живущий на них народ, но и дать такой урожай, «что русским хлебом было бы легко снабдить все рынки, которые оставит открытыми для русских и поляков цивилизованная Европа»**.

Шестьдесят один пуд на большую крестьянскую семью — голод, по двухсотграммовой тюремной пайке на человека в день. 144 пуда — едва возможное существование. Но то в зерновых районах.

А что там, в Рязани, Смоленске, Владимире, Вологде? Об этом ни слова. Будто вымерли земли. И близко к тому было... Голод в 39-м году. Голодные военные годы. Голод в 47-м. Голод в 49-м. В остальные годы травяных лепешек не пекли, но никогда не ели досыта. И еще в 1963 году в стране были тысячи колхозов, где крестьянин получал за свой труд в течение года 6–7 пудов зерна и 10–15 рублей деньгами***.

Государство отнимает продукт, произведенный крестьянином в колхозе, но делает это не напрямую, не грубо, не физическим нажимом, который мог бы вызвать нежелательное противодействие, но замаскированно, через систему закупочных цен. Создается видимость, что продукт не отнят, но куплен, а поскольку продукта произвел мало, постольку и не заработал ничего. Кого же винить?

Финансируя сельскохозяйственное производство, власти

* И.Сталин. Вопросы ленинизма. — М.: ГПИ, 1952. — с.626.

** Ж.Симон де Сисмонди. Новые начала политической экономии... — М., 1936. — с.269–270.

*** См.: Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. — М.: «Мысль», 1970. — с.110.

принимают позу доброго дядюшки — исключительная щедрость толкает его оплачивать хозяйство нерентабельное, себя не оправдывающее... Слушайте, слушайте! Возможно ли, чтобы люди признали нерентабельным кормить себя? Возможно ли где-нибудь еще, чтобы при нехватке мяса, молока, картофеля производство их было нерентабельным?

Весь этот голодный, маскарад затеян с одной-единственной целью: скрыть очевидный факт, что значительная часть сельскохозяйственной продукции попросту *отнимается бесплатно*, поскольку существующие цены никоим образом не соответствуют ее реальной общественной стоимости...

Впрочем, предоставим слово специалистам, которые, решая задачи конкретной экономики, волей-неволей вынуждены если не до конца распутать клубок, то, по крайней мере, потянуть нитку дальше, чем обычно принято: «Расчеты, выполненные на базе учета затрат труда в отраслях материального производства и редукиции труда на основе различий в общественно необходимых затратах труда на подготовку рабочей силы разной квалификации, показывают, что в сельском хозяйстве в 1969 году было произведено 29,4%, а в 1970 году — 28% национального дохода страны... Вместе с тем, доля сельского хозяйства в национальном доходе, рассчитанная нами, выше, чем учтенная текущими ценами по действующей методике ЦСУ СССР. Последняя составила в 1960 году 19,5% и в 1970 г. — 21,8%»*.

То есть, по меньшей мере, стоимости, оцениваемые в 30 миллиардов рублей, отнимаются у сельского хозяйства безвозмездно. Часть из них в демагогической обертке возвращается, но далеко не сполна и далеко не по тем адресам, какие назвали бы заинтересованные потребители товаров, испытывающие нехватку мяса, молочных продуктов, овощей, яиц. Так в течение многих лет животноводство получало столь мизерный возврат произведенных здесь стоимостей, что их едва хватало даже на простое воспроизводство. В результате и сегодня в стране катастрофическая нехватка мяса, от которой в первую очередь страдают рабочие промышленных предприятий, пролетариат, чьи интересы якобы положены в основу государственной политики.

Но если животноводство недополучает причитающейся ему по законам товарного производства доли продукта, то недополучают ее и крестьяне, занятые в колхозном животноводстве. Система норм и расценок так устроена,

* А.П.Плотников. Отношения сельского хозяйства с перерабатывающей промышленностью и торговлей. — М., 1973. — с.51.

что значительная часть общественно необходимого труда остается неоплаченной.

Можно примерно подсчитать долю необходимого продукта, которая отнимается у крестьянина безвозмездно: подсчитанная разными способами, она составляет от 40 до 60 процентов стоимости воспроизводства рабочей силы со средним уровнем квалификации. А это значит, что от 60 до 40 процентов необходимого продукта крестьянин должен добирать в своем приусадебном хозяйстве.

Но оказывается, и этого сказать недостаточно. «Сравнение фактического минимального уровня доходов колхозной семьи с рассчитанным минимумом материальной обеспеченности показывает, что в 1960–1970 гг. минимальная оплата труда в колхозах с учетом *всех других источников* семейных доходов (курсив мой. — Л.Т.) обеспечивала воспроизводство рабочей силы на 80–85% от уровня возмещения затрат простого труда в промышленности»*.

Вот и вспомним те тысячи, которые крестьянин получает, реализуя продукты приусадебного хозяйства. Где они? Их едва хватает взамен тех денег, что недоданы в колхозе, что отняты государством.

Ограбленное таким образом крестьянство, казалось бы, обречено было на деградацию и вымирание. Но инстинкт самосохранения силен. До смерти и котенка утопить не просто, а человек-то, люди будут сопротивляться до последнего. На это, впрочем, советская экономическая политика и рассчитана...

И сопротивлялись, учились жить с сорока, и с пятнадцати соток, и с пятнадцати метров земли. Выучились. Живут, карабкаются. До цветных шаров в глазах. Лишенные необходимого продукта в колхозе, добывают его в приусадебном хозяйстве.

Но обратим внимание еще и на то, что, ограбив крестьянина в колхозе, выжав из него соки в своем плановом, гласно-социалистическом тоннеле, власти отпускают его на поправку в систему рыночных отношений. Отпускать-то отпускают, но «на поводке», ограничив экономический маневр целым рядом запретов и табу.

Минимальный размер земельного участка и связь его аренды с отработкой в колхозе или совхозе, строгий регламент на фураж, отсутствие рынка сельскохозяйственного инвентаря, запреты на интенсивное использование

* М.И.Сидорова. Возмещение необходимых затрат и формирование фонда воспроизводства рабочей силы в колхозах. — М., 1972. — с.187.

земли, строгий запрет на частные товарищества и кооперативные — все это не дает крестьянину сделаться независимым хозяином. Этот черный мешок запретов мешает рынку развернуться в полную силу, мешает производству напрямую связаться с потребительским спросом. Черный рынок остается *под рукой* административной власти, которая диктует жесткие условия постоянной эксплуатации крестьянина в колхозе, совхозе и в приусадебном участке.

Но в то же время власти не могут, не хотят, боятся до конца пролетаризировать крестьянина, сделать его лишь наемным рабочим. В конце шестидесятых годов в Латвии местные партийные органы, видимо, сдвинутые несколько в европейскую сторону от центрально-русских методов хозяйствования, распорядились приплачивать колхозникам за отказ от своих участков. Немного, всего по 300–400 рублей в год, но здесь важна не сумма, а тенденция*.

Вроде бы все логично: колхоз получает дополнительную землю, увеличивает свои доходы и какие-то суммы из них платит тем, кто от этой земли отказался...

Но нет, не нужны властям ни эта земля, ни эти доходы, которые, впрочем, будут не будут, еще неизвестно. Властям не нужен сельский пролетарий — власть партийной бюрократии не умеет распорядиться его трудом, не умеет создавать такие условия труда, чтобы, получая необходимый продукт в виде зарплаты, он произвел достаточное для общества количество прибавочного продукта. Она не умеет ни организовать производство товаров, ни торговать, она может только *отнять* уже произведенное. А у пролетария что отнимешь? По крайней мере, куда меньше, чем у крестьянина.

Кроме того, промышленные рабочие обладают неотъемлемыми правами, которые в приложении к крестьянству весьма проблематичны: право на труд, право на отдых, право на жилье. Права, которые гарантируются в том или ином объеме в зависимости от уровня развития производительных сил...

И еще, конечно, право на восьмичасовой рабочий день, которое хоть и нарушается сплошь и рядом, но оно все-таки провозглашено, и нужно искать оправдание, чтобы его нарушить. В деревне же таких прав просто нет и быть не может... Крестьянин во многих случаях хотел бы стать пролетарием!

«По материалам социального обследования в колхозах

* А. С. Стамкулов. Приусадебное землепользование. — Алма-Ата, 1972.

Нечерноземной зоны затраты времени трудоспособного колхозника в артельном производстве составили 2600 часов, а колхозницы — 2380 против 2000 часов оптимально возможного времени в промышленности*». Прибавим сюда примерно 1000 часов, которые затрачиваются каждым колхозником в приусадебном хозяйстве, и мы получим представление о реальных затратах рабочего времени в деревне.

Пролетария можно заставить работать и по десять и по двенадцать, и по четырнадцать часов в сутки, как это и делают на советских промышленных предприятиях в дни ежемесячных, ежеквартальных авралов или в последние месяцы года. Но пролетарию нельзя вообще не дать зарплату, предлагая кормиться где-нибудь на стороне. Ему помногу добирать негде, и если бы власти рискнули регулярно оплачивать труд промышленных рабочих на 40–60%, то поставили бы под угрозу само существование государства. Поэтому советская система трудового нормирования и заработной платы, система ценообразования и распределительная политика Советского государства построены таким образом, чтобы рабочий во всех случаях получал свой прожиточный минимум, даже тогда, когда та или иная отрасль промышленности или строительства нерентабельна и для покрытия дефицита приходится соответствующим образом перераспределять общественный продукт.

Так это, например, происходит с жилищным строительством. Колоссальный дефицит жилья власти пытаются хоть как-то компенсировать в глазах общественного мнения низкой квартплатой, которая далеко не покрывает строительных затрат и в том числе затрат на оплату труда строителей. Правда, недобрали плату за жилище, недодадут и зарплату, снизив расценки, увеличив степень эксплуатации... Государство нам ничего не дает даром.

Равнодушие к сельскому работнику даже и запрячено не очень тщательно, настолько оно кажется властям естественным и несправедливым. Ему можно заплатить сколь угодно мало, не считаясь ни с какими общественными нормами. Доберет в приусадебном хозяйстве и на черном рынке. И никакой угрозы для государства и партийной бюрократии от этого нет. Напротив, осуждая на словах рыночные отношения, власти на самом деле толкают крестьянина на рынок с продуктами приусадебного хозяй-

* В.И.Староверов. Город и деревня. — М.: Политиздат, 1972. — с.80.

ства, и именно за счет рыночного оборота удовлетворяется значительная часть общественных потребностей. А иначе где их взять? Как сбалансировать потребности и возможности? Как отвести интересы общества от крутого столкновения с интересами партийной бюрократии? Без рынка плановый социализм только в теоретических работах ладно катится, но на практике — заклинивает.

Не знаю, успел ли кто-нибудь в Латвии получить те 300 рублей за отказ от земли, да и нашлись ли вообще желающие продаться таким способом в обельное холопство, но инициаторы мероприятия получили по партийному выговору — и поделом! Не руби сук, на котором сидишь, не предавай партийных интересов: без приусадебного хозяйства, без рынка так заклинит...

Крестьянин вынужден трудиться два рабочих дня ежесуточно. Большую часть того, что он зарабатывает в первый день — в колхозе, в системе гласно-социалистической, — у него отнимает государство и распределяет в интересах сохранения существующей системы. Крестьянину не остается ни необходимого продукта, ни права распоряжаться прибавочным...

Тогда начинается второй рабочий день — по законам чернорыночного товарного производства, по законам *негласного* социализма, — рабочий день, во время которого крестьянин пускает в ход весь свой наличный капитал: рабочую силу — свою, оставшуюся от колхозных трудов, и своей семьи. Он сам определяет здесь уровень эксплуатации: минимум — чтобы не голодать, максимум — чтобы не падать с ног от недосыпа, работая с трех утра до десяти вечера. Сам определяет (в рамках дозволенного) характер производства в зависимости от спроса на те или иные продукты. Здесь крестьянин сам себе работник, сам себе и «капиталист».

Весь этот чернорыночный оборот настолько мал в каждом своем индивидуальном объеме, эта рента, эта средняя прибыль на капитал, это прибавочное время так потешны кажутся серьезным экономистам, что они не берут на себя труд разобраться в них. А может быть, специально отворачиваются, чтобы не увидеть ту очевидную истину, что социализм-то наш живет за счет чернорыночного «микрокапитализма».

Но и увидев, стараются сказать помягче, поглаже: мол, «время, используемое колхозниками в приусадебном хозяйстве, нельзя назвать рабочим временем или вторым рабочим днем. Это вне рабочее время, обусловленное необ-

ходимостью ведения подсобного хозяйства»*. Внерабочее время, когда добывается половина всего совокупного дохода семьи колхозника. Какая глупость! А ведь между тем мы и питаемся продуктами, которые произведены крестьянином «во вне­рабочее время», как бы играючи...

Впрочем, в самое последнее время напористая реальность заставляет повнимательнее приглядеться к деревне и увидеть хотя бы клочки правдивой картины. «Мы разделяем мнение, что когда личное подсобное хозяйство становится основным источником доходов и оказывается ориентированным, в основном, на рынок, а работа одного из членов семьи в общественном производстве служит лишь средством получения права на ведение такого хозяйства, последнее может рассматриваться как мелкое частное хозяйство»**.

Признаться в существовании мелкого *частного* хозяйства в стране развитого социализма — уже немало. Такое признание не может не заставить рассмотреть сверху донизу (или снизу доверху) всю систему экономических связей. Признавшись в существовании 40 миллионов мелких частных хозяйств почти через полвека сплошной коллективизации, нужно признаться в полной *экономической* неэффективности колхозной системы. Но тут же нужно признаться, что колхозы весьма целесообразны *политически*, поскольку, сосуществуя с мелким частным хозяйством, создают идеальные условия для ограбления крестьянина при помощи *черного рынка*.

Частные крестьянские хозяйства будут жить в их сегодняшнем виде до тех пор, пока правящая структура осуществляет свою политику за счет *черного рынка*. А может ли ее политика быть обеспечена каким-либо другим способом, весьма сомнительно. По крайней мере, именно это и должно *рассматриваться*.

Не вина крестьянина, что он обречен вести рыночное хозяйство даже на участке размером с детскую песочницу. А мы, желая понять, в какой стране живем, отворачиваться от его судьбы не вправе. Тем более, что на этих игрушечных

* Байкова и др. Свободное время и всестороннее развитие личности. — М., 1955. — с.37.

** В.И.Староверов. Преодоление существующих различий между городом и деревней как составная часть задачи построения социально однородного общества. — «Социологические исследования», 1975, № 4, с.31.

участках разворачиваются отнюдь не детские своей жестокостью игры взрослых.

4

Ни летним вечером, ни в праздники на сельской улице не увидишь играющих в домино взрослых, вроде тех, что стучат костяшками во всех городских дворах, скверах и на бульварах. В деревне бездельничать стыдно. И даже эти самые доминошники, собираясь навестить родные сельские места, не берут с собой настольные игры, но так подгадывают отпуска, чтобы помочь родителям или родственникам в огородных работах весной, или на летней сенной страде, или в сентябрьской копке картофеля... А уж сельского-то жителя труды не отпускают круглогодично: ведь на себя работает. Если остановится, кто за него сделает? Кто возместит потери, если пропущен срок полива огурцов или окучивания картофеля? Если летом долго спал, под снегом травы не накопишь. Если гонят стадо, за домино не сядешь — корми, пои, дои, ухаживай.

Механизатор Гаврила Иванович Тюкин по утрам, пока еще не в колхозе, или вечером, уже вернувшись, упорно добывает то, что не отдано ему при расчете колхозной кассой. С топором ли, с косой ли, с лопатой движется он по дням своим от дела к делу, от заботы к заботе. И не один, за ним вся семья. А Нюрка — так и впереди него.

Кажется, и детям он заботливый отец — если жена болеет, сам проверит, как в школу собрались, сыты ли, нет ли прорех в одежде. И Нюрке своей любящий, ласковый муж. И родителям-старикам — внимательный сын: из-за них и колхозником после армии сделался, не поехал на стройки коммунизма, пожалел одних немощных оставлять... Но при всем том ни больных стариков, ни жену до последнего дня перед родами, ни детей — никого он не может освободить от постоянного крестьянского труда. Впрочем, пусть бы и освободил — никому из них совесть не позволит отлынивать, когда вся семья в огороде или на сенокосе. А без совестливого участия всех в семье не свести концы с концами.

Могут ли двое взрослых, работая в колхозе или совхозе,

вести приусадебное хозяйство достаточно интенсивно, чтобы прокормить семью в пять-шесть человек? Нет, не могут.

Для того чтобы получить урожай картофеля с приусадебного участка в 30–40 соток, двое трудоспособных должны ежедневно трудиться полный рабочий день в течение двух месяцев. Да уход за коровой занимает полтора-два часа ежедневно, и всякая другая живность внимания и времени требует...*

Но ведь и от работы в колхозе никто не освободит, особенно летом**.

Да в те же летние месяцы и сена надо на зиму добыть, и все остальные заботы остаются. Нет, двоим не хватит ни сил, ни времени. И в больших семьях те, кто зарабатывает *право* на приусадебное хозяйство — колхозники и рабочие совхозов, — не главные добытчики в своем огороде.

Приусадебное хозяйство — колоссальный комбинат по эксплуатации детей, стариков, инвалидов. Двенадцать миллионов сельских жителей нигде не работают, кроме как в приусадебном хозяйстве, причем из них семь с половиной миллионов — старики и подростки***. Да и остальные миллионы — это главным образом люди нетру-

* По расчетам специалистов Госплана СССР, затраты труда на производство центнера картофеля в личных подсобных хозяйствах составляют сейчас 2,8 человеко-дня. «Известия», 14 января 1977 г. С 30–40 соток приусадебной земли получают урожай около 50 центнеров... В весьма благоприятных условиях Хмельницкой области тратится в приусадебном хозяйстве на производство одного центнера молока — 3 человеко-дня, на откорм головы крупного рогатого скота — 45,5 человеко-дня. В.А. Беляев. Личное подсобное хозяйство при социализме. — М.: «Экономика», 1970. — с. 95.

** В Новосибирской области, которая ничем не выделяется среди других сельскохозяйственных областей страны и вполне может быть принята за среднестатистическую, «в 1972 г. по сравнению с 1967 г. средняя продолжительность рабочего дня (в колхозах и совхозах. — Л.Т.), по оценкам работников, выросла зимой с 7,8 часа до 8,4, летом с 8 до 9 час... Доля работающих 8–11 час. возросла с 30 до 55%, а свыше 12 час. — вдвое. В 1972 г. нормальный рабочий день имела лишь одна треть работников, в то время как остальные две трети в той или иной мере перерабатывали». Р.В.Рывкина. К изучению основных направлений урбанизации образа жизни сельского населения. — В кн.: Современная сибирская деревня. — Новосибирск, 1975. — ч.1, с.36.

*** В.А.Беляев. Личное подсобное хозяйство при социализме. — с.81, 93.

доспособные или ограниченной трудоспособности, домохозяйки с большими семьями. Три четверти труда, затраченного в приусадебном хозяйстве, — женский труд. Прибавим еще пятнадцать миллионов сельских ребятишек — число школьников без учащихся начальных классов, — и мы получим представление о том, чьими руками создается значительная часть валовой продукции сельского хозяйства, которой в прямом и переносном смысле кормится государство развитого социализма со всем его мощным партийно-государственным и идеологическим аппаратом *.

Факт эксплуатации неработоспособного населения, который замалчивается экономистами и социологами, вдруг просвечивает сквозь писания юристов, которые обязаны точно определить правовую сторону взаимоотношений в сельской семье: «Семья колхозника, в отличие от обычной семьи рабочего или служащего, имеет определенные особенности, выражающиеся в том, что это не только родственный, семейно-рабочий союз определенных лиц... но такое семейное объединение лиц, которое имеет еще и определенные трудовые связи данных лиц между собой, возникающие у них в силу совместного ведения ими личного подсобного хозяйства»**.

Можно и нужно бы сказать еще точнее: семья колхозника — микрокапиталистическое предприятие, где глава семьи вынужден эксплуатировать труд своих домочадцев, чтобы получить в приусадебном хозяйстве максимум прибавочной стоимости и таким образом возместить недополученный ими в колхозе или совхозе необходимый продукт.

Ведется эта эксплуатация, как правило, совершенно варварскими методами, без какого бы то ни было облегчения труда, без механизмов, без применения современных достижений агрономии и зоотехники. Лопата, тачка, мешок, корзина — почти весь инвентарь. В лучшем случае весной за две-три бутылки водки колхозный тракторист вспашет и боронорует участок, остальное — руками.

* «Развитый социализм» подобного типа уходит корнями своими в далекую историю: «Факты языка показывают, что древний источник рабства находится в связи с семейным правом. Слово „семия“ (по словарю Востокова) означает — рабы, домочадцы... Термины: ... раб (робя, робенец, ребенок), холоп (в укр. хлопец — мальчик, сын) — одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам». М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. — Цит. по книге академика Б.Д.Грекова «Крестьяне на Руси», с.132.

** Комментарий к примерному Уставу колхоза. — М.: «Юридическая литература», 1972. — с.239.

Один велеречивый партийный болтун заявил: «Хозяйственные функции сельской семьи в советское время в корне изменились. Отпала главная забота — о средствах производства, о лошади, о сохранении плодородия...»^{*} Ну да, забота о лошади отпала — на себе возят. Еще в тридцатые годы был выдвинут лозунг: «Лошадь — угроза социализму». Ползая по земле на карачках, по-лошадиному таская на себе грузы, сельские бабы социализму не угрожают, все верно.

Государство давным-давно закрыло глаза на то, каким способом крестьянин добывает себе пропитание, сколь тяжело надрывается при этом. Беда ли — заводы «делают лопаты на целый килограмм тяжелее положенного. Грабли тоже слишком тяжелы... Совсем не делают инструмента для подростков, пожилых людей»^{**}.

Какая страшная картина: на двух сотых всех площадей пахотной земли дети, инвалиды, старики, женщины с лопатами и граблями не по силам дают продукта, чуть не столько же, сколько здоровые крепкие люди во всеоружии современной техники получают с остальных девяноста восьмью сотых! Какой тяжелый порок скрыт в этих газетных признаниях!

Правда, в последние годы в пригородных зонах увеличилось число приусадебных хозяйств, ведущих интенсивный откорм скота, умножились парники и теплицы. Возможность получить относительно высокую прибыль заставляет этих микрокапиталистов думать хотя бы о микромеханизации: переделывать домашние пылесосы в огородные опрыскиватели, миксеры приспособливать для сбора крыжовника, изобретать оборудование для выращивания тюльпанов зимой.

Но в массе своей приусадебное хозяйство остается традиционно рутинным. Да и не может быть иначе: на малых земельных площадях, при полном отсутствии техники, приспособлений для ведения столь мелкого хозяйства, есть лишь один способ произвести побольше продукта: увеличить количество затраченного живого труда. За счет занятых в колхозе взрослых ничего не увеличишь — упадут. Значит, побольше работать приходится многодетным женщинам, старикам, инвалидам, детям.

Конечно, никакого разделения труда, никакой кооперации, увеличивающей его производительность, здесь нет

^{*} П.Шелест. Одна сельская семья. (Штрихи к социальному портрету сельского рабочего 70-х годов). — М.: «Советская Россия», 1972. — с.79.

^{**} «Известия», 14 января 1977.

и быть не может. Приусадебный участок — не землевладение и даже не свободная аренда. Право крестьянина на приусадебный участок предусматривает обработку земли лишь семьей самого крестьянина. Облегчить труд семьи можно, только прибегнув к супруге — простой взаимопомощи двух-трех колхозных дворов по принципу: ты — мне, я — тебе. Так малосемейные копают картошку. Так в некоторых районах ведут простейшее индивидуальное строительство.

Но объединение тех же двух-трех крестьянских дворов для более рационального, более интенсивного *рыночного* хозяйства невозможно — строжайшее табу! При рациональном разделении труда, при интенсивном ведении хозяйства, ориентированного на рынок, *капиталистический* характер такого объединения был бы ярко выражен, и можно обойтись уже без приставки «микро». Если придавленные запретами нынешние приусадебные хозяйства успешно конкурируют с колхозами и совхозами, надо ли говорить, что даже элементарное объединение независимых крестьянских хозяйств с гектаром-двумя земли и простейшими механизмами показало бы полную экономическую бессмысленность сегодняшних колхозов. Понятно, что власти на такое не пойдут. Власть партийной бюрократии никогда не признает достаточным основанием для дальнейшей капитализации приусадебного хозяйства даже увеличение продуктов питания вдвое или втрое против сегодняшнего.

Понять политический смысл запретов не сложно: сохраняя полуголодный, но гарантирующий безоговорочную власть партийной бюрократии «зрелый социализм», сохраняя черный рынок, они не дают развиваться открытым рыночным отношениям, при которых нужда во всякой административной власти весьма ограничена.

Вообще всякое *добровольное*, независимое от существующей администрации колхозов и совхозов объединение частных лиц в советской деревне невозможно — ни на капиталистической рыночной основе, ни на основе *коммунистической*. В стране, провозгласившей построение первой фазы коммунистического общества, *коммуны-то* как раз и запрещены. Они существовали еще при царе и в первые годы советской власти, но с началом коллективизации исчезли. Похоронил их лично Сталин: «Лишь по мере укрепления и упрочения сельскохозяйственных артелей может создаться почва для массового движения крестьян в сторону коммуны. Но это будет *не скоро*. Поэтому коммуна, представляющая высшую форму, может стать

главным звеном колхозного движения лишь в будущем»*. Ему неважно было, куда отправлять свои жертвы, в прошлое или в будущее, — лишь бы в небытие, лишь бы не мешались под руками в настоящем.

Коммуны создавались людьми, религиозно преданными коммунистической идее. Такие сплоченные, убежденные коллективы могли оказать и оказывали серьезное сопротивление советской политике крепостного закабаления крестьянства.

«В известной части коммун проявилась антигосударственная практика, выразившаяся в противопоставлении интересов коммуны интересам государства (чрезмерное увеличение потребительских нужд коммуны, уменьшение товарности и т.д.)»**.

Вот оно в чем дело! Коммунары не хотели становиться рабочим скотом, несущим тягло под понукание партийной бюрократии, скотом со скотским уровнем потребностей.

И тогда их перевели на Устав сельхозартели. И тогда их заставили гнать на работу своих детей и стариков...

Впрочем, эксплуатация крестьянской семьи как единого хозяйственного организма оказалась такой удобной, что в последнее время широко применяется не только опосредованно, через главу семьи, в приусадебном хозяйстве, но и непосредственно, в колхозном поле. Например, в Чувашии (это я видел в Чувашии, а знающие люди подсказывают, что едва ли не повсеместно) картофельные поля разбиваются на делянки, и каждая крестьянская семья в зависимости от числа наличных душ должна выбрать картофель с большей или меньшей площади. Только исполнение этих барщинных работ (не освобождая от иных, само собой разумеющихся) дает право на покупку в колхозе кормов для личного скота и на бесконфликтное пользование приусадебной земель.

Количество наличных душ в семье учитывается по прямому, мистическому значению слова, поскольку важно одно: чтобы душа в теле держалась. Освобождаются лишь паралитики. По крайней мере, в чувашском колхозе «Канашский» семья слепого (он да жена) никаких льгот в этой трудовой разверстке не получила... Заметим, что колхоз этот — среди «маяков» республики. С газетных и журнальных страниц нам его подают как достижение социализма — в каждой области таких лишь пять-шесть

* И.В.Сталин. Ответ товарищам колхозникам. — В кн.: Вопросы ленинизма. — Изд.2-е. — с.351.

** БСЭ. — Изд.1-е, т.33. — «Коммуна сельскохозяйственная».

хозяйств. Сюда журналистов *возя*т. Механизаторы и доярки получают здесь больше, чем в соседних хозяйствах. Но кто же разберется внимательно, что кроется за плакатными улыбками, чьи незамеченные труды, чьи слезы?

Председатель колхоза «Канашский» — крепкий хозяин, заслуженный агроном, кавалер орденов Ленина и Октябрьской революции, автор книги «Земля и урожай». Надо полагать, не он придумал эту систему, но с успехом пользуется ею именно он. Много ли их, таких просвещенных крепостников? Надо бы, чтобы страна знала каждого из них — может, тогда постыдятся? Да постыдятся ли? Им райком грехи отпустит...

В иных местах так убирают сахарную свеклу, кормовые культуры. И нам здесь можно заметить, что столь дикая форма отработки не может привлечь крестьян даже видимостью прямого материального интереса — это лишь форма ужесточения условий, на которых предоставляется право на приусадебное хозяйство.

При такой организации труда действуют психологические факторы, хорошо известные еще Марксу, а по его словам, и еще раньше — Фурье: «...Женщины хорошо работают только под диктатурой мужчин, но... с другой стороны, женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы... между тем как взрослый работник-мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы»*.

В республиках Средней Азии школьников двенадцати-четырнадцати лет (почему-то чаще я встречал именно школьников) заставляют тяжелым кетменем — на килограмм, на два тяжелее нормы? — рыхлить землю колхозного хлопчатника. По многу часов, на солнцепеке, вместо уроков, а иногда и после уроков.

Эта работа, пожалуй, тяжелее, чем выборка картофеля из осенней грязи, столь знакомая среднерусским школьникам.

В Гатях — среднерусской деревне, где жила и похоронена наша Аксинья Егорьевна, одна из учительниц местной восьмилетки усомнилась, надо ли включать в программу уроки сельского труда? Ей показалось, что дети и без того знают предмет очень хорошо. Она анкетами опросила школьников и анкеты отослала своему наробразовскому начальству. Все дети ответили, что на уборке урожая

* К.Маркс. «Капитал», т.1. — М.: Госполитиздат, 1963. — с.707.

картофеля они работают трижды: раз — дома, два — в колхозном поле с семьей, три — в колхозном поле со школой; на сенокосе — дважды: сначала с семьей в лесхозе или в другой организации, у которой есть уголья и можно заработать копейку-другую, потом — в колхозе за «десятый процент», то есть за право получить одну десятую часть убранныго сена; кроме того, конечно, все иные работы — весной, летом, осенью на приусадебном участке, и круглогодично — уход за скотиной (последнее — не все, главным образом, девочки).

Начальство внимательно изучило анкеты, но уроки сельского труда велело начать. Не потому, что нужны, а потому что с них, с начальства, еще начальство повыше спрашивает. А то — самое высокое начальство, одержимое исключительно гуманными соображениями, издавало приказы, запрещающие детский труд в поле. И теперь все в том же перманентном порыве гуманности заботится, как бы сельские ребятишки не обленились, не выросли бы белоручками.

Но министерские чиновники далеко и высоко, а районные партийные и хозяйственные — близко. И без детских рук им урожай не выбрать, землю не взрыхлить, веточного корма не наготовить. Знают ли об этом чиновники министерские, издавшие гуманные приказы? Да, конечно, знают! Но их чиновничье дело — издавать гуманные приказы. А дело наробразовских районных чиновников — исполнять все приказы и из Москвы, и из райкома партии. И в результате, крестьянский ребенок, трижды уже отработавший в разных местах, трижды эксплуатируемый, работает в четвертый раз *на уроке труда*. На этот раз его эксплуатирует гуманное педагогическое начальство, которое имеет свои дивиденды не в виде сданного картофеля и галочки в хозяйственном плане, но в виде галочки в плане педагогическом.

Экономическая необходимость работать в приусадебном хозяйстве существует многие годы, формируя нравственную атмосферу сельской жизни, и, наконец, закрепляется в обычае, в нравственном императиве. А обычай уж, в свою очередь, требует от человека определенного действия, эксплуатирует его нравственную податливость. А в конечном счете все то же: эксплуатируется труд.

Уже знакомая нам учительница в Гатях как-то жаловалась, что каждую весну и осень, когда начинаются огородные работы, на нее наваливаются огромные трудности:

не хватает времени, не остается сил и желания сажать и копать картошку.

В семье у них только двое — она и муж. Оба по двадцать пять лет работают в школе. Оба отдают школе всю душу и все время. Картофельный огород им совершенно не нужен — они зарабатывают достаточно, чтобы покупать продукты... Но тем не менее, каждый год сажают картошку, потом ее окучивают, потом выкапывают. И делают это только потому, что *все в деревне* так делают.

Попробуй она отказаться от своего огорода, и в деревне это воспримут не иначе как чудачество, а еще хуже — как высокомерие: «Что вы, можно ли добровольно отказаться от земли?!» В деревне не принято покупать картошку, если ее можно вырастить. В деревне нельзя не жить как все... даже если думаешь по-своему. Всеобщность экономическая создает нравственную всеобщность. Существующие порядки кажутся уже естественными и единственно возможными.

Но все-таки экономический императив пока более важен: большинство учителей не имеет возможности купить какие бы то ни было продукты в колхозе или у односельчан, которые, специализируясь на одной товарной культуре, остальные производят лишь для личного потребления. И вынуждены учителя вести свое хозяйство точно так же, как крестьяне.

Специалистов сельского хозяйства — агрономов, зоотехников, инженеров — продовольственная нужда задевает в меньшей мере, но все-таки и они задеты: «...в своеобразных условиях овцеводческих совхозов Казахстана, удаленных от крупных городов, железнодорожных станций, в районах малой плотности населения ведение личного хозяйства особенно необходимо... При анкетном опросе 12 хозяйств выяснилось, что в них все семьи специалистов держат коров, овец, в некоторых, кроме того, верблюдов и кумысных кобыл»*.

Обстоятельства заставляют. Обстоятельства формируют образ жизни. Образ действий. Образ мышления. Люди не рождаются рабами. Подчинение всеобщности, подчинение глухой необходимости начинается лишь в школьные годы, да и то не сразу. Пока учатся писать, у каждого свой почерк прорезывается. Но со второго класса дети начинают просить в школьной библиотеке «что-нибудь о Ленине — потемку что велели прочитать». Так начинается всеобщий

* И.В.Макарова. Личное подсобное хозяйство сельского населения в перспективном экономическом и социальном планировании. — Целиноград.

почерк мышления. Он закрепляется всеобщей трудовой повинностью: с четвертого класса выходят в колхозное поле и в свой огород. Слово и дело взаимно дополняются, служа одно другому. Формируется человек... И над его-то собственным словом затоскуешь до крика...

Из домашнего задания ученика 5-6 класса гатинской восьмилетней школы Галкина Григория:

«Письмо другу.

Дорогой друг мой Вася!

Я тебе опишу про свой выходной день. Встал я рано, умылся, оделся и помог маме прибрать постели. Потом стал завтракать, позавтракал, и пошли мы копать картошку. Я копал, а сестра выбирала картошку. Было холодно. Немножко замерзла сестра, да и я замерз. Покопались мы. И устали, отдохнули. И стали копать картошку. Мы разогрелись. Вдруг шумит мама: «Идите обедать!» И мы пошли обедать. Пообедали. Пошли рыть картошку. А обед время летело быстро. И вот уже подошел вечер. Мы поели. И легли спать. Вот мой прошел день. Вася, опиши ты про свой день.

Твой друг Гриня».

В детстве я скандировал вместе со своими ровесниками: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Кого должны благодарить сегодняшние сельские ребяташки?

5

— Спасибо Ленину, — сказала как-то Аксинья Егорьевна, разглядывая его портрет в районной газете, — лицо-то доброе, позаботился о нас...

В другой раз я уже без удивления наблюдал, как в новом здании сельсовета она в пояс поклонилась тому же портрету:

— Царство тебе Небесное... Жизнь-то какую дал — и пенсия, и огород, и в магазине чай да сахар — помирать жалко...

Все хорошо знают, что сегодняшнюю жизнь дал нам Ленин. По его заветам живем. И все видят, что сегодняшняя жизнь крестьянина несравненно лучше той, что осталась в тридцатых, сороковых, пятидесятых. Работается трудно? Так ведь и тогда трудно работалось, а жилось хуже. Кто

же помнит, как худо жили еще в начале шестидесятых, когда и в колхозе не платили, и приусадебные хозяйства прижали?

А теперь?.. Мы давно уже забыли, как крестьянин *может*, но хорошо помним, что еще недавно он жил так, как жить нельзя, как жить *невозможно*. Из народного сознания давно утратилась память о жизни при НЭПе или, тем более, о дореволюционных временах, правда под запретом, а ложь безразлична, — но хорошо помнится колхозная каторга в ее худшие годы. От тех мертвых точек и идет отсчет благополучия. Лишенный истории, лишенный опыта предков и знания того, как он мог жить, крестьянин оценивает нынешние дни свои, сравнивая их лишь с худшими днями своей же жизни: «Ничего, дышим!»

Мы же, горожане, оцениваем жизнь крестьянина и вовсе исходя из представлений, навязанных нам газетами, журналами и бдительно отснятыми и тщательно смонтированными телефильмами. Да еще по базарным впечатлениям: «На Черемушкинском рынке телятину по семи рублей продают! Обнаглели колхозники. Куда же они деньги девают?»

И снова вспоминается тот послевоенный мешок денег, потрясший мое детское воображение. Уж теперь-то в этом мешке и точно сто тысяч.

Кто же не замечает: жить стало легче, ослабили плетлю. Сегодня не продувной голод, по городам крестьяне не побираются, с голоду не пухнут и даже на одной картошке не сидят подолгу...

Однако взгляды на сегодняшнюю крестьянскую сытость, в быт крестьянина, в его траты и сбережения. Зная, каковы крестьянские труды, посмотрим, велик ли запас накопился трудами этими?

Запасают деньги — не мешок, конечно, но случись что, на первый момент хватит. Запасают зерно — хлебом-то начали торговать в деревне всего лет десять назад, а возникнут трудности, кого в первую очередь прижмут? Крестьянина. А хлеб да картошка — главная еда... Запасают шифер — когда крыша прохудится, его сразу не найдешь... Наша Аксинья Егорьевна держала про запас бочонок соли. Зачем? Не знаю. Уж что-что, а соль-то всегда в продаже. Может быть, в войну насиделись без соли? Как-то неловко было спрашивать, да она и не стала бы рассказывать о своих запасах, отговорилась бы как-нибудь. Без соли нельзя. Городская семья, если и квасит капусту, если и солит

огурцы, то лишь для особого удовольствия, поскольку домашнее лучше покупного. Крестьянин ничего такого купить не может. Если не сделает дома, будет без солений, а без них и вечная картошка в горло не полезет...

Горожанин купит подушку в магазине. Крестьянин будет по пушинке собирать ее годы. И чем бережливее хозяйка, тем тяжелее ее подушки и перины... Но на все это нужно время и силы.

Домашнее хозяйство, домашняя промышленность — неотъемлемое продолжение приусадебного хозяйства. Без этих трудов не прожить, а времени они занимают — особенно у женщин — не меньше, чем огород и скотина: в среднем по три часа в день... Где же силы берутся?*

Крестьянин жив постольку, поскольку ведет свое приусадебное хозяйство. Засуха — его *личная* беда, и тут хоть по былинке, а кормов скоту где-то набрать надо... Колорадский жук, завезенный нерадивыми чиновниками из Польши с импортным семенным картофелем, — его *личная* беда, ползай на карачках, собирай в банку с керосином. Болезнь скотины — его *личная* беда, и если гибнет годовалый бычок, готовый на продажу, по нему в голос причитают так, что встревожишься, не умер ли кто из близких?

От всех неожиданностей не застрахуешься, но хоть небольшой запас, а нужно бы иметь во всем.

Хуже всего крестьянину, когда сам заболел. В своем хозяйстве кому бюллетень предъявить? Колхозные гроши, конечно, получишь, и за них спасибо — до 1964 года вообще ничего не давали. Но если колхозного заработка и целиком мало, что там проценты по бюллетеню! Свое добирать и больному приходится.

Аксинья Егорьевна давно как-то жаловалась: так болела, так болела, что и *лежать больно было*, а позвали в лесхоз косить по болоту, две копейки зарабатывать, — не просто пошла, побежала. Знакомому леснику бутылку купила —

* «...52,9% обследованных лиц в течение недели каждый день в среднем расходовали на ведение домашнего хозяйства более 5 часов. Две трети из этого числа составляют женщины... 49,4% обследованных мужчин и 47,3% женщин в течение недели каждый день трудились в подсобном хозяйстве. При этом в общем числе лиц, ежедневно затрачивающих на работы в подсобном хозяйстве от 2 до 5 часов, мужчины составляют ровно половину». В.Т.Колокольникова. Брачно-семейные отношения в среде колхозного крестьянства. — «Социологические исследования», 1976, № 3. — с.84.

спасибо, что позвал. Зимой хоть и здоровая будешь, а сена-то где возьмешь?

Пенсия по старости — двадцать рублей. На двадцать рублей и голодная не проживешь. Но зато как милость шестидесятилетней старухе оставляют приусадебный участок: пользуйся, старая, ломай спину, авось еще заработаешь. Да и стране твоя картошка необходима, без твоих трудов не обойтись. Социалистическое отечество в голодной опасности. Если сил нет самой обрабатывать землю, зови своих детей-горожан. Они возьмут отпуска или отгулы или так прогуляют, но картошка важна и им, — приедут и помогут. Да и сама, конечно, не станешь сидеть сложа руки.

Если кому-то затмило, и не видит он, что крестьянин работает *два рабочих дня* ежесуточно — в колхозе и в своем приусадебном участке, пусть посмотрит он на сельских стариков: им остался один рабочий день, но лишь потому, что колхозная барщина отпустила их.

Власть равнодушна к судьбе сельских стариков, и они это знают. Но сам о себе кто не подумает? В старость и в болезнь заглядывать боязно — и очень уж страшные лики оттуда смотрят. Пока можно, все хотелось бы лишнюю десятку отложить, застраховаться. Так что крестьянский мешок с деньгами очень похож на нищенскую суму, и не сто тысяч в нем, а пропитание на черный день. Для того, чтобы в такой мешок собрать самое необходимое, крестьянин должен сократить и без того скудное ежедневное потребление, урезать потребности семьи до первобытного уровня.*

Я понимаю, сказать «крестьянин должен сократить потребности» неточно. На потребности волевым актом не подействуешь. И если Аксинья Егорьевна говорила, что не знает вкуса чая, то она в нем потребности не испытывала. Но здесь нам терминологические тонкости не важны... Вкус мяса, конечно, все знают, но даже по официальной

* «Мелкий производитель гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет „бережливее“, урезает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется как настоящий „варвар“...» Ленин (Соч., изд.3-е, т.2, с.468-469) здесь комментирует Каутского и Маркса. Многие из того, что Каутский сто лет назад писал о западноевропейском крестьянстве, особенно о мелких хозяйствах, применимо сегодня к крестьянству советскому, социалистическому, которое выше уровня вековой давности так и не поднялось. Точная мысль Каутского подсказала мне и название этой работы: «Крестьянское искусство голодать может вести к экономическому превосходству мелкого производства».

статистике на душу населения приходится в день чуть более ста граммов мяса и сала. Если же учесть, что от потребления сливочного масла крестьянин дальше, чем Аксинья Егорьевна от чая, если учесть, говоря неловко, но лаконично, что сало — «основные жиры» в крестьянском рационе — на нем жарят картошку, с ним варят щи, и что во время четырех-пяти праздничных застолий мяса съедается намного более ста граммов, то от куска мяса для ежедневного потребления ничего не остается. Впрочем, были он, этот кусок?

Официальная статистика, кажется, существует с единственной целью: поглубже запрячь истину. Очень помогает в этом разделение крестьян на колхозников и рабочих совхозов, поскольку вторых можно учесть среди городских рабочих и служащих. Скажем, учитывается потребление мяса и сала на душу населения. Показано: в семьях рабочих и служащих — 51 кг, в семьях колхозников — 37 кг. Но в первую группу входят и рабочие совхозов, потребляющие не больше колхозников, и партийные крупные хозяйственные чиновники, чье продовольственное потребление ограничено лишь физиологическими возможностями. Показатель по группе снижается. Разрыв между различными группами населения не так зияет. А средняя цифра по стране остается без изменений: «Что поделаешь, у нас пока нет изобилия, всем одинаково трудно...»

Но и этого оказалось мало. В последние годы даже и колхозников перестали выделять в статистике продовольственного потребления. Есть общая цифра — в 1977 году, например, показано 57 кг на душу населения мяса и субпродуктов, — и предполагается, что колхозник и начальник сельхозуправления едят одинаково.

Какой изощренный негодяй дал название ресторану, поставленному среди подмосковных дач крупнейших партийных чиновников — «Русская изба»? Да был ли он когда-нибудь в русской избе? Не в барской ли усадьбе так жрут?

По нормам, разработанным Институтом питания Академии медицинских наук, для поддержания нормальной жизнедеятельности взрослый человек должен потреблять в среднем 81 килограмм мяса и сала в год. В длинном списке продуктов этого идеального рациона лишь картофель и хлеб потребляются крестьянином сверх нормы. Хотя, впрочем, и потребление советских граждан, даже учтенное по методике ЦСУ, сильно не дотягивает до нормы...

Мяса в деревне не только не едят каждый день, но и не каждую неделю появляется оно в рационе крестьянской семьи. Крестьянин и его семья *должны* обходиться без мяса, *должны* утолять голод картошкой и хлебом. *Должны*, потому что поставлены в такие условия, когда *иначе никак не могут* удовлетворить самые элементарные потребности в одежде, жилье и т.д., как только за счет точно таких же элементарных потребностей в калорийной белковой пище.

Нехватка мяса и белков особенно сказывается на развитии детей и подростков. Школьники-подростки в сельской местности на 10–20 см ниже ростом, чем городские школьники. Исследования разницы умственного развития нигде не опубликованы, да и вряд ли проводились из страха, что реальность заведомо не соответствует пропагандистской болтовне. Однако как косвенное свидетельство нарушения умственного развития можно отметить тот факт, что среди сельских юношей 15–19 лет смертность от психических расстройств в 3 раза чаще, чем среди их сверстников-горожан*. Это психические расстройства, доводящие до такой степени, чтобы обратиться к врачу и быть взятому на позорный (в крестьянском сознании чуть не равный смерти) учет в психдиспансере?*

Содержание даже самых нормальных, настоятельных потребностей, воспитанных всей нищенской жизнью крестьянина, чрезвычайно бедно, уровень запросов низок, самый низкий по сравнению с любыми другими слоями общества.

Скажем, городская семья потребляет 150 ведер воды ежедневно. Попробуйте на два дня прекратить подачу воды в городской дом и предложить его жильцам ведрами таскать воду из соседнего. Это невозможно. Протест едва ли не примет политический характер. Между тем каждая вторая крестьянская семья таскает воду более чем за сто метров, а некоторые — каждая десятая семья — более чем за два километра. На себе, конечно, таскают: спасибо властям,

* М.С.Бедный. Продолжительность жизни в городах и селах. — М.: «Статистика», 1976. — с.46, 73.

** В сознании обывателя любой пациент психиатра — не человек, но нелюдь. Его судьба может вызвать любопытство, но уж никак не жалость, не сочувствие. Именно на этом и строится политика властей, когда они заключают в психушки инакомыслящих — пусть хоть и совершенно здоровых людей.

крестьянину не надо заботиться о лошади, да и угрозы зрелому социализму никакой нет*.

«Согласно данным сельских Советов, только 17% обследованных населенных пунктов располагают водой хорошего качества, в 70% вода была удовлетворительной, а в 13% — засоленной или загрязненной»**.

Что такое «удовлетворительная» вода из сельского колодца, знает всякий, кто хоть раз бывал в деревне: мутная взвесь, которая оставляет на дне ведра на палец грязноватого осадка. Но этой хоть дай отстояться — и пей. А «загрязненную и засоленную» не выпаришь и не профильтруешь — так и пьют. Не то чтобы привыкли, кто к «удовлетворительной», а кто к «соленой», просто в большинстве случаев иной не знали.

И никакая санитарная инспекция не в силах решить водную проблему. Санитарный врач может закрыть колодец и оставить деревню совсем без воды. Но он не в силах заставить выкопать новые колодцы, пробурить артезианские скважины. Нет средств, некому строить колодцы, да и желания нет у местных властей заниматься таким строительством.

Большинство колодцев в среднерусских деревнях построено еще в прошлом веке. И с тех пор гигиена пользования ими ничуть не улучшилась, разве лишь срубы несколько раз обновлялись. С местных властей не требуют ни снизу — крестьяне «не знают вкуса» чистой воды, ни сверху — чиновники районного масштаба, а тем более областного или столичного. Им вовсе нет нужды беспокоиться о деревенских колодцах. Они и средства выделять не торопятся...

Везет лишь тем селам, где построены большие скотоводческие фермы. Тут обычно бурится артезианская скважина. Скотина получает воду под нос, в автопоилки — за это с руководителей спрашивают. Человек берет из уличного гидранта. И ничего, что вода не приблизилась, хорошо хоть чище стала, хоть не лазают в нее каждый со своим ведром.

Вот как удачно бывает, когда личные интересы совпадают с интересами общественными (с интересами колхозной скотины)...

Организация медицинской помощи в сельской местности

* Миграция сельского населения. — М.: «Мысль», 1970. — с.313.

** Там же, с.312.

заслуживает отдельного исследования. Но, по крайней мере, очевидно, что чем дальше от больницы, то есть чем дальше от крупного села или районного центра, тем меньше возможность получить своевременно помощь квалифицированного врача. И хотя смертность в сельской местности значительно выше, чем в городе, крестьяне обращаются к врачу в два-три раза реже, чем горожане *... Однако в мелких поселках, наиболее удаленных от больницы, людей, недовольных медицинской помощью, как раз меньше, чем в крупных селах **. Парадокс потребностей?

Когда Аксинья Егорьевна болела так, что ей «лежать было больно», она ведь не к врачу отправилась за пятнадцать километров, да на попутной машине (если, конечно, посадит, а нет — пешком), но в противоположную сторону, и тоже за пятнадцать километров, в болото, косить...

Визит к врачу занимает весь день, а если не повезет, то и с ночевкой застрянешь. Когда нужны анализы или исследования, уйдет неделя. Кто из крестьян позволит себе такую «бесплатную» медицинскую помощь, особенно летом? Да она дороже обойдется, чем недельное содержание личного врача, коль такое возможно было бы.

Аксинье Егорьевне и в голову никогда не приходило, что врач может прийти на дом. Разве что ветеринарный врач — за трешницу либо за бутылку — к заболевшему парасуку. А себе-то она и девчонку-фельдшера ни разу не позвала. В последнюю зиму, уже помирала, а все на другой конец деревни брела, в медпункт. И только за неделю до конца, когда совсем слегла, с благодарностью, хотя уже и обессиленным шепотом, встречала фельдшерицу, приходившую колоть морфий... Ей ли, Аксинье Егорьевне нашей, было жаловаться на плохую медицинскую помощь?

Да если и доберется крестьянин до районного города, до больницы, как-то его еще там встретят? Реальное состояние медицинского обслуживания — запретная тема. Но все-таки вот нечаянное свидетельство в журнале «Работница» (№ 5, 1977): «ПОМОЩЬ ОКАЗАНА. Л.В.Неструева из г.Алги, Актюбинской области, написала в редакцию письмо о плохих санитарных условиях в местном родильном доме и о невнимательном отношении медицинского персонала к больным...

Как сообщила редакции заместитель министра здравоохранения СССР Е.Ч.Новикова, приведенные в письме факты о недостатках в организации родильного отделения

* М.С.Бедный. Продолжительность жизни в городах и селах. стр.31.

** Миграция сельского населения. — с.298.

больницы г.Алги в основном подтвердились. По результатам расследования жалобы приняты следующие меры: родильное отделение г.Алги, Актюбинской области, переведено в новое помещение, обеспечено горячей водой, необходимым инвентарем; установлено круглосуточное дежурство врачей — акушеров-гинекологов; усилен контроль за санитарно-эпидемиологическим режимом родильного отделения. Л.Н.Неструевой оказана высококвалифицированная медицинская помощь».

Сколько же времени принимали они — в самой передовой стране мира — роды без горячей воды, без необходимого инвентаря, а по ночам и без акушеров? Много ли таких больниц и родильных домов? Едва ли не все. По крайней мере, я сам слышал, как женщина, плача от обиды, рассказывала, как в одном из московских родильных домов ночью едва не родила ребенка в унитаз, не умея докричаться до уснувших сиделок. Так что вряд ли долго продержится в больнице г.Алги «санитарно-эпидемиологический режим» после того, как столичное внимание проскользнет мимо. Одна отчаянная пожаловалась — «на сигнал отреагировали», а многие ли знают, что можно и должно иначе — рожать, жить, умирать?

Аксинья Егорьевна вообще никогда никому ни на что не жаловалась. Для того чтобы пожаловаться, нужно осознать себя отдельной, особенной личностью, субъектом права. Реальное право рождает потребность, так же как и настоятельная потребность вынуждает искать права. А какие права знала за собой Аксинья Егорьевна? Никаких. Разве что право на свой приусадебный клочок земли — да и то лишь в ответ на обязанность работать в колхозе. И в старости — право на двадцать рублей пенсии. Все. Эти права незыблемы. Остальные, напротив, очень и очень зыбки. Для крестьянина весь кодекс законов заменяется сельским обычаем: «Не хуже людей живем, и ладно».

Ровесница нашей Аксиньи Егорьевны крестьянка подмосковного села Уборы Клавдия Васильевна Юдина, в течение многих лет работая в колхозе, подрабатывала уборщицей в клубе, получая за то десять рублей в месяц. Деньги, конечно, ничтожные, но когда без мужа растишь четырех девочек, каждому рублю рада. Когда же пришел срок рассчитывать пенсию, оказалось, что ставка уборщицы по меньшей мере *на тридцать рублей больше*. Значит, ежемесячно у Клавдии Васильевны воровали тридцать рублей. Председатель сельского Совета воровал... Но нет, Клавдия Васильевна не пошла жаловаться, не стала искать

своих денег, заработанных из последних сил. Спасибо хоть пенсию от полной суммы начислили. А с начальством лучше не связываться, прав не будешь.

Я не стал бы рассказывать здесь эту историю, слышанную мной от самой Клавдии Васильевны, она достаточно ординарна, и если задаться целью, то подобных историй можно было бы насобирать не один том. Мало ли самого дикого средневекового бесправия на необъятных просторах нашей родины? Но село Уборы — оно отнюдь не затеряно в просторах, но находится в получасе езды от столицы и между двумя самыми привилегированными санаториями страны, между «Соснами» и «Барвихой», к которым без пропуска и подойти-то близко не пускают, чтобы не нарушил кто ненароком покой членов ЦК партии, там отдыхающих.

На том бы и закончить историю о Клавдии Васильевне, если бы не фантастический случай: в «Соснах» отдыхал как-то сам премьер-министр Косыгин и, гуляя, вышел за территорию, оказался в Уборах и встретился с Клавдией Васильевной, которая как раз в те дни переживала раскрывшийся обман. Разговорились. («Я-то с нашими старухами была, а с ним еще какой-то мужчина».) Думаете, жаловалась? Нет, и в голову не пришло. В сельском обычае скромность... О чем же говорили-то? *Он их спрашивал, отчего это у молодежи вошло в обычай бежать из села?* Он, видите ли, понять совершенно не может...

Обычай — банк крестьянских потребностей. Но банк с весьма ограниченным капиталом. Крестьянская семья может годами пить тухлую колодезную воду, и никто не пожалеется, никто не вспомнит о своих правах на элементарные бытовые услуги: *все* такую воду пьют. *Все* едят мясо лишь по праздникам. *Никто* не помнит, чтобы врач посетил больного. Какие могут быть претензии? Откуда же взяться потребностям?

Современный крестьянин время от времени слушает радио, смотрит телевизор, иногда бывает в кино, читает или хотя бы просматривает ту или иную газету. Но все красивые, справедливые бытовые, нравственные и административные нормы, которые приходят к нему по этим каналам, лишь к сведению. В повседневной жизни руководствоваться ими невозможно.

Как бы сытно и разнообразно ни ели герои телеэкрана, все эти посетители «Русской избы», зрителю-то больше, чем он обычно ест, больше, чем едят его соседи, а значит, больше и лучше, чем *все* едят, взять негде... Как бы ни были демократичны отношения между начальством и

рабочими в кинофильмах, все же понимают, что это так, игра, для времяпрепровождения, а на самом деле-то к председателю колхоза со своими нуждами не подступишь — он тебя в упор не увидит, ему некогда, его в райкоме ждут. А возвысишь голос до протеста, он тебя размажет между ладонями: его, уверенного хозяйственника, райкомовского тиуна и ключника, дающего план, никто не тронет, разве что пожурят за неумение заткнуть рот недовольному. Сам же недовольный увидит врагом могущественного наместника государственной власти... Да нет, до вражды редко кто доходит, разве что самые отчаянные или отчаявшиеся. Такая вражда кончается в лучшем случае тем, что прижмут крестьянина так, что не вздохнет, пока не покается, а в худшем — придется ему проститься с родными местами: примерно пятеро в каждой сотне взрослых мигрантов из села бегут от гнева начальства *... В руках у председателя и право урезать приусадебную землю, и возможность обделить кормами для скота, и много, много иных способов сделать жизнь крестьянина невозможной. Впрочем, крестьянин редко выходит за рамки обычая, а спорить с начальством, искать прав, конечно, вне обычая.

Обычай не обязательно напрямую эксплуатирует свою жертву, как он эксплуатирует нашу знакомую учительницу, заставляя ее выращивать ненужный картофель. Чаше обычай сказывается в активизации или угнетении тех или иных потребностей. А уж настоятельные потребности заставляют крестьянина искать дополнительного заработка. Но где же его найти, как не в собственном приусадебном хозяйстве?

В огуречном селе Посады, где живет механизатор Гавря Тюкин, в обычае строить большие каменные дома: видом этого села с его сверкающими оцинкованными крышами мы уже имели возможность любоваться на страницах нашего очерка. Дома и впрямь неплохи, особенно радуют глаз приезжего неожиданные для сельской постройки огромные дачные террасы. Но такая терраса не каждой семье по карману, да и совершенно бессмысленна она, по крайней мере, десять месяцев в году. Но строят и долго еще будут строить именно так. Будут надрываться, искать исчезнувшее в последние годы из продажи цветное стекло, откажут себе в последнем, но построят свой дом, *как все строят*.

Гавря Тюкин, может быть, и мечтал бы построить что-нибудь попроще, но против обычая не пойдет. И

* В.И.Староверов. Социально-демографические проблемы деревни. — М.: «Наука», 1975. — с.128.

потратив десять лет жизни на строительство своими руками каменного дома под оцинкованной крышей, он из последних сил пристроит террасу, но никак не станет благоустраивать дом внутри. И переедет, по сути дела, из старой закишей избы точно в такую же, разве что более прочную.

И не только потому Тюкин не станет перечить обычаю, что побоится почувствовать себя в одиночестве холодно и неуютно, но прежде всего потому, что террасу-то он хоть и из последних сил, да все же пристроит, а ни водопровод, ни канализацию, ни центральное отопление ему пока никак не осилить. Обычай хоть и «деспот меж людей», но все же от экономической реальности не отрывается. Не только обычай диктует, как жить, но и возможности жить так или иначе формируют обычай...

Но ведь есть же другая жизнь! Ведь есть «маяки» — читаем же мы о них в «Правде» и «Огоньке», читаем и картинки разглядываем. Ведь есть же хозяйства, где работники получают из колхозной кассы поболее иного промышленного рабочего. Они-то хоть не так материальной нуждой зажаты?

Один журналист, демонстрирующий нам социологический подход, — мы уже знаем этого автора как умиленного наблюдателя крестьянского безлошадного счастья (см. выше), — на сей раз, вдохновенно живописуя быт типичной, по его мнению, сельской семьи — семья совхозного механизатора с ежемесячным доходом при двух работниках 484 рубля, то есть в два раза выше среднего, — с восторгом замечает: «В общем, теперь семья Александровых расходует на приобретение промтоваров втрое больше денег, чем пять-шесть лет назад...

Солидную статью расходов составило приобретение современных, „модерных“ предметов, заменяющих старые, вышедшие из моды: вместо оттоманки, которую отправили в печь, привезли из Ленинграда диван-кровать и т.д.»*.

Все правильно, для семьи, еще недавно жившей в полной нищете, для семьи, которая, по свидетельству самого автора, лишь в последние годы смогла приобрести шкаф, стол, стулья, — для такой семьи и диван-кровать роскошь. Дай Бог Александровым спать мягко на этом диване...

Но к чему восторг, коллега? Вы сами-то не на оттоманке спите? Да и стол со стульями у вас, должно быть, не первый год?

Наша Аксинья Егорьевна точнее публициста заметила

* П.Шелест. Одна сельская семья. — с.97, 75.

прогресс в жизни деревни: «После войны, бывало, да и недавно еще, идешь по деревне и видишь, как сосед вшей бьет. Ни занавесок, ни подзоров на окнах. Теперь-то куда лучше! Кой у кого и занавески тюлевые...»

Огромному большинству крестьянских семей, доход которых вдвое, а то и вчетверо меньше, чем у Александровых, и вовсе не до модной мебели. Если мы станем измерять уровень жизни и уровень потребностей крестьянина той же меркой, какой измеряется жизнь всего общества в целом, то верхняя половина шкалы нам не понадобится.

И хотя в ином крестьянском доме появились телевизор, трехстворчатый шкаф и даже диван-кровать, уровень жизни и уровень потребностей крестьянина соответствует той, по сути своей мелкотоварной, нищенской, *докапиталистической* форме хозяйствования, которая единственно возможна на приусадебном участке в условиях ограниченного рынка, в условиях административных запретов на частную инициативу в широком масштабе, в условиях крепостнических земельных отношений, столь характерных для общества «развитого, зрелого социализма».

И надо ли удивляться, что «семьи, в бюджете которых доход от личного подсобного хозяйства составляет заметную долю, не соглашаются на его сокращение даже при условии предоставления им коммунальных удобств (при переселении в казенные квартиры в многоквартирных двух-трехэтажных домах. — Л.Т.)»*.

Но, приняв эту очевидную истину, исследователи потребностей тут же торопятся застраховаться: «Почти во всех селах имеются группы людей, предпочитающие жить в двухэтажных домах со всеми удобствами, не занимаясь уходом за скотом, огородом, не топя печи в течение большей части года».

Какая мысль за этой фразой? Разве, при всей неразвитости крестьянских потребностей, есть хоть кто-нибудь, кто *предпочитает* топить печи, когда — при прочих равных условиях жизни — есть возможность пользоваться центральным отоплением? Разве кто-нибудь находит удовольствие копаться руками в коровьем дерьме и не *предпочел бы* отказаться от этого занятия при достаточных средствах, при возможности приобрести механизмы, заменяющие ручной труд в крестьянском хозяйстве, при возможности купить мясо и молоко?

* Миграция сельского населения. — с.311.

Крестьянин может всю жизнь пить «удовлетворительную» воду, но если хотя бы на другом конце села есть чистый колодец, он *предпочтет* его всякому другому.

Настойчивые опросы, проводившиеся социологами, показывают, что вроде бы 95% колхозников удовлетворены своим материальным положением и работой в колхозе *, но это совсем не значит, что они *не предпочли бы* иной образ жизни (и иначе поставленные вопросы интервьюированных-социологов), будь у них выбор. Но выбора-то им как раз и не предоставляют...

Не «почти», а во всех селах, и не «группы людей», а все население полностью *предпочитает* жить по-человечески. Но возможно это лишь в двух случаях: или когда крестьянин становится наемным рабочим, сельским пролетарием в полной мере, и в виде заработной платы целиком получит причитающуюся ему часть необходимого продукта, или когда крестьянин станет фермером и сам, подчиняясь лишь законам и требованиям рынка, распорядится произведенным на ферме продуктом.

Ни первый, ни второй варианты не могут быть реализованы при нынешних социально-политических и экономических условиях.

В противоположность ученым-социологам, крестьянин соразмеряет потребности с реальной жизнью. И поэтому кормит и себя, и социологов, изучающих его предпочтения.

6

В свою последнюю осень Акси́нья Егорьевна вдруг решила, что нужно пригласить печника и сложить новую русскую печь, поскольку у старой давно уже обвалился свод, да и по челу прошла такая трещина, что в ней поселились мыши.

И хотя лет уже пять или даже больше изба хорошо отапливалась небольшой конфорочной печуркой, неисправная печь нарушала покой и гармонию крестьянской души. И когда случилось, что какой-то проезжий шофер остановился посреди улицы и предложил, не возьмет ли кто у него за бутылку машину песка, Акси́нья Егорьевна велела

* См., например, И.Т.Левыкин. Аграрные преобразования и изменение психологии советского крестьянства. — В кн.: Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе. — М.: Политиздат, 1975, т.2. — с.373. (Да уж самые славословные авторы очень любят вставлять в название работ и книг слово «проблемы», хотя непонятно, какие могут быть проблемы, если 95% опрошенных всегда всем довольны?)

песок свалить возле дома, и тут уж точно решила, что раздобудет тысячу кирпича и позовет мастера...

Но осенью печь так и не сложилась, зимой такие работы не делаются, да и не до них было за болезнью, а к весне и самой хозяйки не стало. Развалившаяся печь по-прежнему занимала половину избы, но теперь уже не нарушая ничье душевное равновесие.

Однако в начале апреля неисполненное намерение соседки вспомнилось: бесхозная куча песка вдруг возникла из-под снега между домом Аксиныи Егорьевны и моим. Вспомнилось и тут же забылось: песок сделался детской площадкой для ребятишек нашего края села...

Не знаю, отчего уж так получилось, но деревенские дети — эти Аленушки, Иванушки, Машеньки из русских сказок — не только теперь иначе зовутся, но и сказок-то не вспоминают в своих играх. Слушая детские разговоры и различая сюжеты игр на песочной куче, я ни разу не слышал упоминания сказочных зверей или таинственных сил. Впрочем, может быть, дети всегда играли с наибольшей охотой во взрослых, оставляя взрослым сочинять сказки и играть в детей? Не знаю. В Москве трехлетняя дочь моих хороших знакомых, усаживаясь на качели, оставляет с собой свободное место, которое, оказывается, вовсе не свободно, но занято домовым. Он невидим взрослым, но хорошо различим ее воображению: мохнатенький, добрый и еще у него зубы болят... Ребенка с детства научили восприятию сказки.

Но на песчаной куче играли не в домового. Крошечная рыжая девочка лет четырех, едва научившись правильно говорить, изо дня в день повторяла игру, приводившую в восторг и ее саму, и ее ровесницу-соседку. С детским бидончиком рыжая как бы шла к маме на работу за молоком. Бидончик заполнялся водой или песком. «А теперь давай молоко прятать!» — говорила рыжая...

Я не сразу понял, что дети играют в то, как они *воруют* молоко на ферме или, вернее, в то, как они помогают матери воровать молоко, — мать рыжей девочки работала дояркой.

Дети не знают, что значит воровать, для них спрятать «молоко» — что-то вроде игры в «тепло-холодно»... Но взрослые не знают, что значит — не воровать.

В последнее время даже в партийных кругах все чаще стали поговаривать о колоссальном размере воровства в стране. Называют даже какие-то цифры и данные, добытые

органами юстиции и милицейскими ведомствами. Но все это несерьезно.

Во-первых, воровство не укладывается ни в какие цифры, а во-вторых, явление это вовсе не по части карательных органов. Воровство, особенно в сельской местности, стало промыслом, без которого не прожить. Это торговый ряд на черном рынке.

Для крестьянина воровство — продолжение его борьбы за свою долю необходимого продукта, продолжение приусадебного хозяйства. Крестьянское хозяйство невозможно вести без инвентаря, без хозяйственных построек, без тысячи мелочей: без мотка проволоки — починить на скорую руку плетень, без машинного масла — смазать колеса у тележки, с которой за сеном ходят, без самих этих колес, без гвоздей... Сколько бы мы ни тыкали пальцем, стоя посреди крестьянского двора, в различные предметы вокруг нас, окажется, что почти ни один из них не куплен. И не потому, что крестьянин — тип изначально безнравственный и украсть гвоздей на гривенник ему приятней, чем купить. Просто купить все это негде, ничто из необходимого не продается. Но раз не продается, а хозяйство-то все равно вести нужно, — значит, воруются...

Нет, все-таки с цифрами в руках проще представить, о чем идет речь: «В 1964 году в среднем на колхозный двор было выдано за работу в колхозе и продано сена и соломы на 37% меньше, чем в 1958 году. В связи с этим в ряде районов страны расхищались общественные фуражные запасы... В 1964 году в колхозах Львовской и Николаевской областей в среднем на хозяйство колхозника было похищено соответственно: сена 85 и 150 кг, соломы 110 и 140 кг»*.

Это единственное в своем роде печатное признание зависимости между производством необходимого продукта и воровством. И у нас есть все основания распространить найденную зависимость на приусадебные хозяйства в принципе.

Кто продаст крестьянину необходимые два-три мешка удобрений? В колхоз за ними не ходи, скажут, самим не хватает. И не без оснований скажут...

А кто украдет, тот и продаст. Впрочем, чаще сам крестьянин и украдет. Воровство пока не стало профессией для каких-то определенных лиц в деревне, как выращивание огурцов для семьи Тюкиных. Общественное разделение

* Т.В.Дьячков. Общественное и личное в колхозах. — с.57.

труда не сильно коснулось этого промысла, к которому как раз и применимо определение «подсобный и личный».

В магазинах, кроме ведер и лопат, ничего нет. Но все есть в колхозе. Нужны колеса для тележки? Пойди на машинный двор, там наверняка какие-нибудь валяются... Нужна веревка на ворота? Пойди к леснику, он получит свое и отвернется, когда ты ее из лесу потянешь... Нужна машина, дрова привезти, не ходи к председателю колхоза, не даст. Договорись с шофером — тот привезет, украдет эту услугу из колхозного бюджета.

Где бы Аксинья Егорьевна или Гавря Тюкин могли бы купить машину песка, необходимого одной для ремонта печи, другому — для строительства дома? Нигде не купишь. Но можно договориться, чтобы для тебя украли. Вору заплатишь, как заплатила Аксинья Егорьевна тому шоферу.

Впрочем, шофер тоже не подбирался к песчаному карьеру тайно, аки тать в ноши, но подъехал среди бела дня, экскаватор нагрузил машину, и так же среди бела дня шофер поехал по сслу, спрашивая, не нужен ли кому песок в обмен на бутылку водки.

В магазинах ничего не купишь: чего-то не привезли, а чего-то и в принципе не бывает в продаже. В колхозе не выпишешь, колхозу и самому невеликие фонды выделяются. А что можно бы и уступить частному лицу, то в первую очередь получают люди, которые около председателя кучкуются... И в то же время все кругом продается и покупается...

Легального рынка товаров и услуг, необходимых в крестьянском хозяйстве, не существует, но действует и процветает колоссальный рынок краденого. И если мы говорим, что основные фонды приусадебного хозяйства оцениваются сегодня десятью миллиардами рублей, то сумму ежегодных краж в сельской местности нужно оценивать миллиардами же рублей и не поднимать потешную возню по поводу того, что, по сведениям МВД, ежегодные хищения по всей стране отнимают-де у государства двести-триста миллионов. *

И конечно, объект воровства — не только предметы

* Рынок краденых товаров и услуг процветает не только и не столько в сельской местности, но и в городах. Это явление весьма характерно для плановой, зарегулированной экономики. Д.Гэлбрейт, кажется, нечто подобное определил как неприличную возню по поводу дефицита. Нам такая высокомерная позиция не пристала. Нам все прилично. Тем более, что этот рынок является своего рода «приусадебным хозяйством для миллионов горожан».

производственного назначения. Если воруют материал для строительства хлева, корма для коровы, услугу ветеринара, то почему бы сразу не украсть конечный продукт — молоко?!

И воруют. Крадут все, что производится на колхозных полях и на фермах, — кроме разве живого скота. Впрочем, десятками способов исхитряются воровски забивать скотину и тащат мясо.

И сами крадут, и детей посылают.

Я знаю многодетные крестьянские семьи, где дети начинают воровать с пятилетнего возраста. Да нет, не дети же воруют! Взрослые воруют детскими руками. Скажем, в полном составе семья идет в колхоз работать на току. У каждого в руках по ведру. Нарботать — немного наработают, но перед уходом домой ведро смачивается, к влажным стенкам прилипает зерно...

Самый маленький, конечно, не работал, а так, поиграть ходил со старшими, но и его кармашки плотненько набиты зерном — старшие позаботились. Вчетвером, впятером сходили — полведра принесли.

Доярки обучают детей, и те носят молоко с фермы даже в детской посуде. А уж грелка для сельского жителя — идеальный воровской инвентарь: удобнее предмета для кражи молока не сыщешь.

В послевоенные голодные годы, было время, при входе в деревню обыскивали крестьян, возвращавшихся с полей. Я узнал об этом случайно: женщина, с которой я разговаривал на сельской улице, зло плюнула вслед прошедшему мимо человеку. Оказалось, он какое-то время был тут председателем колхоза и лично ощупывал мою знакомую, нашел спрятанные ею в одежде три морковки, которые она несла детям. Нашел и отобрал... Такое не забывают и через тридцать лет.

Но если взрослые воруют, как работают, — то есть получают некий продукт, который иначе не заработаешь, то дети прежде всего получают моральный урок. И сколько бы потом в школе и в обществе ни проповедовали седьмую заповедь, проповедь лишь будет расшатывать цельное мировоззрение, усвоенное на деле во время невинных детских краж. Но, расшатывая, вряд ли даст взамен что-нибудь столь же прочное, как убеждение, что не соруешь — не проживешь.

В предыдущей главе мы, пожалуй, слишком легко проскочили мимо одного очень важного свидетельства медиков, которое здесь уместно привести целиком: «В 15–19 лет в сельской местности, сравнивая с городом, становится заметной более высокая смертность от болезней нервной системы органов чувств (в 2,5 раза), психических расст-

ройств (в 3 раза)... Характерно то, что в этом возрастном периоде нет ни одной причины смерти, которая имела бы более высокие показатели в городах, нежели в сельской местности»*.

Может быть, обостренная чувствительность юношеского возраста до трагических размеров усиливает в сознании разрыв между идеалом, проповедуемым ежедневно и ежечасно по всем каналам информации, и реальностью? Может быть, хрупкое юношеское сознание со смертельной остротой осознает ложь, которая еще не понятна ребенку и к которой уже привык взрослый? Увы, на этот счет нет данных, проверенных серьезными исследованиями.

Если человеку приходится ежедневно нарушать общепринятые нравственные нормы, если проповедь, которую он слышит ежедневно, никак не согласуется, да и не может согласоваться с единственно возможным способом поведения, слова или теряют свое императивное значение, или рассекают психику человека, разрушают его личность.

Это, кстати, относится ко всему черному рынку в принципе. Все знают, что взятки, спекуляция, воровство безнравственны, но никто не может прожить без взяток, спекуляции, воровства.

И крестьянин прекрасно знает, что воровать — дурно, безнравственно. И ворует.

Крестьянин постоянно слышит, что в советском обществе первая и главная честь — труд. Но его, крестьянина, труд признан *общественно нерентабельным* настолько, что общество как бы из милости содержит его.

Крестьянин, наконец, слышит, видит в кино и на телеэкране, читает в газетах и журналах, что кругом-то люди живут прекрасно и счастливо (вспомним семью Александровых, которые купили диван-кровать), и в душу закрадывается холодная тоска, мрачное сознание того, что он — *неудачник*.

Нравственная ценность идеологии, противопоставляющей некое «светлое будущее» сегодняшней жизни общества,

* М.С.Бедный. Продолжительность жизни в городах и селах. — с.46. Цитируя, я позволил себе исправить явную опечатку. В книге последняя фраза выглядит буквально так: «Характерно то, что в этом возрастном периоде нет ни одной причины смерти, которая имела бы более низкие показатели в городах, нежели в сельской местности». Очевидно, что речь идет как раз о том, что в городах эти показатели *более низкие*, что ясно из цифр, приведенных в предыдущей фразе самим автором, и из таблицы на с.43 цитируемой брошюры. Или здесь специфическая терминология медицинской статистики?

сомнительна сама по себе. «Лишение живущего поколения возможности свободно распорядиться своим имуществом и подчинение его воле давно умершего поколения или правам поколения еще не родившегося, делают для него невозможным участие в работе на благо своей страны, убивают в нем интерес к земле, которая в определенном смысле становится для него чужой»*.

Мысль Сисмонди совершенно справедлива и в тех случаях, когда искусственно ограничивается приложение инициативы и капитала ради «планового научного ведения хозяйства». Утопические идеи умершего поколения, демагогия якобы в пользу поколений, еще не родившихся, а в результате — равнодушие и нищета поколения нынешнего.

Крестьянин, конечно, не так прост, чтобы целиком и полностью поддаться пропагандистскому угару, — а то бы не выжил, — но и не так крепок сознанием, чтобы не чувствовать зудящего разлада между всеобщей проповедью и собственной жизнью.

И хотя в общественных явлениях причина сплошь и рядом оборачивается следствием, мы, видимо, не ошибемся, если свяжем чувство социальной неполноценности с патологией сознания (нервные и психические болезни), с патологией поведения (пьянство, грубость, хулиганство, засилие).

У нас нет гласной статистики преступности, но, как подсказывает опыт, в селе средних размеров — на 150–200 дворов — ежегодно совершается по крайней мере одно убийство или другое тяжкое преступление против жизни и здоровья человека. Население средней деревни легко расселится в небольшом городском доме на две сотни квартир. Стали бы горожане спокойно жить в доме, где ежегодно убивают?

Теперь надо бы говорить о пьянстве... О пьянстве надо бы рассказывать много и подробно, и это был бы рассказ о животной тупости семейных отношений, о психически больных детях, рождающихся едва ли не в каждой сельской семье, это был бы рассказ о тяжелых увечьях и поломанной технике, о поджогах, убийствах и снова о детях, чьи судьбы искалечены атмосферой всеобщего пьянства. Словом, это был бы рассказ о физическом и нравственном вырождении народа, а мы пока, слава Богу, говорим о том, как народ противостоит вырождению.

Да и подступись к теме пьянства, научных сведений

* Ж.Симон де Сисмонди. Новые начала политэкономии. с.277.

никаких не сыщешь. Сколько-нибудь систематического изучения пьянства не ведется. Нет такой темы в планах социальных исследований: страна запланированно движется к коммунизму, вырождение происходит внепланово.

Впрочем, если нет пока еще прямого плана на вырождение, то жесткий план на выручку, на доход от пьянства существует и действует. Государство из всего извлекает свою выгоду, даже из деградации личности алкоголика.

А мы-то думаем, что, хоть напившись, ускользнем от социалистической реальности! Ничего подобного! Нас и здесь догонят. Деньги, которые мы отдаем за водку, не что иное, как косвенный налог с населения. Недаром в закрытом партийном распределителе водку продают куда дешевле, чем всюду, — с партийной бюрократии налогов не взимают.

Специалисты утверждают, не печатно, конечно, но конфиденциально, что доход от продажи водки намного превышает нынешние экономические потери от пьянства. Власти от этого дохода легко не откажутся, даже если грядущее коммунистическое общество наполовину будет состоять из идиотов и потомственных алкоголиков. Если в каком-то сельском районе не выполняется план книжной торговли, туда дают вагон дешевой водки...

Водка — первейший товар на государственном черном рынке.

7

В обстановке постоянного материального дефицита и жестких запретов на частную инициативу, когда государство не может и не хочет удовлетворить элементарные потребности человека, все мы чужой волей выброшены на *черный рынок*, где все покупается: народом — втридорога мясо, одежда, строительные материалы и прочие блага; у народа — втридешева рабочая сила взрослого и ребенка, старика, женщины, а вместе с рабочей силой и вся жизнь работника целиком и полностью.

Человек и сам уже ощущает себя живым знаком черного рынка и на другого смотрит как на чернорыночного партнера... Эти связи, хоть и держат сверху донизу все советское общество, вовсе не исследуются ни социологией, ни социальной психологией. Они замечены лишь в худо-

жественной литературе, которая сама по себе — инструмент более тонкий и менее зависимый от директивного руководства, чем общественные науки.

Посмотрим глазами писателя на сельское общество, собравшееся за одним столом, за столом, который вполне мог быть накрыт в любой русской деревне: «Петр Иванович худых гостей не позовет, не такой он человек, чтобы всякого вином поить. Перво-наперво будут головки: председатель сельсовета да председатель колхоза, потом будет председатель сельпо с бухгалтером, потом начальник лесопункта — этот на особицу, сын Петра Ивановича у него служит.

Потом пойдет народ помельче: пилорама, машина грузовая. Антоха-конюх, но и без них, без шаромыг, шагу не ступишь. Надо, скажем, дом перекрыть, — походишь, поклоняешься Аркашке-пилорамщику. А конюха взять? Кажись, теперь, в машинное время, и человека бесполезнее его нету. А нет, шофер — шофером, а конюх — конюхом. Придет зима да прижмет с дровами, с сеном — не Антохой, Антоном Павловичем назовешь...

Самым главным, гвоздевым гостем сегодня у Петра Ивановича был Григорий Васильевич, директор школы. Его пуще всех ласкал-потчевал хозяин. И тут голову ломать не приходилось — из-за Антонида. Антониды в школе работать будет — чтобы у нее ни камня, ни палки под ногами не валялось.

А вот зачем Петр Иванович Афоньку-ветеринара отличает, Пелагее было непонятно. Афонька теперь невелика шишка, не партийный секретарь, еще весной сняли с прописью в районной газетке, — и когда теперь вновь подымется?»*

Да нет, не может быть, чтобы наблюдательная и мудрая Пелагея не поняла, зачем тут Афонька-ветеринар! А ну как все-таки подымется? Если не епился, еще не все потеряно: влиятельные друзья найдутся — и пьяного к должности прислонят.

Партийными секретарями, хоть и бывшими, власти легко не разбрасываются. Афонька — человек посвященный. Вчера был на партийной должности, завтра — на любой другой руководящей работе увидим. Он хоть и кажется, что только служит крупным хозяевам — райкомовским, обкомовским и тем, что повыше, но и сам хозяин под стать председателю колхоза или председателю сельсовета. Хоть

* Ф.Абрамов. Пелагея.

и мельчайший, но хозяин. Власть. Правящая структура. Он на черном рынке не только товары покупает для себя и для семьи, но и дешевую рабочую силу — для нужд государства: с помощью таких афонек крестьянина обвораживают в колхозе и заставляют сверхурочно вкалывать на приусадебном участке.

Что же это за общественная структура такая новая, в истории невиданная — партийная бюрократия? Что мы знаем о ней?

Афонька — государство, его мельчайшая пылинка. Государство — это люди, персонифицированная идея. Или даже один человек — вождь, фюрер, монарх. Кто же у нас в стране воплощает идею социалистического государства? Партийная бюрократия, три миллиона работников партаппарата и примыкающих к нему пропагандистских и репрессивных учреждений. Они — правящая структура, охранители стабильности сложившейся социально-политической и экономической системы. Но по мере того, как идея изживает себя, перестает пользоваться каким бы то ни было доверием народа, она теряет преданность и самой правящей структуры. Уже не *идею* охраняют они, но лишь собственную власть и личные привилегии. Все с большей силой правящая структура проявляет себя на черном рынке не как государственное око, но как лично заинтересованный партнер.

Кто в условиях *черного рынка* обладает наиболее полным комплексом преимуществ? Кому все это выгодно настолько, что все перемены, всякая инициатива к переменам — видится как страшнейшее зло? Кто, не умея, не желая разумно организовать хозяйственную жизнь общества, может заставить крестьянина или рабочего идти на черную биржу сверхурочного труда? Кто реально распоряжается наибольшей суммой общественных благ и услуг, каждая из которых рано или поздно, но обязательно становится предметом купли-продажи на черном рынке? Кто распределяет сами доходные должности в системе, эти *кормления* XX века, сажая на них преданных афонек и пользуясь всеми преимуществами своего положения? Кому, наконец, мясо, обувь, книги продаются не через задние двери магазинов и с наценкой, а попросту в особом магазине и со скидкой? Кто же это? Да конечно же, не кто иной, как профессиональные политики всех мастей и рангов, партийное руководство, никем не избранное, но имеющее всю полноту власти в стране.

Все планы — экономические и политические, — все

устремления нынешней государственной власти у нас в стране направлены на то, чтобы сохранить политические и материальные привилегии партийной бюрократии. Это задача номер один, все остальные задачи, включая материальное и духовное благополучие народа, общества, имеют второстепенное значение при разработке планов на будущее.

Привилегий значительно больше, чем может показаться при сопоставлении прямых денежных доходов. Их даже трудно измерить единой мерой.

Можно сопоставить мизерную цену на продукты питания в закрытом распределителе для партийных работников с базарной ценой — для рабочих, но как сопоставить затраты на все продовольствие тех и других, если рабочему часто *негде* купить мясо, молоко и другие жизненно важные продукты?

Можно сопоставить мизерную квартплату, которую платит партийная верхушка, с огромными затратами крестьянина на строительство собственного жилья, но как сопоставить, какими деньгами измерить пропасть между роскошной квартирой и дачей для чиновника и ночлежными койками рабочих общежитий не менее как для *десяти миллионов* бездомных (впрочем, и этих-то коек не хватает всем, и ради них-то — интриги, унижения, подкуп, подлость)...

За медицинское обслуживание никто не платит наличными, но к партийному функционеру, прикрепленному к спецполиклинике, на дом приедут, чтобы кровь из пальчика взять, а крестьянин и с поломанной рукой будет топать с десяток верст до ближайшей больницы или до ближайшей автобусной остановки и ребенка больного понесет...

Уже и место на кладбище дается не мертвому, но живому: чем выше должность в партийной иерархии, тем более благоустроено будет кладбище твое, и могила твоя не просядет, залитая водой, в первое же весеннее половодье, как то на небрежных общих городских усыпальницах, впрочем, городских лишь по названию, поскольку безразлично отодвинуты они от города подальше, в район свалок и овощных складов.

В замкнутом мире тайной эксплуатации и нечистых экономических махинаций, в который каждый из нас впамя вне зависимости от личной воли и желания, партийная бюрократия занимает положение *королей черного рынка*, его «паханов». Сама партийная должность становится чернорыночной ценностью, и за столом у любого Петра

Ивановича, где сидят уже не люди, но пилорама, машина, лошадь, — если и не парторг, мельчайшая сошка, то уж секретарь райкома сядет во главе стола.

Одно только подробное перечисление привилегий и льгот партийной бюрократии составило бы отдельную книгу. Книгу о социальной и экономической системе, где заработанные деньги перестают быть показателем общественного признания, но становятся лишь маскировкой, под прикрытием которой правящая структура *отнимает* блага без какого бы то ни было эквивалента.

Написать такую работу весьма интересно, но непросто, поскольку экономические границы правящей структуры сильно размыты. Разные ее слои по-разному участвуют и в присвоении, в распределении прибавочного продукта.

Часть прибавочного продукта идет на научно-технические разработки и исследования, которые, видимо, сами должны бы результатом своим иметь создание стоимостей, создание благ для общества. Но в социалистическом государстве правящая структура, естественно, руководит и общетехнической политикой, а значит, финансирует именно и прежде всего те научные и технологические идеи, которые обеспечивают его стабильное положение: исследования и разработки, связанные с военной промышленностью, — в области точных наук и техники; исследования, помогающие обработке и оглуплению масс, — в области общественных наук.

С партийной бюрократией тесно срослись и технотруктура, те, кто непосредственно руководит производством, и научная интеллигенция, и интеллигенция художественная. Все они получают свою долю прибавочного продукта — тем большую, чем лучше работают на стабильность системы, чем выше их деятельность оценивается партийной бюрократией, которая является единственным заказчиком и покупателем работ.

Очень интересны льготы, которыми пользуются люди, занимающие низшие ступени партийно-государственной лестницы, там, где бюрократия почти смыкается с крестьянством (или крестьянство тянется к бюрократии). Эти льготы и привилегии касаются... ведения приусадебного хозяйства.

«Председатель Лауцесского сельсовета (Латвийская ССР. — Л.Т.) имел в колхозе приусадебный участок в размере 0,97 гектара и, кроме того, использовал 1 гектар колхозного клевера под пастбище для личного скота, у председателя Продского сельсовета в личном пользовании

находилось 2,11 гектара колхозной пашни»*. Эти двое перебрали и были поставлены на место. Но в принципе использование специалистами и административными работниками колхозов, совхозов, сельсоветов производственных фондов тех хозяйств, где они работают, для нужд собственного приусадебного хозяйства — норма. «В настоящее время наибольшие хозяйства имеют руководящие работники, особенно руководители среднего и низшего звена»**.

Если не брать полюсы — скажем, крупнейших работников партаппарата, с одной стороны, и Аксинью Егорьевну с семьей Тюкиных — с другой, то можно говорить о большей или меньшей привилегированности различных слоев общества, даже различных географических районов. Причем объем привилегий зависит от политических задач партийной бюрократии.

Москва, несомненно, самый привилегированный город страны. Московский рабочий трудится столько же, сколько, скажем, одессит или свердловчанин, но живет в условиях во всех отношениях более выгодных, чем остальное население. И не только из соображений престижа перед Западом, но как надежный оплот власти: недовольства и волнения в столице могли бы возбуждающе подействовать на всю страну.

Именно поэтому продовольствия в Москве продается на душу населения в два раза больше, чем в Одессе или в Ашхабаде (на 547 рублей в год против 286 — в Одессе и 270 — в Ашхабаде)***. И поскольку доподлинно известно, что у большинства одесситов нет приусадебных участков, можно смело утверждать, что питаются они хуже, чем москвичи, имея даже в виду, что Москва кормит сотни тысяч приезжих, которые стремятся сюда за продуктами, в том числе и одесситов, хотя от Москвы до Одессы 1526 километров по железной дороге.

Иными словами, если одесский рабочий (или херсонский, рязанский, архангельский и т.д.) производит то же количество продукта, что и его коллега в Москве, то потребляет он значительно меньше. Его политическая поддержка вызывает меньшую озабоченность у правящей структуры, и поэтому именно на его потреблении, на потреблении его семьи, его детей в первую очередь скажутся провалы хозяйственной стратегии партийной бюрократии.

* Г.В.Дьячков. Общественное и личное в колхозах. — с.38.

** Г.Антонова. К вопросу о перспективах существования личного подсобного хозяйства населения... — М., 1975.

*** О продаже и ценах на колхозном рынке. — М., 1975.

Именно он будет вынужден в первую очередь продавать на черном рынке свою рабочую силу: работать сверхурочно, вести подсобное хозяйство... или воровать.

Правящая структура по собственному произволу устанавливает цену на самый главный товар экономической системы: на рабочую силу. И дороже платит той части общества, у которой ищет политической поддержки. Вот крайне важная для нас истина: чем более существенна роль той или иной общественной группы в поддержании государства партийной бюрократии, тем менее ее благосостояние зависит от провалов и успехов в экономике.

Наличие товаров в закрытом распределителе не зависит от уровня их производства в целом по стране.

А уж судьба самой правящей структуры и вовсе никак не зависит от экономических обстоятельств. Экономические неудачи в той или иной отрасли хозяйства редко и совсем не обязательно сказываются на карьере нескольких чиновников. Да и они-то, как правило, лишь чуть понижаются в должности или и вовсе переводятся на аналогичную должность, но по другому адресу. Их отстранение — не что иное, как ритуал, видимость решительного действия в царстве полной хозяйственной безответственности.

Никто ни за что не отвечает всерьез. Никто ничего и не знает сверх цифр последнего отчета, отосланного в вышестоящую организацию. Социологи запросили у партийных и хозяйственных руководителей мнение о прошлых и будущих изменениях деревни и тут же увидели, что «из 545 высказываний только 15 содержат общую оценку происшедших и ожидаемых изменений... Малое число общих оценок изменений деревни позволяет сделать вывод, что руководители скорее склонны к анализу конкретных явлений сельской жизни, чем к обсуждению общих вопросов о масштабе социально-экономических изменений деревни, их глубине и значении»*.

Они даже сами не понимают, откуда берутся их привилегии, каким образом попадают продукты в партийный распределитель, кем оплачиваются их должностные льготы. Они не знают и не понимают общества, которым руководят: девять десятых из них считают, например, что через

* Р.В.Рывкина. Мнения руководителей сельского хозяйства о происшедших и будущих изменениях деревни. — В кн.: Современная сибирская деревня, ч.2. — Новосибирск, 1975. — с.92.

несколько лет приусадебное хозяйство колхозников уменьшится в объеме или вовсе отомрет *.

Но что же они тогда есть-то будут? Они и над этим не задумываются. Знают, что пока за ними власть, будут есть, и досыта...

Никто ни за что не отвечает. В тех *рядах* черного рынка, где как товар циркулирует личность партийного чиновника, наибольшим спросом пользуется не умение увидеть глубину хозяйственной и политической перспективы, не хозяйственный талант и инициатива, но дар раболопного исполнительства.

Тот, кто предлагает на продажу именно эти качества, может не опасаться банкротства и разорения, как бы ни обстояли дела на ином, главном рынке, где широко циркулируют хлеб, машины, жилище, рабочая сила. Даже бездарный хозяин, но преданный исполнитель обласкан будет начальством: ему при необходимости и место побогаче найдут. Талантливый хозяин, но нелояльный к системе и дня не продержится... Или нет, своим талантом он будет противопоставлен существующей хозяйственной системе. И смят будет, станет жить по законам бездарности, смирится.

Советская система — диктатура бездарности, диктатура *страха*, который бездарность испытывает перед талантом. Именно страх перед открытыми рыночными отношениями, *страх проиграть* на рынке — чувство хорошо знакомое, должно быть, каждому из нас — именно этот страх питает во всем мире социалистические идеи. У нас же этот победоносный страх обрел черты государственности...

Конечно, талант с бездарностью легко не разведешь. Тут на первый-второй не считаешься. И того и другого начала в каждом из нас предостаточно. Важно, какому из них легче выжить, с *каким из них легче выжить?* Принадлежность к правящей структуре определяется чуть ли не с детства: по данным социологов народного образования наиболее охотно исполняют поручения преподавателей и пионервожатых («занимаются общественной работой») как раз те школьники, которые не проявляют способностей к математике, филологии, биологии и другим специальным дисциплинам**.

Но ведь из комсомольских активистов вербуются послушные комсомольские функционеры, а те, в свой срок,

* Там же, с.100.

** Социологические и экономические проблемы образования. — Новосибирск: «Наука», 1969.

становятся партийными чиновниками и управляют судьбой своих бывших одноклассников, которые проявили способности к математике, биологии, хозяйствованию...

Талант вынужден служить бездарности и жить по ее законам. И если таланту, чтобы реализоваться, нужны экономический простор, свобода инициативы и демократия, то бездарности реализовываться нечего, ее устраивает черный рынок, система запретов на инициативу, диктатура партийных чиновников.

Как крестьянин, который кормится со своего приусадебного участка, может не заботиться — он и не заботится — об успехах колхозного производства, так и партийный чиновник, кормящийся на черном рынке должностей, может не заботиться об успехах всей экономики. У него есть свой «приусадебный участок» — должностные привилегии и льготы. Ему не нужно думать, чем торговать и на что обменивать, его обязанность — отнять побольше в пользу государства, а уж государство о нем позаботится. Впрочем, он и сам себя не забудет.

Кажется, никакие экономические потрясения не могут поколебать стабильность системы, а значит, и незыблемость привилегий и льгот партийной бюрократии в целом. Ей не грозит разорением экономическая разруха. Ей ничем не грозит разорение крестьян и рабочих.

Замкнутость, ограниченность общественных интересов партийной бюрократии той сферой, где льготы, связанные с партийной должностью, выдаются лишь в обмен на послушание и безропотность (а в конечном счете в обмен на умение блюсти запреты и давить все живое и талантливое) и не зависят от хозяйственной деятельности, — сила правящей структуры, но серьезная слабость всей системы в целом.

Феодалные замашки правящей структуры, ее экономическая развращенность и бездарность постоянно гасят те возможности, которыми уже сегодня обладает в стране крупное машинное производство и которое в условиях хотя бы относительной свободы рыночных отношений дали бы колоссальный толчок развитию производительных сил общества, значительно увеличили бы его благосостояние.

8

Просто удивительно, насколько легко разрешимы любые хозяйственные проблемы у нас в стране. Многим кажется — и это мнение поддерживается официаль-

но, — что нужны годы и годы, чтобы «поднять» сельское хозяйство, нужны крупные капиталовложения, техника, кадры. Днепрогэс нужно было возвести, теперь КамАЗ нужно построить. БАМ проложить...

Да ничуть не похоже! Все эти сложности накручены лишь для того, чтобы скрыть правду: достаточно освободить колхозы и совхозы от жестких административных ограничений и запретов, стесняющих хозяйственный маневр, и тогда крестьянин сам «поднимет» и сельское хозяйство страны, и свою собственную жизнь, да и все днепрогэсы, камазы и бамы и построятся скорее и с большей отдачей заработают...

Несколько лет назад в стране исчез репчатый лук. Совхозы и колхозы не могли покрыть дефицит. И тогда в некоторых южных областях колхозам разрешили сдавать поля в сезонную аренду приезжим из Казахстана корейцам, мастерам возделывать лук. И что же? Урожай и сборы лука возросли в несколько раз в первый же сезон. Как просто!

Испытывая нехватку рабочих рук, руководители наших среднерусских хозяйств стали приглашать, с согласия начальства, конечно, сезонных рабочих из города, гарантируя им твердый и достаточно высокий процент от собранного количества картофеля, овощей или фруктов. Полученные таким образом продукты сезонники продают в городе по базарной цене. Дело настолько выгодное, что привлекает даже хорошо оплачиваемые категории горожан.

И что же? Там, где такая система прижилась, картофель больше не уходит под снег, помидоры не гниют в поле, не пропадают богатейшие урожаи яблок. Чего же проще?..

Но почему только приезжих нанимают для такой работы? Почему лишь приезжим сдают в аренду землю? Неужели корейцы настолько лучше лук возделывают, чем русские крестьяне? Неужели какой-нибудь кандидат наук копает картошку тщательнее, чем сельский житель? Я спросил об этом одного мудрого председателя колхоза в Тульской области:

— А если мы своим колхозникам землю в аренду сдавать станем или четверть собранного картофеля отдадим за уборку, кто же из них по нарядам работать пойдет? Для кого тогда нормы и расценки существуют? Нам что же, распускать колхозы? Нет, воспитательная атмосфера в хозяйстве будет невыгодная...

Да, мы же совсем забыли! Нас воспитывают.

Социализм воспитывает нового человека — так говорили и говорится. Подождем, когда воспитают. Но кто же из наших знакомых к идеалу нового человека ближе? Гавря Тюкин и его жена, которые, отработав день в колхозе, последние силы оставляют на приусадебном огороде? Или Афонька-ветеринар и его товарищи, которые верой и правдой готовы служить каждому новому секретарю райкома, пусть бы он заставлял их делать совершенно противоположное тому, что вчера ими делалось? Может, идеал — Акулиня Егорьевна, всю свою жизнь безропотно кормившая чиновников, которые продуманно мешали ей нормально жить и работать, — ее фото только после смерти с Доски почета сняли? Или сам Леонид Ильич Брежнев — идеал исполнительного чиновника, чье житие подается нам в сусальной обложке?

Уж мы-то точно дальше от социалистического идеала, чем партийные функционеры. В нашей преданности социалистическим идеям начальство не уверено: нам на каждом столбе, на каждой стене висит напоминание: работай лучше... выполни план в четыре года... нынешний год работай за двоих... В цехе, в автобусе, в доме отдыха — всюду. Даже в доме призрения одиноких стариков, где каждое утро двоих-троих в морг несут, и тут прочтем при входе: «Поможем Родине ударным трудом...» Даже в психиатрической больнице.

Но нету лозунгов ни в строгих коридорах обкомов партии, ни в зданиях ЦК, ни в санаториях, где отрешаются от повседневности высшие партийные чиновники. К воротам их загородных дач не прибьют табличку «Дом образцового быта», какие лепят к стенам нищих деревенских изб. Друг другу они никакими глупостями досаждать не будут. Тут *новые* люди не воспитываются; кто сюда назначается, того и считают *новым*.

Но не надо думать, что они спокойно почивают за высокими заборами своих загородных дач, что размеренно гуляют, обстоятельно питаются удивительнейшей едой из распределителя и в ус себе не дуют, — НЕТ!

Как они вертятся! Как они работают! Сколько совещаний, предложений, постановлений! А ради чего? Да чтобы с земли, впрямую им подвластной, с этих девяноста восьми сотых пахотного клина, получить хотя бы две трети произведенного сельскохозяйственного продукта. Уж хоть бы не меньше!

Они крутятся, не спят ночей, ездят по плохим дорогам,

стучат кулаками и ногами, кричат, приходят в отчаяние, заставляя людей трудиться *сознательно* (то есть бесплатно) на этих девяноста восьми сотых земли. И пока они развивают бешеную деятельность, подкрепляя ее лозунгами, знаменами и газетными статьями, прославляющими социалистический труд, на остальных двух сотых земли, на крошечных участках люди тихо и спокойно работают и кормят *половину* всего населения страны...

Но почему же так? Разве трудно представить себе, какого богатства достигнет страна, если снять сдавливающие запреты на хозяйственную инициативу?

Да нет, конечно же, не духовный облик народа тревожит распорядителей хозяйственной политики, когда речь заходит об экономической самостоятельности крестьянина. Тут интерес более близкий: быть или не быть государству партийной бюрократии? Самостоятельность хозяйственная грозит стать самостоятельностью политической.

В конце шестидесятых годов, в либеральные времена разговоров об экономической реформе один хозяйственный безумец, чье имя стоит запомнить, Иван Никифорович Худенко, уговорил какие-то советские инстанции пойти на «эксперимент»: вместо многочисленных банковских счетов, по которым не только финансируется, но и до каждого чиха контролируется и регламентируется деятельность совхоза, открыли ему один-единственный счет и предоставили самому решать, сколько на что потратить следует.

И что же? Себестоимость зерна в этом совхозе оказалась в четыре раза ниже, чем всюду, прибыль на одного работника — в семь раз, а заработки — в четыре раза выше, чем в других совхозах. Производительность сельскохозяйственного труда выросла в три раза...

Казалось бы, при наших постоянных хозяйственных трудностях Худенко должен бы стать национальным героем. Но нет. «Нам нужна не всякая производительность народного труда». Худенко вскоре умер, присужденный к трем годам заключения в лагере.

Судьба его эксперимента поможет нам понять саму суть экономической политики государства. Обратимся к свидетельству участника этой истории, опубликованному десять лет тому назад:

«Я и трое моих товарищей, все инженеры-проектировщики с высшим образованием, встретились с организатором и руководителем эксперимента И.Н.Худенко и предложили ему свои услуги. Скажу, что нам сначала показалось трудно. Выяснилось, что мы совершенно не приучены и не

умеем самостоятельно принимать решения, хотя трое из нас работали в должности главных конструкторов и архитекторов проекта. Какие дома строить, из каких материалов? Как строить, какие механизмы приобретать в первую очередь? Все это мы стали решать сами. А через некоторое время вошли во вкус, почувствовали себя творцами общего дела, настоящими хозяевами.

Я не знаю, сколько существует... соседний овцесовхоз, но водопровода у него нет и по сей день. А проектируют его уже лет пять-шесть, и денег на подрядчиков овцесовхоз потратил уйму. Наше звено строителей проработало в этом поселке меньше года, а вода уже весело зажурчала в крана наших первых квартир и на все объекты подается. Мы сами построили в несколько месяцев скважину и водонепорную башню — без проекта и без сметы. Смета на все ни к чему, ведь ни норм, ни тарифов, ни расценок на виды работ у нас нет и агитировать тут никого не надо: чем меньше будут затраты, тем выше заработок каждого..

Получили мы одновременно с хозяйством обычного типа — Бурундайским откормсовхозом — импортные агрегаты для производства травяной муки. Бурундайцы их еще не пустили, а у нас они уже с середины прошлого года нормально работают и дают отличную продукцию. Дело опять-таки в том, что мы не открывали специального финансирования, не искали подрядчика. Сразу взялись за дело и в срок, за который вряд ли можно было успеть оформить все бумаги, смонтировали агрегаты, наладили и освоили производство. Сделали все быстро, но... с нарушением установленной процедуры. Проектировали механическую часть проектанты, хотя и с разрешения своего руководства, но не по плану — внеурочно. Налаживали автоматику самые квалифицированные специалисты также сверхурочно, привозили мы их к себе в хозяйство на субботу и воскресенье. И платили наличными, по договоренности, без норм и расценок, а так, как считали выгодным для дела. Не скрою, переплачивали, видимо, наладчикам в сравнении с существующими тарифами, но зато завод работает...

Когда мы спрашивали Худенко, можно ли сделать то-то и то-то, хотя это по действующему порядку не положено, он неизменно отвечал: «Делайте так, как это наиболее целесообразно и выгодно с соблюдением государственных

и своих интересов. Ошибки могут быть, но за них не убьют...»*

Убили.

И с точки зрения защитников системы было за что убивать: Худенко *взорвал* черный рынок, он пустил в него свет и воздух открытых рыночных отношений.

Смета, норма, расценки — весь этот финансовый механизм, без которого преступно обошелся Худенко, так устроен, что позволяет *бесплатно* отнять у работника значительную часть произведенного им продукта, *выталкивая* его самого на *черный рынок*. При помощи этого механизма «правлящий класс» отнимает у крестьянина необходимый продукт, заставляя добирать в приусадебном хозяйстве. Механизм этот строго охраняется системой запретов и ограничений, наложенных на хозяйственный маневр.

Худенко же, связав работника прямым материальным интересом с конечным результатом труда, не оставил в хозяйственной практике места для партийной бюрократии — *запрещать* стало нечего и *отнимать* стало негде.

Совхоз как бы заслонился от внешних административных властей. Хлеб — пожалуйста. Травяная мука — пожалуйста. А с вашим фискальным досмотром, с вашей полицейской опекой — пойдите прочь! «Кушать — кушайте, а к хозяйке на кухню свой нос не суйте!» — говаривал Худенко.

Административные власти могли только одним способом влиять на положение дел в таком хозяйстве, буде «эксперимент» доведен до конца: снижать или повышать цену на технику, материалы, удобрения... **ТОРГОВАТЬ.**

Худенко предлагал партийной бюрократии стать торговыми партнерами. А стать торговым партнером — значит, довольствоваться лишь частью прибавочного продукта, оставляя крестьянину тот необходимый продукт, который сейчас через завышение нормы и занижение расценки попадает в руки партийной бюрократии без всяких торговых церемоний.

Стать торговым партнером — значит, выпустить из рук абсолютную привилегию власти. Стать торговым партнером и таковым же сделать крестьянина — значит, дать ему свободно дышать, дать ему почувствовать себя человеком, дать ему дорасти до гражданского самосознания — а вдруг

* «Литературная газета», 18 ноября 1970.

и отличного от того образа мыслей, который насаждается партийной бюрократией?

Стать торговым партнером — значит, везде и на всех уровнях общественной жизни соревноваться в том, чтобы как можно полнее удовлетворить материальные и духовные потребности народа, *конкурировать*... Но с кем конкурировать?

Стать торговым партнером — значит, допустить риск возникновения конкурента, допустить риск проиграть в конкуренции; а учитывая многолетний отбор бездарности в правящую структуру, проигрыш почти неизбежен.

Да кто же согласится на такую судьбу? Худенко был наивным мечтателем, жертвенным героем, которому наши потомки, несомненно, воздадут должное.

Но разве нет у нас колхозов и совхозов, где все банковские счета на месте, а производительность труда лишь немногим меньше, чем у Худенко была? Разве нет у нас отлаженных, производительных хозяйств, добившихся экономического успеха в *границах* существующих административно-хозяйственных порядков? Есть. Но правильно ли мы понимаем, где эти границы проходят?

Приглядимся — и за гласной хозяйственной жизнью, за жизнью, *подставленной* нашему взгляду, с подъемом флага в честь лучшего механизатора, с вручением отрезов дояркам на 8 Марта, с трехстворчатым шкафом знакомой нам семьи Александровых, не станет ли нам различима иная хозяйственная реальность — тайная, негласная, чернорыночная.

Что поможет нам добыть строительные материалы сверх мизерного лимита? Все знают: подкуп и спекуляция... Что помогает приобрести запасные части, без которых машинный парк с места не сдвинется? Подкуп и спекуляция. Что поможет приобрести бензин и солярку? Сдать мясо на мясокомбинат? Найти железнодорожные вагоны, лес, солому, нужные породы скота, подрядчика на строительство? Подкуп, спекуляция, коррупция.

О существовании этой сферы хозяйствования все хорошо знают, всех и каждого она хоть краем, но обязательно касается. Иной раз и пошире откроется в застольных откровениях пьяного председателя или его доверенных лиц. Но охватить ее общие границы — кому сегодня удастся? Кому удастся различить, как сквозь сияющий образ передового колхоза, созданный фотоочерком в «Огоньке», проступает черный задник экономической нелегалщины, тайных хозяйственных махинаций, скрытого обмана?

Впрочем, от кого скрытого? Разве что от нас, читателей центральной и местной печати, которым эти колхозы подаются как высшие достижения *социалистического* хозяйствования. Но не от райкома партии — отсюда все границы видны.

Партийные органы хорошо осведомлены о чернорыночных операциях — если не по частностям, то в принципе. Где надо, они разрешат обойти запрет, где надо — отвернутся, но как только уровень хозяйственной самостоятельности минует «худенковскую черту» — так и лапу наложат.

Они не боятся черного рынка. Это не страшно, что кто-то с их ведома обходит запреты, лишь бы не стремился их вовсе отменить! Лишь бы не *открытый рынок*, лишь бы не административно-хозяйственная самостоятельность.

В условиях открытого рынка партийной бюрократии нечем будет оплачивать свою государственную политику, неоткуда будет изъять те огромные средства, которые практически в любых количествах можно получить через систему тарифов, норм, расценок, культивируя *черный рынок* как сферу подконтрольной инициативы.

Чем же *черный рынок* отличается от рынка открытого? В конечном счете тем, что через механизм черного рынка финансируется *политика* партийной бюрократии, тогда как механизм открытого рынка в первую очередь подталкивает развитие экономики.

Черный рынок — механизм поддержания стабильности политической системы, ее независимости от экономических законов.

Открытый рынок — механизм поддержания стабильности экономической системы, ее независимости от законов политической жизни.

Или рынок, или социализм. Или стабильность экономическая, или независимая от благосостояния общества стабильная политическая система. А поэтому все разговоры о рыночном социализме — праздное занятие. Наиболее умные представители государства понимают это. Вот почему партийная бюрократия никогда не разрешит широкую аренду земли, вроде той, что открыта корейцам. Вот почему обречен был «эксперимент» Худенко. Вот почему много разговоров, но мало дела вокруг *безнарядной* оплаты труда в сельском хозяйстве и бригадного подряда в строительстве, которые имеют реальный смысл лишь в том случае, если достигнут уровня хозяйственной самостоятельности худенковского совхоза.

Наиболее умные представители государства прекрасно знают, что социалистическая система не тянет, проигрывает в мировом экономическом соревновании с открытым рынком. Это было ясно уже более пятидесяти лет назад — в расцвет НЭПа.

Именно этот четко наметившийся проигрыш заставил Сталина понять и изречь то, что еще было непонятно Ленину: «Нам нужна не всякая производительность труда...»

Но нет, обыденное наше сознание никак не может взять в толк, почему *всякую-то* использовать нельзя? Почему же увеличение производства продукции в три, пять, десять раз не радует власть имущих? Нам кажется, все можно объяснить, все понять... Ну, хорошо, сидят они над нами, и пусть сидят. Никто на их власть не посягает. Пусть только дышать дадут, узду ослабят... Ведь сами же смогут от большего продукта большую часть иметь...

Ведь не все же там наверху афони, вроде абрамовского героя, есть же умные, знающие люди. Что же они-то не поймут никак?... Что же никак не найдут разумную грань между полным отрицанием открытого рынка, написанным на знамени социализма, и его использованием для социализма?

Наше обыденное сознание никак не хочет признать, что в тупик залетели, и все ищет, все ищет и, не желая принять истинную причину, ссылается на ложные: мол, во всем воровство виновато — воров бы к стенке!.. Да нет, во всем виновато засилие нацменов... Ищите причину в бюрократизации, в волоките... вредительстве... твердолобая старость...

В этих суждениях — надежда найти спасительную частность. Пусть, пусть остаются они наверху, пусть только узду ослабят... Думать о переменах страшно. Перемены — с кровью!

До каких же пор в условиях социалистического государства можно освободить рыночные отношения? А насколько можно, настолько они и освобождены — в рамках черного рынка. Здесь вполне можно положиться на инстинкт самосохранения партийной бюрократии, вполне можно доверять ее абсолютному нюху на крамолу — экономическую и политическую.

Случай с Худенко и показывает, до каких пор можно снять запреты, «худенковская черта» есть крайняя граница экономической свободы в нынешних условиях. Дальше

вроде бы никто не заходил, да и на этой черте мало кто бывал. По крайней мере, нам такое неизвестно.

«Эксперимент» Худенко, продолжавшийся всего только два года, принес государству более миллиона рублей прибыли, но сам организатор дела был осужден за то, что не сумел отчитаться документально за семь тысяч рублей, потраченных на нужды управления хозяйством,

Смехотворные обвинения! И это несмотря на то, что «соотношение обслуживающего управленческого аппарата к рабочим в экспериментальном хозяйстве составляет 1:40, а в соседнем хозяйстве 1:3,6»*.

В десять раз экономнее! Да разве действительная экономия интересует нашу правящую структуру? Это была та наглядная экономия, которая грозила пошатнуть существующий государственный порядок. Обещая миллионы прибыли, Худенко ставил под сомнение систему власти.

Те, кто в порыве реформенного вдохновения разрешил «эксперимент», в последний момент предали его. Все эти «умные», широкомыслящие, «знающие» партийные работники, которых мы в своем сознании должны противопоставить пьяному Афоне, отвернулись от него. Мы хорошо знаем, что без санкции партийных органов ни один волос не упадет с головы крупного хозяйственника. Здесь — санкционировали.

Называют и фамилию человека, который вначале поддержал, а потом предал Худенко, — член Политбюро Кунаев... Нужен был юридический прецедент, чтобы другим неповадно было. И его создали!..

Слово «эксперимент» я всюду писал в кавычках, потому что какой же это эксперимент? Это как раз естественные хозяйственные отношения, проверенные веками. Все остальное и есть исторический эксперимент, продолжающийся уже более шестидесяти лет.

9

Думалось кому-то прежде: социализм — царство светлой справедливости. От каждого по способностям, каждому по труду. Вгляделись, а перед нами

* «Литературная газета», 18 ноября 1970 г.

грандиозный черный рынок: ты — мне, я — тебе. И способности негде реализовать, и труд остается неоплаченным, и жизнь уходит на суету: где бы чего достать съестного, хоть за тысячу верст, да наготу не мешком прикрыть. Видим: социалистическую страну не накормить без сорока миллионов частных хозяйств. Знаем: заводы встанут без сырья и материалов, если не помогут ловкие толкачи-снабженцы, специалисты подкупа и спекуляции. Да что там толкачи — в партийный-то аппарат работать на заповешь, не подкупая доступом в партийный распределитель, внеочередной квартирой и другими привилегиями и льготами.

О таком ли социализме мечталось? Теперь и партийные теоретики проклинают того простодушного дурачка, который ляпнул, не подумав: «Уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Ладно, коммунизм-то объявить можно. Но жрать-то что при коммунизме будем?..

Уже сегодня потребности населения в мясе удовлетворяются лишь наполовину, и распределение мяса в крупных промышленных центрах (таких, например, как Ростов-на-Дону, Одесса и многих других) происходит строго лимитированно по месту работы главы семьи, то есть являет нам, по сути, замаскированную карточную систему.

Сейчас в стране производится в год на душу городского населения сельскохозяйственной продукции на 390 рублей, а покупается продуктов питания на душу населения в Москве на 547 рублей, в Киеве — на 415 рублей... А в Одессе — на 286 рублей, в Рязани, Тамбове, Перми — и того меньше. Одесса все-таки центр той южной степной России, которая должна была, по мнению Сисмонди, и вполне могла бы, по опыту Худенко, переполнить рынки Европы дешевым хлебом*.

Но если у крестьянина есть приусадебное хозяйство, где он может добрать необходимый продукт, то как быть промышленному рабочему? А все так же. Все с большей настойчивостью промышленный рабочий выталкивается на черный рынок, вынуждается продавать свою рабочую силу, чтобы нормально жить, нормально питаться...

Здесь нужно пожалеть читателя. Это должно быть очень утомительно, когда разговор все о питании, все о пище

* Приведенные материалы опубликованы в специальном издании: О продаже и ценах на колхозных рынках. — М., 1975. Я уже цитировал эту брошюру-справку, но именно здесь уместно сказать, где ее найти: в спецхране Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки — ДСП № 3762.

земной, а не о духовной, все о жратве да о жратве, все взвешивать да сравнивать, кто сколько съедает, кто сколько потребляет, — кто больше, кто меньше. Не голод же, не катастрофа, не война. Сыты ведь, с голоду никто не пухнет и детей рахитичных не так уж много. Сколько же можно на чужой кусок зариться, в чужой рот глядеть, чужое чревоугодие исследовать?

Тут всякий читатель скажет: да хватит уж об этом! — и тот, кто от пуза живет, и тот, кто в ниточку тянется. Оба и скажут: не хлебом единым жив человек... Один заявит, указывая барственно, другой, стесняясь, оберегая свое человеческое достоинство. *Нищета унижительна*, собственную нищету лучше не замечать. Очень уж горько. «Давайте о другом!» — скажут оба.

А это и есть — о другом. Это разговор об унижении, о развращении рабочего человека, который уже сегодня мог бы сделать свою страну изобильной. И не наша вина, что разговор об экономике страны все никак не минует тему элементарного потребления. Тем и живем сегодня, таковы и заботы наши: о куске хлеба заботимся в суете и беспокойстве.

Восемь часов в день должен трудиться рабочий в наше время, чтобы создать все необходимые обществу блага. Шесть или даже пять часов на особо трудных работах. Сорок часов в неделю. Но мы знаем: в стране нет предприятий, где бы рабочие не оставались сверхурочно после двадцатого числа каждого месяца и ежедневно в последние месяцы года. Мы знаем: огромное число рабочих вынуждено искать *левого* заработка, *халтуры* вне завода или стройки.

Во внеурочное время строительный рабочий предлагает населению услуги по ремонту квартир. Во внеурочное время шофер самосвала предлагает населению рейс с грузом песка или гравия. Во внеурочное время его товарищ по цеху разводит в квартире кроликов и выходит с ними на базар, занимая место рядом с крестьянином.

При этом сплошь да рядом продаются не только товар и услуги, но и ворованные по месту основной работы материалы, инструмент, на время украденные механизмы (грузовая машина, украденная на один-два рейса). Да и время-то не всегда неурочное. Сплошь и рядом рабочий научился обманывать начальство и в цехе в официальное рабочее время исполняет *левые* заказы.

А как же иначе? Если реальный — на руки — заработок промышленного рабочего 150–180 рублей, а мясо на базаре

стоит 5 рублей за килограмм, картофель — по 40–50 копеек, соленая капуста и та подорожала со времени, когда к ней приценялась Аксинья Егорьевна, и теперь стоит рубль за килограмм и в будни, — как же иначе? Купить в магазине? Но там не дешевле, поскольку с прилавка в магазине нигде, кроме Москвы, мясо не купишь — дефицит. А если продавцу *на лапу* давать, обойдется как раз по-рыночному. Картофель, может, и свободно есть в магазине, но две трети выбросишь при чистке.

Может быть, поэтому «в снабжении населения картофелем в Баку, Краснодаре, Армавире, Мичуринске, Запорожье доля колхозного рынка занимала 41–48%, в Днепропетровске, Балашове, Одессе — 66–77%...»*.

Хорошо, если у гражданина есть родственники в деревне: «Родным (живущим в городах. — Л.Т.) помогают 21% семей без личных хозяйств и 70% семей с наиболее крупными хозяйствами... Участие личных подсобных хозяйств сельских жителей в снабжении городского населения продуктами питания (имеется в виду родственная взаимопомощь. — Л.Т.) пока вообще не учитывается, хотя грубые подсчеты показывают, что объем продукции, перемещающейся по данному каналу, сопоставим с оборотом колхозного рынка»**.

А если нет близких в деревне? Если новоиспеченные горожане поторопились выписать в город и стариков, надеясь на лишние метры жилплощади, как теперь они обойдутся? С базара не проживешь.

Нет, промышленный рабочий или строитель за восемь часов ежедневного труда, оплаченного по существующим нормам и расценкам, не может заработать достаточно, чтобы кормить семью и существовать самому, чтобы купить мясо через заднюю дверь магазина или сапоги у спекулянта; чтобы дать взятку там, где это требуется для обретения элементарных благ. Не может. И тогда он *вынужден* оставаться в цехе сверхурочно, или, выйдя из цеха, искать дополнительный заработок на стороне, или воровать, или тратить время на производство овощей у себя в огороде...

Без этой деятельности вне «планового» рабочего времени, без этой торговли собственным трудом на негласной *черной бирже* ему не прожить. Да и профессиональным

* О продаже и ценах...

** Т.П.Антонова. К вопросу о влиянии размеров личных подсобных хозяйств на занятость сельского населения, досуг и материальное потребление. — В кн.: Современная сибирская деревня, ч.1. — с.140. ...И это все с тех же полутора-двух процентов пахотной земли!!!

политикам не сохранить стабильность системы, не покупая труд рабочего вне «плановой» системы, то есть на *черном рынке экономики*. (Понятие «плановый» не надо бы вообще противопоставлять черному рынку. Все эти чернорыночные отношения тоже *запланированы*. Только, понятно, кто же предаст гласности такие *планы*?)

Сколько же надо платить рабочему, чтобы он мог заработать за восемь часов труда нормальное существование себе и своей семье? Увы, у нас в стране нет сколько-нибудь реального понятия *о стоимости рабочей силы*. Экономисты, которые пытались ввести это понятие и проанализировать его, проанализировать движение рабочей силы как товара, неоднократно биты защитниками официальных научных канонов и стали едва ли не самыми распространенными *отрицательными* персонажами производственных романов и повестей.

Вот только что опубликованное подцензурное свидетельство: «Нет ни одной монографической работы, в которой хотя бы предпринималась попытка проанализировать рабочую силу как экономическую категорию в целом и при социализме, вскрыть как материально-вещественное, так и социальное ее содержание.

Не решены еще и многие частные вопросы, в своей совокупности составляющие проблему рабочей силы. Многие из них пока что едва намечены, а некоторые даже не поставлены. Среди последних — вопрос об особенностях рабочей силы в эпоху развитого социалистического общества.

В научной и учебной экономической литературе на этот вопрос имеется один-единственный ответ — она перестала быть товаром. Положение, конечно, бесспорное...»*.

Признав это положение бесспорным, и сам обличитель советской экономической науки ни на шаг вперед не продвинулся.

Рабочая сила — товар. И это хорошо знают те, кто стремится взять ее подешевле. Здесь мы можем привести пример, который косвенно покажет нам отношение советского руководства к стоимости рабочей силы.

Речь идет о послевоенном восстановлении завода «Запорожсталь», с которым связана биография Л.И.Брежнев: «Многим тогда казалось, что проще и дешевле было бы подорвать уцелевшие конструкции, разобрать их полностью, а затем уже строить завод заново. Так и

* Б.Л.Цыпин. Рабочая сила и ее особенности в период развитого социалистического общества. — М., 1978. — с.5.

рекомендовали поступить специалисты из ЮНРРА — международной организации, занимающейся помощью странам, которые пострадали от фашистского нашествия.

Побывав в Запорожье, они в один голос заявили, что восстановить разрушенное вообще невозможно, а если кто и решится на подобный эксперимент, то потратит на это больше средств, чем на строительство нового завода. Однако страна остро нуждалась в тонком холоднокатаном листе, производство которого должна была обеспечить первая очередь «Запорожстали», и советские люди опрокинули все прогнозы и предсказания иностранных специалистов*.

Позвольте, да какие же прогнозы опрокинулись?! Попросту вопрос «дороже или дешевле» снимается. Нужно! Потратили больше средств, чем на строительство нового завода? Да каких средств-то? Рабочая сила почти бесплатная ведь.

Иностранные специалисты вообще очень часто попадали впросак, оценивая те или иные экономические возможности нашей страны. Они исходили из факта определенной стоимости рабочей силы.

Между тем стоимость рабочей силы в стране на практике оценивается весьма приблизительно и субъективно в зависимости от того, как правящий класс понимает общественную необходимость. Общественно необходимая норма удовлетворения индивидуальных потребностей в некоторых случаях может понижаться до бесконечности, до лагерной пайки.

Оставим при этом в стороне тот аргумент, что, мол, «страна остро нуждалась». После войны все страны остро нуждались, и восстановление хозяйства, скажем, в Западной Германии шло не менее высокими темпами, хотя там рабочая сила — товар отнюдь не самый дешевый. А может быть, как раз поэтому?

Не только в годы послевоенной разрухи, но и до сих пор, будучи полновластными распорядителями *черного рынка*, хозяйственные руководители страны вынуждают рабочего продавать свой труд за бесценок, вынуждают его работать значительно больше восьми часов. Причем приобретая сверхурочный труд рабочего, высокопоставленные покупатели так являют дело, что нам кажется, будто это сам рабочий плохо работал положенные восемь часов и теперь должен наверстывать упущенное, поскольку «страна нуждается».

* Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк. — М., 1976. — с.47.

Достигается это при помощи все тех же норм и расценок: за все труды ему платят столько, сколько должны бы заплатить за восьмичасовой рабочий день. Не останешься сверхурочно — не проживешь. А все попутные лозунги о нуждах страны — это чтобы суть прикрыть. Если бы действительно нужды страны в расчет брались, все хозяйство иначе организовано было бы.

Нет, производительность неоплаченного труда расти не хочет. Щедрость и многотерпение рабочего не бесконечны. И если рабочую силу регулярно использовать, не возмещая ее общественной стоимости, человек начинает работать значительно ниже своих возможностей...

Именно это и происходит у нас в стране. Причем так явно, что даже партийные чиновники заметили этот процесс: «Довольно много руководителей указали на то, что за последние 10-15 лет изменилось отношение работников к труду. Если критические высказывания о технико-экономических аспектах производства единичны, то об отношении работников к труду доля критических высказываний значительно выше*». Эта обратная связь, пожалуй, — самая важная черта сегодняшней экономической реальности...

Похоже, что рабочий и крестьянин живут сегодня почти одинаково. Но если жизнь крестьянина мы смогли хоть как-то проанализировать, используя данные и цифры открытой советской печати, то никакой серьезный анализ положения рабочих нам недоступен.

Один остроумный француз заметил: «Рабочий мир настолько утратил свою индивидуальность, что из всех слоев советского населения о нем мы знаем меньше всего. Нам известны подробности жизни в лагерях, но жизнь на заводах остается почти полной тайной».

И это резон сказать не только французскому советологу, но и нам, жителям городских кварталов, вплотную примыкающих к заводским корпусам.

Нигде не найдете вы статистики сверхурочных работ в промышленности и строительстве. Сами эти сверхурочные работы тщательно скрываются. Еще бы! Ведь партийная бюрократия хоть как-то, хоть косвенно может признаться, что крестьянство принесено в жертву интересам пролетар-

* Р.В.Рывкина. Мнения руководителей сельского хозяйства... — с.95.

ского государства, но кому в жертву отдан сам рабочий, от имени которого правящая структура руководит страной?

Да нет, не в том беда, что социализм выглядит не так, как мечталось: может ли он вообще выглядеть иначе? Беда в том, что перед нами безрадостная хозяйственная перспектива.

Посвящая многочасовые говорения на Пленумах ЦК партии тому, в конечном счете, как повысить производительность плохо оплаченного труда, Брежнев никогда не забывает сказать о необходимости для крестьян, а в последнее время и для рабочих, вести приусадебное хозяйство. Но нет, личные хозяйства рабочих и колхозников с их техникой, переделанной из миксеров и пылесосов, с их ворованными строительными материалами не поднимут сельского хозяйства страны. Делая ставку на дальнейшую интенсификацию приусадебных хозяйств, правящая структура вновь устраняется от необходимости радикальных перемен в экономике. Страна нуждается не в «Товариществе огородников и садоводов», а в развитой аграрной индустрии, где сполна оплачивался бы весь общественно необходимый труд...

Впрочем, здесь разговор о нуждах страны заставит нас повторять то, что сказано выше.

Простимся с Аксиньей Егорьевной.

Ее портрет сняли с Доски почета. Она свое отработала.

В апреле я сколько мог следил за ее домом, старался отвести весенние ручьи, чтобы не залило подвал, даже и сам в подвал слазил, посмотрел, не сочтится ли где, а как сошел снег и прошла большая вода, поставил рухнувший было плетень, ограждавший ее огород со стороны улицы. Думал все, что кто-то из ее дочерей приедет либо дом продавать, либо еще напоследок огород засадить.

Но не знаю, как это бывает, а без хозяина дом, и вправду, сирота. То ли плетень плохо поставил, то ли еще где были дыры, но на участке стали появляться чьи-то голодные овцы, бродячие свиньи и целый выводок шумливых гусей. Никто из родственников не ехал, и я уже с печалью предвидел, как на будущий год участок зарастет сорняками, амбар покосится, и через огород мальчишки протопчут дорожки по всем направлениям...

Но все оказалось иначе.

В середине апреля ко мне пришел колхозный скотник.

Он хоть и жил через улицу, но мы были мало знакомы. Я знал только, что у него восемь детей, и всех этих мальчиков и девочек я всегда отличал от других деревенских ребятишек, но не мог отличить друг от друга — такие они все были рыжие и веснушчатые, в отца.

— Вы на участок претендуете? — спросил он.

— На какой?

— На Оксин.

— Нет, не претендуем.

— Тогда я его займу, что ли, — как бы безразлично заметил он. Но, уходя, не выдержал безразличного тона.

— Земля тут больно хороша. Раньше конный двор был — на два метра унавожена. Оксе повезло в жизни... Тут картошка пойдет. — И он вышел радостный, что ему досталась такая земля, что ему тоже повезло в жизни.

Москва

1982

**Последняя надежда
выжить**

ГДЕ НАМ ИСКАТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ?

Мы живем в государстве, будущее которого туманно. Куда мы движемся? Что будет с нами через три-пять лет? Ответа на эти вопросы сегодня не знает никто, и даже руководители страны не знают. Будущее время как бы вовсе исчезло из политического языка лидеров.

Нас даже перестали обманывать скорым благоденствием. Прямо и цинично нам было заявлено: что есть, то есть, и другого ничего не ждите... А что есть-то?

Темпы роста советской экономики падают год от года, и ожидается, что рост национального дохода, который уже и теперь замедлился до 2% в год, будет и дальше замедляться. Нас ждет застой и обнищание в общегосударственном масштабе...

В стране, богатейшей в мире по своим природным ресурсам, не хватает элементарных продуктов питания, одежды, предметов первой необходимости; миллионы семей не имеют мало-мальски сносного жилья. Цены тайно, но неудержимо растут...

Как нам жить? Застойный характер имеет и политическая жизнь. В государстве, существующем уже две трети века и давно миновавшем пору становления, т е р р о р остается основным методом политического правления... Политическая нетерпимость оказывает дурное влияние и на общественную и нравственную сферы: в обществе, имеющем богатейшие духовные традиции, ложь становится нормой поведения; мертвенный цинизм, пьянство, разврат,

наркомания — эти явления широко распространились у всех на виду... Что же будет дальше?

Когда в 1939 году Сталин обещал процветание и обещал в десять-пятнадцать лет догнать и перегнать развитые страны по уровню производства, этому не то что бы верили, но понимали, что право на заявления такого рода у него было: в силу целого ряда причин (впрочем, от Сталина не зависящих) темпы роста промышленного производства в стране были в пять-шесть раз выше, чем в США. Если его обещания и воспринимались сведущими людьми как обман, то как обман заданный и хорошо рассчитанный — обман сильного политика, оправдывающего кровавый террор ради некой (а вдруг и благой) цели в будущем.

Когда в голодном 1962 году Хрущев заявил, что вот-вот догонит Америку по производству мяса и молока на душу населения и что уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, мы смеялись, но понимали, что динамика общественных и экономических процессов после XX съезда чрезвычайно высока. Что он там имеет в виду под словом "коммунизм", это было его дело, но развитие общества к лучшему было весьма вероятно...

Брежнев уже не только не сулил догнать Америку, но скромно обещал хотя бы перестать покупать зерно в Америке. И ему никто не верил. Сама модель общественной и экономической жизни страны, которую предъявили населению Брежнев и его соправители и которую теперь продолжают поддерживать наследники, лишена динамики. В ней нет даже, пусть обманчивой, надежды на благие перемены.

Куда мы двинемся теперь?... Дело тем более осложняется, что, не умея решить внутренние проблемы, власти в то же время упорно придерживаются амбициозной и наступательной внешней политики: в одной горсти они хотят удержать и свой народ, и народы Польши и Афганистана, а если можно, и другие, и другие, и другие.

Так открывается альтернатива нынешнему застою еще более страшная, чем сам застой, — в о й н а. И мы неумолимо приближаемся к моменту выбора: или — или. Причем надежда на благое решение тает день ото дня...

Но без надежды на перемены к лучшему — хотя бы слабой, хотя бы мифической надежды, какую постоянно стремились поддержать в советских людях прежние правители, — без этой надежды неблагоприятное настоящее воспринимается не как жестокая необходимость, а как

тупая бессмыслица. Когда же впереди маячит опасность войны, то кажется, что мы и вовсе катимся в бездну.

Все это порождает в стране глухое недовольство. Всякий раз, когда оно прорывается наружу, его удается подавить, но снять а т м о с ф е р у недовольства власти не в силах. И это чувство, эта атмосфера все более и более осознается, все более и более проявляется в общественном мнении.

Сегодня уверенно можно сказать, что осознание обществом своей оппозиции власти — важнейший социальный и духовный процесс современной России.

Процесс-то, может, и есть, а спросить о нем некого: в редакцию "Правды" письмо не напишешь, на телевидение не позвонишь. Может быть, по западным "голосам" что рассказать могут? Мы бы и сквозь глушилки различили... Но нет, с Запада нам не подскажут. Там они тоже традиционно смотрят на советскую политику как на монопроцесс бытования и развития коммунистической идеологии, или, в лучшем случае, как на противоборство неких сил в истеблишменте, или уж и вовсе как на тайный процесс развития кремлевских интриг в борьбе за власть. Широкая оппозиция общества им не видна.

Во всех теоретических построениях общество если и присутствует, то где-то на нижних уровнях рассуждений, и представляется чем-то вроде колоссальных размеров птенца, раскрывшего ненасытный клюв в ожидании пищи. И кажется, что у отцов государства одна великая забота — накормить ненасытное чадо, которое само никак не может повлиять на собственную судьбу.

Иными словами, наблюдатели видят только то, что выставляется им на погляд: идеологическую доктрину в действии. А под ней есть ли что незадавленное?

Конечно, заявить, что общество целиком и полностью прониклось коммунистическими идеями и руководствуется ими в своей жизни, не решаются даже самые слепые. Остается признать, что общество попросту подчинилось правящей доктрине и ныне мертво в духовном отношении.

Но если это так, тем более надо бы кричать о страшной опасности человечеству: духовная смерть четверти миллиарда человек и в статистическом своем значении — губительное явление, а если это омертвление великого народа — быть великим бедам! Сила великого народа, оседланная дьяволом, без труда сотрет человечество с лица земли...

Впрочем, все ли так беспросветно? Может быть, все-таки есть хоть какая-то надежда выжить? Приглядимся внимательнее... Может быть, все-таки оппозиция общества не

привиделась нам? Может быть, есть у советских людей свое мнение о жизни, отличное от мнения Андропова? Может быть, мы в конце концов здесь, дома, найдем, кому задать наши вопросы, и получим ответ, где же именно нам искать свое будущее...

Да и кого же еще нам начать спрашивать, как не самих себя.

НАЙТИ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Живы мы духовно или нет? По первому взгляду — нет, ничего живого не осталось: ни мнения, ни сомнения... Представление о том, что у нас в стране нет и не может быть общественного мнения, не только полностью соответствует правящей идеологии, но и старательно насаждается ее аппаратом. Ведь с самого начала советское государство и было задумано как инструмент подавления общественного мнения, как д и к т а т у р а — и давили, и диктовали свою волю народу. Ужели теперь, через шестьдесят пять лет, кто-то может усомниться, что раздавили-таки?

Еще в конце тридцатых годов Сталин с удовольствием докладывал: "В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали советской власти 98,6% всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Рейнгольд, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали советской власти 99,6% всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки "разложения" (а о разложении правящей верхушки поговаривали наивные западные наблюдатели, — Л.Т.) и почему это "разложение" не сказалось на результатах выборов?"* Добавим, что в те же сроки было уничтожено еще, как минимум, полмиллиона человек: расстреляны, забиты до смерти на следствии, заморожены на лесоповале, утоплены в реках Сибири, уморены голодом — и ничего! никакого видимого движения общественного мнения, выражением которого должны бы быть выборы.

* И.Сталин. Вопросы ленинизма, изд.11-е, с.630.

Да что там Рыков, Бухарин, Тухачевский! Их судьба была, в общем-то, безразлична простому русскому человеку. Но вот ведь немного прежде того, в коллективизацию, прямым административным и судебным репрессиям — вплоть до расстрела! — было подвергнуто не менее пяти миллионов человек, а под санкции косвенные, экономические, подпала и вовсе большая половина всего населения страны, и что же?!

Уже и выборы 1933, 1934 и других годов показали "высокую политическую активность" советского народа и его "единодушную поддержку мероприятий партии и правительства", уже и тогда 98-99 % голосовавших — "за".

Что же из этого следует? Полная политическая и нравственная апатия целого народа? Духовная смерть великой нации?

Вот изменились времена, настала хрущевская "оттепель". Не то чтобы репрессии прекратились, но хоть срока юменьше стали отпускать. Может быть, и общественное мнение хоть чуть оттаяло? Да нет же! Ни беспорядочные хозяйственные эксперименты Хрущева, ни упорядоченный политический и экономический консерватизм Брежнева не выявили сколько-нибудь четко обозначенного мнения общества: все те же 99,9 % голосовали "за" — сперва за Хрущева, спустя короткий промежуток и "за" сменившего его Брежнева, хотя второй и объявил политику первого ошибочной, и мы, столь горячо поддерживавшие первого, могли бы возмутиться и потребовать объяснений... Нет, не нужно. Из одной опары тесто. Тать — не тать, а на ту же стать.

Молчание — знак согласия? Да что же это, право, какого такого в ы р а ж е н и я общественного мнения мы ищем? Коллективных петиций с выражением недовольства? Да, может, они были, петиции-то (были! были!) — но где теперь искать их авторов и "подписантов"? Иных уж нет, а те далече... Или, может быть, прямого протеста под дулами автоматов? Да, может, он и был, протест (был! был!) — но где теперь эти протестанты? Их и по биркам на костях не распознаешь...

Нет, нету у нас общественного мнения и не может быть. Ведь нас нету. Наше мнение о мире, о собственной жизни — лишь зеркальное отражение правящей идеологии, и даже дыхание не замутнит этого мертвого зеркала.

Мы — персонифицированное здание государства... Мы — стадо, которое, когда придет срок, погонят утверждать повсеместно военно-имперский дух.

Все это, конечно, несколько грубо сказано. Можно о том же самом, но иными словами: "Советское общество достигло крупных успехов в социалистическом воспитании масс, в формировании активных строителей социализма... Чем выше сознательность общества, тем полнее и шире разворачивается их творческая активность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми..." и т.д.*

Слова разные, а суть одна. Расхождение лишь в нравственной оценке видимой реальности... И получается, что даже самые яростные критики правящей доктрины видят нас такими, какими доктрина хотела бы нас сделать, такими, какими предлагал увидеть нас Сталин, тоже считавший, что общество упраздняется... Но мы-то совсем не такие!

Западных наблюдателей можно и понять. Они ищут в советской действительности привычных им демократических форм общественного мнения. Написал Солженицын "Письмо вождям" — это им понятно, это выражение мнения. Выступил Сахаров в защиту афганских крестьян — и это понятно, это выражение мнения. Создал Орлов и его единомышленники Хельсинкскую группу — уж это точно выражение мнения! Но вот Солженицын выслан, Сахаров сослан, Орлов осужден, Хельсинкская группа перестала существовать — и что же, оказывается, никакого нет общественного мнения? Остались только фотовитрины ТАСС и выкладки советских социологов о поголовном счастье?

Недоразумение заключается в том, что в сознании мировой общественности есть представление о некоем п р а в и л ь н о м выражении мнения общества. И эти правильные формы ищут... в н е п р а в и л ь н ы х условиях советского государства. Но можно ли от населения ГУЛага требовать в корректных демократических формах выраженного мнения о лагерном начальстве, о конфигурации лагерных вышек, о праве лагерных собак?

И когда мы молчим, печально глядя, как уводят высказавшихся, западные комментаторы отмечают: "У них нет общества. Личность полностью порабощена... Единственная реальность, с которой следует считаться, — советское правительство".

Но мы — не картинки в "Огоньке". Мы — не цифры

* Программа КПСС. М., 1962, с. 116.

советских социологов. Мы — не слова в речах Андропова и иже с ним... Но мы и не рабочая скотина. Мы — живые люди, а Советский Союз — живой общественный организм, а не кладбище духа и морали. И одно несомненно: для того, чтобы различить и понять реальное общественное мнение, реальное отношение общества к своей жизни и идеологической доктрине, к государству, надо не столько слушать, ожидая простодушных высказываний, — у нас кляп во рту! — сколько смотреть и анализировать, сопоставлять декларации правителей с ежедневным общественным поведением. Кто сумеет — увидит. Кто увидит — поймет.

Надо сказать, что советские идеологи в некоторых случаях оказываются иногда более добросовестны, чем их западные критики: они хоть признают, что в "сознании и поведении людей сохраняются пережитки капитализма, которые тормозят движение общества вперед". И ведь как же прочно мировому общественному мнению лапша на уши повешена, что над этим "т о р м о з я т" никто всерьез не задумывается, а "крупные успехи в социалистическом воспитании" воспринимаются на веру, — другое дело, что кому-то они нравятся, а кому-то нет, но ведь воспринимаются!

Нам же не следует так быстро проскакивать мимо признания партийных идеологов. Остановимся.

В государстве, созданном с целью преобразования общества в соответствии с заранее заданной идеологией, может быть только один серьезный тормоз, мешающий достижению цели: с о п р о т и в л е н и е о б щ е с т в а. Вот и все. Общество сопротивляется преобразованиям. То есть уже сам факт приторможенности — факт общественного отношения к руководящей идеологии, факт живого отклика на давление доктрины, факт общественного мнения, выраженного в поступках.

О б щ е с т в о с о п р о т и в л я е т с я экономической доктрине социализма — на социалистическую организацию труда рабочие отвечают снижением производительности.

О б щ е с т в о с о п р о т и в л я е т с я политической диктатуре, — и поэтому правящий аппарат вынужден административно запрещать любые формы политической самостоятельности населения, вынужден предельно формализовать ритуал "выборов". (Понятно, что в с я к о е независимое мнение по самой своей природе уже оппозиционно диктатуре.)

О б щ е с т в о с о п р о т и в л я е т с я

идеологическому давлению, — и поэтому государство, правящий аппарат вынуждены содержать колоссальную пропагандистскую машину и поддерживать ее деятельность жестокими репрессиями по отношению к любым проявлениям инакомыслия.

Общество сопротивляется — именно это нужно понять за разговорами о "пережитках, тормозящих движение".

История советского государства есть история целенаправленного воздействия идеологической доктрины на общество. Этот процесс широко рекламируется советской пропагандой, он широко известен и хорошо изучен как его сторонниками, так и противниками...

Но история советского государства есть в то же время процесс сопротивления общества. Этот процесс замалчивается или вовсе отрицается. Однако сам факт прекращения поступательного движения плановой экономики, сами факты застойных и даже регрессивных явлений в политической и общественной жизни страны — разве они не свидетельствуют, что противодействие общества давлению доктрины все больше проявляется как систематический процесс, как решающий фактор общего исторического процесса?

Мы живы. Мы живем, сопротивляясь постоянному и тяжелому давлению правящей доктрины. Сопротивление — форма жизни под давлением. Не широковещательный протест, а фактическое противодействие есть проявление у нас общественного мнения. Не декларация в защиту прав, а утверждение фактического права на существование. И если мы хотим понять суть исторического процесса у нас в стране, мы должны научиться различать эти формы общественной жизни, должны понять, какое значение они имеют для ближайшего и для более отдаленного будущего.

Партийные идеологи совершенно правы: именно прошлое мешает коммунистической доктрине окончательно утвердить свою власть над обществом. Это прошлое — опыт народа, обретенный за его тысячелетнюю историю.

Естественный порыв народа, общества противостоит искусственной коммунистической "теории" прямо-таки во всех сферах жизни. Борьба идет не на жизнь, а на смерть в прямом смысле этих слов: пока опыт жив, пока есть для него вместилище в душах и умах живых людей — живо и само общество. Живо и будет сопротивляться мертвящему давлению доктрины. Если же возьмет верх "теория"...

Впрочем, надо бы подумать, при каких условиях в принципе возможна победа "теоретической" доктрины?

Маркс и Ленин, Оруэлл и Замятин хотя бы гипотетически, но допускали, что да, может произойти так (а первые два считали, что д о л ж н о произойти так), что коммунистическая идеология станет единственным настоящим "опытом" человеческого бытия. Возможно ли это?

Развитие общественных взаимоотношений у нас в стране за последние годы заставляет усомниться в правомерности теоретической гипотезы. Более того, нет уже не только прежнего быстрого наступления доктрины, но общественное противодействие заставило правящий аппарат все чаще и чаще думать об обороне. Наступил как бы момент стагнации, момент фактического равновесия сил...

ЭКОНОМИКА ЗДЕСЬ НАС НЕЛЬЗЯ ЗАДАВИТЬ

Нормальная, з д р а в а я экономика для чего существует? Чтобы отвечать общественному с п р о с у на товары и услуги, отвечать п о т р е б н о с т я м общества. Есть потребности — будет производство! Есть потребности — будет товар...

Но советская экономика для другого. Тут потребности общества на втором плане. Потребности-то колоссальные, а товаров нет. Экономика служит прежде всего политическим целям.

Это, как помним, Сталин объяснил еще в 1929 году: "Нам нужен ведь не в с я к и й рост производительности народного труда... Нам нужен о п р е д е л е н н ы й рост производительности народного труда..."

Какую зарплату платить работнику? Какую цену назначить на готовую продукцию? Какую установить структуру и объемы для производства потребительских товаров? Все это определяется не потребностями общества — пусть хоть голодают, — не спросом, но решает по своему произволу правящий аппарат страны. Прежде всего он решает политические задачи: оплачивает собственную безопасность, безопасность своей власти, вооружение, армию, партийный и государственный аппарат, КГБ, систему пропаганды. А уж минимум, который остается, —

опять-таки под строгим контролем сверху — распределяется работнику, обществу...

Наша экономика — лишь политический механизм, механизм власти правящего страной партийного аппарата.

Вспомним "эксперимент" Худенко: уже сегодня советская экономика могла бы дать народу втрое больше товаров и услуг. Это позволяет современной техникой и технологией. Втрое! Но нет, партийные руководители никогда не пойдут на это. Им невыгодно. Ведь для этого хоть отчасти нужно поступиться своей абсолютной властью. Сегодня долю власти уступишь, а завтра и вовсе без власти останешься — таков закон политики! И поэтому "нам нужен не всякий рост производительности народного труда".

А что же общество, что же мы? Может быть, и впрямь возможно как-то сократить потребности общества, привести их в соответствие с интересами правящей доктрины, как-то воздействовать на сознание людей?

Нет, наши потребности, потребности общества — объективны. Они сформированы всем ходом истории. Они не зависят от политического момента или экономической ситуации, от воли Сталина, Брежнева или Андропова. Нельзя пренебрежение потребностями сделать постоянной политикой. Общество сопротивляется как может.

А может общество много! Государство недоплачивает работнику, не считается с его потребностями? Но тогда и работник, верный не коммунистической доктрине, а здравому смыслу, начинает недодавать государству свой товар — рабочую силу. Мера за меру!

Надо ли удивляться, что через десять лет в стране, по подсчетам экономистов, не будет хватать тридцати миллионов пар рабочих рук? Нехватка рабочих рук — понятие относительное и показывает прежде всего низкое качество наличного товара — рабочей силы. А уж низкое качество рабочей силы отзывается и низкой же производительностью труда. Когда в стране не хватает рабочих рук, это значит, что плохо работают те, что есть.

Низкая производительность труда, низкое качество рабочей силы при социализме есть как раз парадоксальное свидетельство жизнеспособности и духовного здоровья человека, проявление его естественных реакций на бесчеловечную экономическую систему, факт сопротивления общества давлению доктрины... Пока жив человек, иначе быть не может!

Не желая перестроить экономику так, чтобы она отвечала потребностям общества, правящий аппарат

стремится искусственно, методами пропаганды пригасить наши потребности. Нас пытаются убедить, что трудности — не от порочной экономической политики, а от объективных причин: от неурожаев, от ошибок предшествующего руководства, от происков американцев.

Пропагандисты произносят соответствующие заклинания... но потребности все растут и растут. И происходит обратное: не экономический дефицит душит потребности, а растущие потребности все более и более разламывают монолит социалистической экономики. Люди ищут возможности удовлетворения своих потребностей вне "плановой", то есть строго нормированной, экономической системы, развивают несоциалистические, традиционные, хорошо отработанные всем ходом истории рыночные формы хозяйствования. Когда хотят жить нормально, с доктриной перестают считаться.

Разве не факт общественного выбора (выбор — проявление мнения!) видим мы в том, что приусадебные участки крестьян и садовые клочки рабочих превращаются в настоящие микрофермы, отодвигая на второй план "доктринные" колхозы и совхозы. "Теоретическому опыту" основоположников "научного" коммунизма, правящей доктрине крестьяне и рабочие противопоставляют свой практический опыт, свое мнение, свой здравый смысл.

Разве не факт общественного мнения, общественного выбора видим мы в том, что промышленность, строительство, транспорт настойчиво ищут формы независимости от "плановой", строго нормированной системы? И находят! Не в системе половинчатого "бригадного подряда", а в прямой системе взяточничества, приписок, "липовых" нарядов, подставных лиц, дополнительных выплат и т.д. — в системе черного рынка. Нарушают закон? Нет. Нарушают искусственные барьеры и запреты, поставленные властями на пути свободного движения экономики.

Я понимаю, может показаться странным, что мошенничество, взяточничество, обман мы рассматриваем не как безнравственные поступки, а как факты экономического сопротивления. Но в том-то и парадокс, что в советских условиях за этими поступками можно и нужно увидеть не изъяны личности, но лишь единственно возможный, здравый способ существования в предложенных неестественных условиях. Склоните сегодня к нравственному покаянию всех в стране снабженцев-толкачей, этих профессиональных взятокдателей, и завтра замрет вся экономическая жизнь

в стране. Строго по доктрине можно только умереть. Жить можно лишь вопреки доктрине, лишь сопротивляясь.

Можно, конечно, предположить, что власти сознательно поступаются доктриной, рассчитывая, что со временем можно будет использовать (как при НЭПе) все блага, которые будут добыты обществом при нынешнем исподволь развивающемся процессе десоциализации экономики. Но ведь при НЭПе сектор государственной экономики был четко отграничен от экономики рыночной. Обе схемы существовали порознь. И когда пришла пора, то задавить частное предпринимательство было просто, — и как легко задавили! — словно страничку со схемой выдрали из книги по истории. Усомнимся, так ли легко будет задавить нынешнюю рыночную структуру, проникающую буквально во все клетки экономического организма.

НЭП был демонстрацией силы молодой политической доктрины, силы ее идеологов и практиков. Экономической конкуренции они всегда готовы были противопоставить неэкономические аргументы: идеологические (светлое будущее, требующее жертв), политические (укрепление диктатуры пролетариата и борьба с внутренним врагом), военные (социалистическое отечество в постоянной опасности). Всего этого было достаточно, чтобы запретами и прямыми репрессиями обеспечить "систематический перевес социалистического сектора... над капиталистическим".

Но сегодняшний-то процесс демонстрирует как раз слабость прежних аргументов: о светлом будущем никто не желает слушать, а миллионы убитых и десятки миллионов загубленных судеб в каждом из советских поколений — избыточная жертва для любой человеком вообразимой цели; политические аргументы тоже потеряли свою силу, поскольку партийные теоретики опрометчиво отказались употреблять термин "диктатура пролетариата" и поспешили провозгласить "общенародное государство", лишив функционеров-практиков возможности иметь внутреннего врага, на которого можно было бы списывать трудности, объявляя время от времени погромные чистки. Остается единственный серьезный аргумент — военный. Остается внешний враг.

Война или явная военная опасность — вот что может вновь сделать советскую экономику (а с ней и всю общественную ситуацию) подконтрольной и упорядоченной. Появится возможность — и даже необходимость! — ввести карточную систему, запретить приусадебные хозяйства и все другие легальные формы рыночной экономики, прирав-

нять трудовую повинность к воинской и, соответственно, приравнять хозяйственные нарушения к воинским преступлениям, предусмотрев, скажем, наказание за взятку вплоть до расстрела.

Возможно такое? Возможно. Более того, все это нам хорошо знакомо, почти все это и было у нас до середины 50-х годов. Неужели возобновится? Поразмышлять о такой возможности у нас будет случай несколько далее.

А пока что нам важно, что в экономике общество активно с о п р о т и в л я е т с я правящей доктрине.

Пока человек жив, пока живы его потребности, он будет сопротивляться...

СЕМЬЯ. СЮДА МЫ ПРЯЧЕМСЯ ОТ ДУХОВНОЙ СТЕРИЛИЗАЦИИ

Жив человек! Жив, разумен, деятелен. Обо всем имеет свое здоровое мнение... На первый взгляд, именно это и кажется самым странным. Вроде, ни о чем так не заботились коммунистические идеологи и функционеры, как об умерщвлении человеческого смысла.

Заменить здравый смысл коммунистической теорией, при которой сама п о т р е б н о с т ь к адекватному восприятию была бы потеряна, вот, казалось бы, для чего катится на нас тяжелая, громоздкая, неумолимо давящая машина... Но на нас ли? Не мимо ли?

В своей трудовой практике мы давно поняли, что чем дальше от "коммунистических начал", чем ближе к рынку — хоть и черному — тем и труд производительнее, и жизнь сытнее; да и сами руководители хозяйственной жизни, если и не высказывают эту мысль публично, то, кажется, осознают ее все более и более.

Все чаще мимо прокатывается пропагандистский каток, лишь нечистым ветром опохнет... Право, газетная заметка о жизни на Марсе привлекает больше внимания и больше интереса вызывает, чем материалы последнего пленума ЦК. Марс хоть и далеко, но есть, а пропагандистские понятия, вот они, но дотронься — пыль, пустота! И об одном только думают люди, глядя в оплывшее лицо какого-нибудь телевизионного Жукова или Зорина: сколько

же это они получают и скольких лет на пенсию выходят? И завидуют легкому хлебу: хорошо-де устроились, вон как разъелись!

Что сделаешь, неширок кругозор простого советского человека — широкий-то ложью позанавешен, — но в пределах своего недалекого горизонта судит он абсолютно здраво, и кто есть кто и что почем, прекрасно понимает.

Вот что несомненно: за шестьдесят пять лет неослабевающего нажима, вопреки всем изощренным методам пропаганды — от первой детской песенки до надгробной речи — коммунистическая идеология не сумела захватить душу человека. Почему так? Да потому, что нету у этой идеологии никакого разумного применения в жизни.

Все знают, что туда, где начинается мир личности — в межличностные отношения, в семью, в нравственное самосознание, — идеология и вовсе проникнуть не может. Мы ее сюда не пускаем. Здесь — наше. Сюда мы сами прячемся от духовной и нравственной стерилизации. Здесь мы храним духовный и нравственный опыт истории...

Казалось бы, даже представить себе невозможно, как это семья, супруги, родители, дети — всего двое, трое, пятеро — могут противостоять нажиму колоссального аппарата подавления. Какая сила заключена в этом мельчайшем человеческом коллективе? Да все та же сила — сила исторического общественного опыта, сила здравого смысла.

Ведь было время, когда советские идеологи пытались и в семью проникнуть со взломом. Они пытались включить семью в общую структуру социалистического уклада, искали способ и в семье устроить жизнь по своим законам, объявляли ее "элементарной ячейкой социалистического общества", а потому потребовали от супругов, чтобы они доносили друг на друга, а нет — репрессировали обоих (так было со многими тысячами семей в конце 30-х годов, отсюда и гулаговская аббревиатура "ЧС" — член семьи врага народа).

Канонизировали отцепредательство (герой-пионер Павлик Морозов); оправдали каинов грех братоубийства (братья как идейные противники — излюбленная ситуация искусства соцреализма, причем безусловное право на убийство признается, понятно, за братом-коммунистом).

Они хотели создать с о в е т с к у ю с е м ь ю, но два эти понятия — советский и семья — попросту не хотели соединяться воедино. Они из разных лексиконов.

Или семья остается вне коммунистического нравственного норматива, или она разрушается.

Да и то: семья не коммунистической теорией создана, и в семейной жизни все мы — даже и те, кто не подозревает об этом, — руководствуемся не "кодексом строителя коммунизма", а многовековыми нормами религиозной морали.

Нравственные принципы семейной жизни вырабатывались тысячелетиями. В них основа общественной морали вообще. Они абсолютны. Их нельзя отменить приказом. Они покоятся все на тех же десяти заповедях, сообщенных некогда Моисею. И если сказано: "Чти отца твоего и мать твою, и да благо ти будет, и да долголетен будешь на земли", — то или эти слова истинны вне зависимости от политической ориентации твоих родителей, или они вообще утрачивают какое бы то ни было нормативное значение: хочешь — чти, а не хочешь — не чти.

Семья сама — общество и всегда — часть общества. А поэтому так же абсолютна и необходимость уважения чужой семьи, чужой жизни, чужой собственности: "Не пожелай жены ближнего твоего, не пожелай дому ближнего твоего..."

Но так же абсолютен и запрет на прелюбодеяние, лжесвидетельство, воровство, убийство. Нравственные заповеди не корректируются политической ситуацией. Они или принимаются семьей, и тогда семья жива, или они отвергаются, но тогда нет и семьи — она превращается в случайное сожительство особей, стабильность которого зависит от стечения политических обстоятельств или даже и вовсе от воли административного аппарата. Совесть умирает. Личность умирает. Умирает семья... Но тогда умирает и общество.

Словом, семья была, есть и будет самой консервативной, самой надежной основой общественной структуры. Пока жива семья, мы не беззащитны под давлением доктрины.

Семья — коллективный духовник. Мы не ошибемся, если скажем, что реальное общественное мнение — сумма всех мнений, высказанных населением страны в семейных разговорах. И мы не ошибемся, если скажем, что мнение это о п п о з и ц и о н н о правящей идеологии.

Административное и идеологическое давление бессильно перед этой оппозицией. Ее вынуждены терпеть... Между тем всякая реальная оппозиция в тоталитарном обществе — пролом в глухой стене душегубки, в о з м о ж н о с т ь ж и т ь и в царстве плановой смерти.

Мы живы!

ЛИЧНОСТЬ. ТРАГЕДИЯ ОТРАВЛЕННОЙ СОВЕСТИ.

Мы живы. Мы — люди. Мы сопротивляемся... Но шестьдесят пять лет идеологического давления не прошли бесследно. Мы сохранили принципы, но не всегда сохранили самих себя. Едва ли не все мы — калеки: наши души сформированы в кривом футляре советской воспитательной системы. Наши реакции кривы и нелогичны. Ложь давно уже стала нормой нашего поведения. Мы сопротивляемся, не зная, что такое сопротивление. Мы стремимся к правде, не зная, что такое правда.

Мертвая рука идеологии стремится оторвать нас от здравого смысла, от здравого опыта истории, сделать послушными исполнителями л ю б о й начальственной воли — без протеста, даже и без сомнения вовсе, превратить в простенький механизм типа "Наш паровоз, вперед лети... а вместо сердца — пламенный мотор..."

Задача правящей идеологии — убить душу, сохранить тело и холодное, бездушное сознание. Убить сомнение.

Среди идеальных героев коммунистического пантеона есть мыслители и рубаки, труженики и исполнители, но нет ни одного и с п ы т ы в а ю щ е г о с о м н е н и я. Сомневающийся — не герой, сомневающийся — потенциальный враг.

Сомнение — вот первый шаг к сопротивлению личности. Первый, но самый великий шаг. Сомнение — тихий бунт, но ведь бунт же! Когда-нибудь возникнет великая литература, которая покажет истинные процессы, происходящие в душе советского человека, — только великая литература сможет сделать это... Она покажет, как человеческая душа, подавленная рабством родителей, затравленная школьным, пионерским воспитанием, з а д а в л е н н а я ежечасной, ежеминутной пропагандой, — как такая душа все-таки в какой-то момент распрямляется — и человек подвергает сомнению все те ложные истины, которые внушались ему, и опадают они с выздоравливающей души, как короста с выздоравливающего тела.

Но почему же все-таки наступает момент сомнения? Да потому, что душа человеческая б о л ь ш е любой

идеологии. Больше — и все тут! Ну что может значить какое-то комсомольское воспитание по сравнению с тысячелетней нравственной традицией народа...

Потребности человека созданы историей, представления о мире — историчны. В нашей обыденной жизни мы придерживаемся здравого смысла — и он ежедневно и ежечасно противоречит идеологической "теории", заставляя нас всматриваться, сопоставлять, сомневаться...

Сомнение — первая работа пробуждающейся совести. И самая трудная работа. Не имея силы постигнуть суть противоречия между здравым смыслом и идеологией, человек стремится не думать о нем, вовсе вытеснить его из своего сознания. Но это никогда не удается вполне.

Сомнение, раз поселившись, не может быть изгнано. Оно выступает экземой на руках человека, читающего доклад о торжестве идей марксизма-ленинизма; оно создает ощущение разлада между жизнью и сознанием и заставляет человека пить водку, прибегать к наркотикам и транквилизаторам, забываться в разврате.

Самосожжение — тоже форма отказа, и те миллионы, которые сгорают от водки, далеко не всегда знают, что они — протестанты, что их жизнь — сопротивление. Так, к слову, сопротивляется и, вырождаясь, гибнет от пьянства русская деревня... Но сопротивление, которое заканчивается гибелью, — победа ли? Нет, поражение.

Пьянство, наркомания, разврат, физическое вырождение, увеличение числа случаев нервно-психических и сердечно-сосудистых заболеваний — такова страшная победа коммунистической доктрины над обществом. Чуждая идеология стремится убить душу, но это удастся лишь при физическом уничтожении человека. Впрочем, это никого не останавливает: и м лучше труп или полный идиот, лишь бы не инакомыслящий...

Но сомнение совсем не обязательно приводит к инакомыслию. Даже осознанное отрицание правящей доктрины еще не означает признания истины за какими-то иными идеями. К иным идеям у советского человека попросту нет доступа. И получается — как ни отрицай, а деваться-то некуда...

Да что там — идеи! Просто физически некуда деваться: если хочешь нормально работать, кормить семью, хоть мало-мальски сносно жить, если хочешь сделать карьеру или утвердить какие-нибудь деловые (хозяйственные или научно-технические) идеи — сиди на партсобраниях,

поддерживай "генеральную линию", вступай в партию — другого пути нету! Поэтому вслед за осознанным о т р и ц а н и е м достаточно часто следует циничное п р и м и р е н и е.

Но циник уязвим, и важно не то, что он примирился, отрицая идеологию в душе, а важно, что все-таки примирился. Примирение — отказ от личности, отказ от собственного мнения, отказ от убеждений. Вы вступили в партию — жизнь заставила! Но теперь выступите на ординарном партсобрании хоть с мало-мальски здоровой идейкой, отличающейся от "генеральной линии", и обсуждать будут не идею, обсуждать и осуждать будут сам факт вашего выступления. А станете упорствовать в своей позиции — и вас разотрут равнодушные жернова. Если уж вы в эту машину сунулись (квартиру ли вам пообещали или повышение по службе, а без этого кто же полезет?!), то выжить сможете, только превращаясь в "нового человека в процессе а к т и в н о г о участия в строительстве коммунизма". То есть теряя какую бы то ни было способность здраво судить об окружающей жизни или загоняя эту способность, эту потребность глубоко на дно души.. Наступает время, и вчерашний трезвый циник сам становится бешеным давителем всякой здоровой мысли.

Опять победа идеологии? Да. Есть основание считать даже, что ее главную силу составляют именно люди, цинично примирившиеся, а вовсе не "идейные борцы". Это люди с нарушенной функцией совести, и в них — самое тяжелое поражение здравого смысла. Что поделаешь, само понятие б о р ь б а подразумевает чередование побед и поражений. Но ведь борьба же! И даже самый б е ш е н ы й несет в глубине души зерно сомнения в правомерности своих поступков. Здравый смысл не умирает. И бывает, зерно прорастает, и тогда — невращения двойственности, болезни, гибельный запой, а то и вовсе прямое самоубийство.

Вот что очень важно: постоянное столкновение идеологии со здравым смыслом происходит в душе каждого из нас — в каждой душе, от диссидента до секретаря обкома. Именно здесь, в душе, последняя и главная линия сопротивления. Именно здесь, в проверке доктрины совестью, решается и судьба человека, и судьба общества, истории.

Здесь все компромиссы и примирения, все поражения, все победы, — а и победы есть абсолютные!

Немногие отваживаются на радикальную борьбу, но и на это отваживаются. На открытое выражение своего

мнения, на открытое отрицание правящей коммунистической доктрины. Их значение определяется не количеством и не политическим эффектом, а самим с у щ е с т в о в а н и е м. Нравственное влияние открытого протеста уже ничем не сотрешь, из души не вытравишь. Сахаров и Орлов — в сознании каждого из нас — даже и тех, кто ничего не знает о них, кроме газетной брани и клеветы. В нашем сознании — ими явленная возможность открытого протеста.

Но радикальный протест не без слабостей. Он, как правило, соотносит наши потребности, потребности общества с политической реальностью, требуя частных изменений (движение за права человека, неофициальное движение за мир, национальные оппозиции и т.д.). Но частные изменения советской политики невозможны. Никто никаких прав нам не подарит... Однако подразумевается, что если политическая реальность не изменится, не поддастся, то личность и общество останутся по-прежнему давимы и поработены...

Совершенно иначе сопротивляется доктрине консервативная, религиозная мысль. Религия, соотнося кратковременное человеческое бытие с Вечностью, дает возможность д у х о в н о о б о с о б и т ь с я от лживых истин правящей идеологии, возвыситься над ними. Христианство — самая распространенная из религий нашей страны — утвердилось в человечестве как религия рабов. И сегодня мы, рабы коммунистической доктрины, принимаем учение Христа как голос, зовущий нас к духовному освобождению вне зависимости от того, каковы политические и экономические условия нашего бытия.

Можно было бы сказать, что популярность христианства вообще и православия в частности год от года значительно возрастает; можно было бы вспомнить о тысячах и тысячах новокрещеных взрослых и о молодежи, заполняющей церкви в дни праздников, — и можно было бы увидеть в этом то самое сопротивление общества, о котором мы все время толкуем... Да, но правильно ли говорить об этом явлении как о чем-то новом?

Христианство на Руси вот-вот отметит свое тысячелетие, и сам факт, что оно не только живо, но и сохранило силу и в последние десятилетия, сам этот факт — не свидетельство ли непреодолимого духовного сопротивления общества мертвящему давлению доктрины?

За последние шестьдесят пять лет — за годы коммунистического правления — христианство как мировозз-

рение, как система морали ничем не скомпрометировало себя в сознании общества, придавая силы мученикам, утешая оскорбленных. И поэтому теперь, когда сопротивление общества принимает осознанные формы, многие из нас и о с о з н а ю т себя христианами, хотя, по сути, были ими всегда...

Мы остаемся живы!

БОЯТЬСЯ ЛИ НАМ МУСУЛЬМАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА?

Каждый человек по-своему сопротивляется духовной смерти. Тем более по-своему сопротивляется каждая нация. Но я должен сразу сказать: исследовать, в чем именно заключаются особенности сопротивления к а ж д о й нации, мне не под силу.

И все-таки мне хотелось бы поразмышлять об одном непредугаданном, но теперь широко известном последствии советской национальной политики: речь идет о широкой миграции населения из национальных республик в русскоязычные районы. Миграция эта принимает такие размеры, что поговаривают уже об "обратной колонизации" России белыми нацменьшинствами. Не пошел ли маятник истории обратным махом: было — от Орды к Российской империи, теперь — от империи к Орде?

Миграция-то сама по себе еще не вся проблема. Дело в том, что темпы прироста населения у тюркоязычных народов сейчас значительно выше, чем у народов славянских. Уже сегодня неславянское население составляет большинство. Если же принять во внимание, что люди из Средней Азии и Закавказья оказывают своим соплеменникам всемерную поддержку и при устройстве на работу, и в продвижении по службе, и при получении более высокой квалификации, образуя таким образом целые национальные кланы, — то здесь, казалось бы, и можно говорить об "обратной колонизации" России...

Не размозит ли этот поток то, что до сих пор устояло под натиском коммунистической доктрины? Не сохраняя собственные национальные традиции, не поглотит ли "новая Орда" и те христианские нравственные устои, которыми мы-то держимся?

А как это скажется на составе правящих страной органов? Не надо ли связать беды сталинизма с тем, что Сталин — грузин, которому чужда и ненавистна была жизнь русских крестьян, составлявших в ту пору большинство населения? А теперь, когда русских меньшинство, не страшнее ли возвышение азербайджанца Алиева? Да и не один там такой Алиев.

И наконец, не скажется ли эта демографическая ситуация на составе армии — и если да, то как скажется, с какими последствиями для обороноспособности и нравственного духа войск? Хорошо известно, что в качестве лагерной охраны и для подавления волнений власти наиболее охотно используют солдат-нацменов. И понятно: этим солдатам русские, славяне вообще, прибалтийцы — не свои, чужие. В карательном усердии всегда проявляется та неприязнь, которая за два столетия накопилась к русским колонизаторам — и к прежним, и к нынешним...

Столь широкие нравственные последствия миграционных процессов никак не исследуются социологами — да и материала нет для таких исследований, поскольку чрезвычайно слабо исследуется и сама миграция. Тут можно только строить гипотезы. И вот на уровне гипотезы, догадки я и выскажу одну мысль...

Может, все-таки не так трагичны последствия миграции? Дело в том, что этот мощный, почти эпохальный демографический процесс как-то очень слабо заметен в нашей обыденной повседневной жизни. Иногда лишь фамилия заставляет вспомнить о национальности — а в поведении, в своих оценках все мы мало отличаемся друг от друга. В чем дело? Может быть, демографические процессы можно и нужно рассмотреть как-то еще и по-иному?

Как известно, в дореволюционной русской статистике не было группировки по национальному признаку в чистом виде. Население группировалось по признаку вероисповедания, и этот признак был более важен, чем национальная принадлежность. Понятно, что именно вероисповедание, то есть следование той или иной религиозной и исторической культурной и нравственной традиции, в большей степени определяет общественный характер личности, чем "родство по крови"... А может быть, и сегодня рассматривать структуру населения страны по национальности и по вероисповеданию?

Могут возразить, что в наше время религиозное самосознание большинства настолько слабо, что люди

попросту не задумываются о религиозной принадлежности или вовсе считают себя атеистами. Но ведь речь-то идет о вероисповедании как о системообразующем признаке того или иного типа культурной и нравственной традиции. Кто же сможет отрицать, что русская, грузинская или эстонская национальная культура — христианская по своим принципам?

А если так, то сами демографические процессы увидятся по-иному: мы увидим, скажем, что в общей структуре населения христиан значительно больше половины.

Далее. Люди тюркских национальностей, попадая в славянские республики, редко сохраняют свои религиозные и культурные традиции. Но вообще без традиций жить нельзя. Даже считая себя атеистом, человек в своей обыденной жизни придерживается определенных культурных и нравственных норм, которые связаны с нормами той или иной религиозной морали. Никаких других норм не существует и существовать попросту не может... Но если так, то не следует ли нам вместе с проблемой "тюркизации" славянского населения (к слову, и без того сильно "тюркизированного" шесть столетий назад) обсуждать проблему х р и с т и а н и з а ц и и мусульманских народов? И в то же время вряд ли сегодня можно всерьез говорить о возможности мусульманского культурного или религиозного влияния на русских, украинцев, латышей...

Я еще раз хочу оговориться, что у меня нет материала для конкретного анализа. Здесь только догадка... Но если мы согласимся, что, оседая в русскоязычных городах и поселках, узбеки и казахи, корейцы и буряты принимают христианские принципы общественного поведения, то само собой разумеется, что и характер их сопротивления коммунистической доктрине ничем не отличается от всего, о чем мы говорили, рассматривая опыт русского, христианского общества.

Человек может принять иную, чем у его предков, национальную культурную и нравственную традицию, но он не может оставаться вообще без традиций, без общества, без истории. А коли так, то он всегда будет чувствовать себя в оппозиции к доктрине, которая стремится эту традицию подавить, стремится подавить созданную этой традицией личность.

Что же до разговоров о будущем р у с с к и х как нации или о будущем славянских наций вообще, то будущее это и решается во взаимоотношениях общества и доктрины,

личности и доктрины, исторической традиции и доктрины. Здесь все причины. А демографические процессы — лишь следствия. Это и без всяких догадок так же ясно, как и то, что сталинизм был формой коммунистической диктатуры, а не грузинским владычеством. Национальный флер здесь н е м н о г о решает...

МЫ ВСЕ В ПЛЕНУ У ПОСТОРОННЕЙ СИЛЫ

Здесь нам пришлось время расстаться с одним широко распространенным заблуждением. Принято думать, что идеологическое давление на нас имеет наступательный характер, "воспитательный", что правящий аппарат стремится всех до единого сделать заинтересованными, активными единомышленниками. Заблуждение это специально поддерживается: "Партия считает главным в идеологической работе на современном этапе — воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму..." — сказано в Программе КПСС.

Но это все пустяки. На современном-то как раз этапе государственная идеология имеет не наступательный, а консервативный, о х р а н и т е л ь н ы й характер. О повальном "воспитании", об императивном внедрении коммунистических идей в душу всех и каждого сейчас вспоминают разве только самые твердолобые теоретики, да и тех сразу же одергивают прагматики-функционеры: что есть, в горсти бы удержать — а за большее не хватайся!

В начале 70-х годов из пропагандистского лексикона велено было убрать зажигательные призывы "уже завтра" вступить в коммунизм, и было провозглашено, что нынешний, "развитой" социализм — надолго. Кавалерийская атака на духовный мир человека, продолжавшаяся пять десятилетий, провалилась! Здоровые представления о жизни поколебать не удалось.

Что же теперь — переход от атаки к планомерной осаде? Может, кто-то там наверху так и думает, но мы-то знаем: обманывается!

То, что с маху не удалось нам в душу всадить, теперь с годами не вотрешь. Напротив, ежедневная жизнь общества постепенно всю ложь выталкивает наружу, делает ее

очевидной... Нет, не атака, не осада, а скорее, переход к обороне, и это едва ли не самый существенный факт нашей современной жизни. От кого обороняются? Да от нас же.

Мы — слепые, это так! Мы не знаем названий многим очевидным истинам — их стерла пропаганда, — это так! Во многих случаях нам приходится заново, каждому в одиночку искать путь к здравому смыслу — это так! Но мы находим этот путь и восстанавливаем истинные значения событий, явлений, истину самой жизни... А слова "теории", даже силой оттиснутые в сознании, остаются пустыми и мертвыми звучаниями — это не наше, чужое, постороннее.

И хотя пропагандистский туман все еще плотной полосой закрывает мир от нашего взгляда, он не может, одурманив, заставить жить ради коммунистической доктрины, как мечталось партийным идеологам в 20—30-х годах, — мы этот туман в душу не пускаем... Да они теперь и не лезут — в душу-то, отчаялись.

Пропаганда сегодня — лишь разд е л и т е л ь н а я полоса, охранительная завеса, призванная локализовать общественное мнение, а т о м и з и р о в а т ь его. Она отделяет дозволенное от запретного — словесная граница, за которую не разрешается заходить сознанию советского человека: знай себя, и будет с тебя!

Вы можете иметь любое мнение о советской реальности — это ваше интимное дело. Вы можете даже на кухне у друзей смело высказываться против существующих порядков... Но если вы трезво и сознательно сделаете публичное заявление — все! Вы перешли границу. Публично изъясняться о политике можно только теми словами, какие напечатаны в газетах или произносятся по телевидению.

Вы можете торговать на базаре, шабашничать, выполнять "левые" заказы, брать взятки или давать их, выписывать липовые наряды или получать по ним; производить машины, которые на другой день сломаются, или колбасу, которую люди вынуждены будут выбросить, как только принесут домой, — и все это сойдет вам с рук...

Но если вы публично заявите, что не желаете участвовать в собачьей комедии "плановой" экономики, вы опять перешли границу. Вами займутся... Публичное заявление — это вызов, это объявление войны, это обращение к единомышленникам.

Публичное заявление — уже политическая оппозиция. В сознании каждого из нас бытуют как бы два мнения: наше собственное, здоровое, порожденное опытом жизни и историческим опытом народа, а потому оппозиционное

доктрине, и другое — вложенное пропагандой официальное мнение, доктрине соответствующее и даже доктрину защищающее.

Первое — для соотнесения с совестью, чтобы себя в жизни не потерять; второе — для публичных высказываний, для подтверждения своей лояльности, чтобы тебя, не дай Бог, в оппозиционности не заподозрили.

И такая двойственность нашего сознания сегодня, кажется, вполне устраивает доктрину. И мы живы, и доктрина в безопасности... Мы в плену: нас не хотят переделывать (не могут, не даемся, а то бы захотели), но и нам доктрина ничего не уступит, ни во что вмешаться не даст. И то по себе, и это собою.*

Люди правящего аппарата прекрасно понимают, что 99,99% — "за" на каждых выборах свидетельствуют не о единодушной поддержке, такого единодушия среди живых людей в принципе не бывает, даже и среди сотни истинных единомышленников всегда найдутся двое (2%) сомневающиеся. Скорее, эти проценты говорят о мертвенном равнодушии миллионов к политическому ритуалу однопартийных "выборов". Но в том-то и фокус, что равнодушие устраивает наших руководителей. Ничего иного им и не нужно!

Слова о том, что-де "заинтересованность в общем деле... сопоставление мнений... повышение общественно-политической активности — в этом суть советской демократии" — все это пустяки! Суть в обратном: никакая заинтересованная поддержка им не нужна. Заинтересованная поддержка миллионов о б я з ы в а е т: поддержку надо постоянно заслуживать, поддержки можно лишиться, а потому рассчитывать на поддержку — дело опасное. Искать поддержки общества — значит, з а в и с е т ь от общественного мнения.

Но если доктрина хотя бы в малом будет зависеть от

* В прежние времена за анекдоты отпускали срок. Теперь иначе. Мою соседку, работающую техническим сотрудником в Союзе писателей, вызвал "для беседы" мелкий чин КГБ, курирующий эту писательскую организацию (а мы знаем, каждое советское учреждение, каждое предприятие имеет с в о е г о куратора в КГБ). Моя соседка, человек прямой, еще не выслушав, что от нее хотят, прямо и заявила, что люди, которые приходят к ней платить взносы (а собирать взносы — ее работа), никаких антисоветских разговоров с ней не ведут, анекдотов не рассказывают. Кагебешник поморщился: "Да вы между собой о чем хотите разговаривайте..." Их не это интересует. Сейчас их интересует только организационная оппозиция, только широковещательный протест. Пока мы все сами по себе, пока общество а т о м и з и р о в а н о — им не страшно.

свободно проявленного общественного мнения, от общественной самодеятельности, — ее ждет поражение.

Сила общества и сила коммунистической доктрины настолько противоположно направлены, что дай обществу хоть в малом проявить себя без запрета — не то что при свободных выборах, а хотя бы в клубе самодеятельной песни, хотя бы в добровольном обществе борьбы с алкоголизмом, — как в эту щель мгновенно хлынет такая сила, что и государственные порядки зашатаются, если вообще устоят.

Сегодня разреши трем процентам проголосовать "против" — завтра так же "против" и тридцать процентов проголосуют; сегодня оставь без присмотра клуб молодежной песни — завтра из него оппозиционная партия вырастет (такие хлопоты уже доставил властям Московский клуб песни). Нет, нельзя! Никакой инициативы, никакой заинтересованности, никакой поддержки не надо!

Наше мнение никого не интересует — ни "за", ни "против". Лучше, чтобы у нас вообще не было никакого мнения. Ни мнения, ни сомнения. Наше полное равнодушие — вот что больше всего устраивает сегодняшних наших правителей. Но поскольку мы не равнодушны и не можем быть равнодушны, когда дело идет о нашей судьбе, о судьбе страны и общества, то им надо, чтобы мы хотя бы молчали.

Чем глубже общество осознает свою позицию, тем опаснее доктрине в ы р а ж е н н о е мнение. Еще во времена вторжения в Чехословакию в 1968 году с нами играли, и на собраниях — под бдительным взглядом — из президиума запрашивали нашего одобрения: надо-де помочь братскому народу. "Надо, — отвечали мы вяло и потерянно. — Надо".

Но теперь, когда вторглись в Афганистан, нам ни слова. Теперь уже наше мнение запрашивать не решаются. Теперь бояться открытых слез, явной ненависти, широкого протеста... Теперь им даже и не видимость поддержки нужна, а только наше молчание и наша покорность.

Мы живем, но мы живем в плену. Мы здраво осознаем нашу обыденную жизнь, но даже и обыденной-то жизнью так же здраво распорядиться не можем, не говоря уж о жизни общественно-политической или о международной политике, — даже и нашей-то обыденной жизнью распоряжается кто-то посторонний. И мы настолько к этому привыкли, что нас даже не очень интересует, кто же это нашей жизнью-то распоряжается, кто он — этот п о с т о р о н н и й? Знаем только, чувствуем, что мы для этой

силы — нечто вроде питательной среды. Знаем только, чувствуем, что это — п о с т о р о н н я я нам сила.

Оставим в покое людей: люди слабы — идеи всемогущи. Люди для идей — лишь среда бытования. Тот п о с т о р о н н и й, кто держит нас за глотку, кто присвоил себе ч р е з в ы ч а й н о е п р а в о распоряжаться жизнью и судьбой общества, кто создал и вооружил этим правом партаппарат, кто отнял у истории и присвоил себе самое понятие "государство", этот п о с т о р о н н и й - ИДЕЯ, та же самая и д е я о т р и ц а н и я, которая всегда и во все времена давала силу и убийце, и революционеру.

Все, конечно, знают, что у этой идеи есть и частное имя: "теория научного коммунизма".

Тот факт, что вы можете на кухне у друзей рассказать анекдот про Андропова и вам сойдет с рук, тот факт, что секретарь райкома ни слову не верит из того, что он сам же произносит перед людьми, тот факт, что поутихли призывы построить коммунизм уже при жизни нынешнего поколения, — все эти и многие подобные факты расцениваются иногда как поражение ИДЕИ. И поговаривают уже, и поговаривают всерьез, о некоей д е и д е о л о г и з а ц и и советской системы.

Говорят уже, и говорят уверенно, что лишь развращенность партаппарата властью мешает здоровым переменам в нашей жизни. Считают уже, считают убежденно, что все слова из идеологического лексикона: "развитой социализм", "коммунистическое будущее" и т.д. — стали теперь чем-то вроде пустой оболочки, которая пока, до поры до времени, покрывает разваливающиеся принципы. Но дунет ветер истории, покров слетит, и все увидят, что никакого социализма нет как нет, а есть лишь развратный и слабый Рим времен позднего упадка.

Да, люди слабы, но идеи-то всемогущи... Деидеологизация — пустое понятие. Пока отрицается общественное мнение и общественная воля, пока жив сам п р и н ц и п о т р и ц а н и я, до тех пор социализм есть социализм — "первая стадия коммунизма"... А принцип — нет, не ветшает.

Но многим со стороны видится иначе.

У остроумного, но местами нечеткого по мысли французского советолога А. Безансона читаем: "До прихода к власти партия большевиков скреплялась идеями. Соответственно, захватив власть, она установила господство и д е о к р а т и и. Но по мере отхода "действительной"

реальности от реальности выдуманной идеи лишались своего содержания и от них оставалась лишь словесная оболочка. Эволюция режима шла к логократии.

Л о г о к р а т и я обеспечивает еще более полную и незамутненную связность и последовательность системы, чем идеократия. Ей не нужна вера. Она составляет некое единство поступков, поведения, отношений. Поколебать ее не может ничто: ни снаружи, ибо мешает полиция, ни изнутри, ибо индивидуальный внутренний мир просто отключен от системы. Все по-своему уходят в себя, в свою личную жизнь, и только руководители вынуждены говорить с семьей на языке партийных собраний.

Пустота, на которой стоит идеология, — залог спокойствия, это так. Но она же и причина ненадежности всей структуры. Пока еще идеология сохраняет свою непрерывную и гладкую поверхность, но каждую прореху становится все труднее чинить... Ткань еще держится, за ней еще тщательно ухаживают, но она уже сильно протерлась, обтрепалась, истончилась".*

Здесь каждая мысль скорее весело легка, чем верна. Мы знаем, что Брежнев прекрасно умел говорить со своей семьей на языке черного рынка бриллиантов... Но главное-то, что никогда, ни в какое время коммунистическая ИДЕЯ не лишалась своего о с н о в н о г о содержания, которое заключается не в демагогических посулах благоденствия в "реальности выдуманной", а в п р и н ц и п е о т р и ц а н и я действительной реальности (и прежде всего — общества, нас всех) как значимого фактора политики. И принцип этот ничуть не протерся, не обтрепался, не истончился с октября 1917 года. И сегодня еще достаточно верующих в него или, по крайней мере, доверяющих ему — доверяющих насилию, сознательно служащих насилию.

Мы говорим, что опора власти — циники. Но в сегодняшнем значении ц и н и к — это не тот, кто ни во что не верит. Циник верит в насилие, хотя и знает, что насилие — зло. Циник сознательно доверяется злу.

Многое изменилось и продолжает меняться у нас в стране десятилетие за десятилетием. Но незыблемо остается одно — в о з м о ж н о с т ь насилия над общественным мнением или даже отрицание общественного мнения.

Да, вы сегодня свободно можете высказаться на кухне

* А.Безансон. Краткий трактат по советологии. "Вестник РХД", №118, с.189-190.

у друзей... но завтра люди Андропова проведут два-три показательных процесса и "отпустят срока" за подобные беседы, и вы замолчите не только что на чужой кухне, но и в собственной постели. И не надо никаких новых законов вводить — хватит и тех, что есть. Их никто не отменял с тридцать седьмого года... Социализм есть социализм.

Да, у нас в ушах тишина: уже несколько лет никто не требует экстренно вступить в "коммунистическое будущее"... Но ведь это же так просто! Сегодня молчат, а завтра построят нас в ряды, ударят в барабаны — и айда в коммунизм или на трудовой фронт, или просто на фронт — это уж куда скажут. И опять-таки, не надо никаких новых законов — хватит и тех, что есть. Главное, что ваша воля — о т р и ц а е т с я... Социализм есть социализм.

Чем же мерить деидеологизацию? Цинизмом партаппарата? А когда же было иначе? Их бескорыстная преданность — это из романов соцреализма. А на самом-то деле от первых дней советской власти они всегда и ели, и пили, и жили лучше других, — тем только да еще соблазном власти привлекая новые кадры.

Не надо преувеличивать силу партаппарата. Они лишь нанятые слуги п о с т о р о н н е г о.

Посадите завтра весь партаппарат в лагерь, а лагерников сделайте партаппаратчиками (если согласятся; а многие согласятся, и соглашались уже!) — и ничего не изменится. Замените завтра коллегию политбюро новым Сталиным, или, напротив, расширьте коллегиальность — и тоже ничего не изменится. Социализм не зависит от количества верховных правителей. (Да мы и не знаем никогда, сколько их там и кто именно реально правит, а сколько иных — для видимости...)

Нет, нас не живые люди в плену держат — с живыми мы давно договорились бы, живая кость мясом обрастает... Но мы в плену у мертвой силы, у мертвой ИДЕИ. Законы социализма как "первой стадии коммунизма" даны в т е о р и и, а "теория коммунизма" к жизни никакого отношения не имеет и жизнью не корректируется. Вместе с тем известно: теория должна быть непротиворечива, иначе она теряет свою силу. Она как глухая стена вокруг зоны. Если в ней хоть калитка не охраняется, она и вся не нужна. Какая уж тут деидеологизация!

Нет, та мертвая сила, которая на нас сверху давит,

меньше не стала. ИДЕЯ, принцип — и не могут быть больше или меньше. ИДЕЯ осталась все та же, что была и в 1917, и в двадцатые, и в тридцатые, и во все последующие годы, — это о т р и ц а н и е нашего права распоряжаться собственной судьбой, отрицание здравого смысла.

ИДЕЯ не изменилась, изменились мы. Мы-то ее давление иначе воспринимаем. Мы все яснее понимаем ее как чуждую, п о с т о р о н н ю ю силу. Мы все более сознательно сопротивляемся насилию.*

Похоже, что к моменту смерти Брежнева генеральное наступление коммунистической идеологии на личность человека было остановлено. Здравый смысл общества преодолеть не удалось. С ним пришлось мириться. Наступил как бы момент с т а г н а ц и и... Надолго ли?

Момент стагнации вовсе не обозначает прекращения процесса или изменения его содержания. О п о б е д е здравого смысла говорить пока не приходится. Стагнация советской системы значит только, что яростное давление доктрины теперь не дает прежнего эффекта, а противодействие здравого смысла обрело зрелые формы, проявило себя как решающий фактор истории. Более того, стало ясно, что противодействие здравого смысла и есть содержание исторического процесса в России в последние шестьдесят пять лет.

*Среди теоретиков-коммунистов идут оживленные дебаты о том, можно ли называть "научным коммунизмом" те принципы, которые заложены в основу правящей у нас доктрины. Сторонники "социализма с человеческим лицом", "еврокоммунизма" и прочих школ и направлений, не согласных с советскими партаппаратчиками в трактовке основополагающих работ, ссылаются на то, что у Маркса идея постоянно развивалась, и "Капитал" уже дает о ней иное представление, чем ранние работы... Все это пустяки. Именно Маркс написал "Манифест коммунистической партии", именно Маркс провозгласил ч р е з в ы ч а й н о е п р а в о одной лишь части общества (класса) на волевое, или чтобы быть точным, "д е с п о т и ч е с к о е" вмешательство в естественный исторический процесс, провозгласил и нигде и никогда не отрекся от этой изначально кровавой идеи.

"Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения" ("Манифест коммунистической партии", разд.11). Но разве не эта идея положена в основу правящей у нас доктрины? Разве не этим "преимуществом" партаппарат объясняет свою политику? А если так, то или это — коммунистическая ИДЕЯ... или "Манифест коммунистической партии" — не коммунистический документ.

Думается, что те, кто желает отмежеваться от советской доктрины, должны бы начать с того, чтобы отмежеваться от политического понятия к о м м у н и з м. Так было бы честнее, чем отмывать это понятие от постоянно выступающей на нем крови...

А раз так, то судьба страны, судьба народа зависит от соотношения противоборствующих сил или, попросту говоря, от того, чья сила возьмет верх.

Чья сила проявит себя как субъект исторического процесса в России? Весы истории качнутся — куда? Куда они вообще могут качнуться? Какая тенденция победит: стремление к военизации или дальнейшее развитие свободных общественных (в широком смысле слова) отношений? Давление доктрины или противодействие здравого смысла? Идея отрицания или идея жизни? Общество или посторонний?*

КАКИХ ПЕРЕМЕН НАМ ОЖИДАТЬ?

Вся история коммунистического государства есть история борьбы идеологической доктрины против здравого смысла народа, против его исторического опыта. И пока общество живо, прямое подавление здравого смысла и будет основной заботой правящего аппарата, а все остальные заботы — побочные (в том числе и уровень жизни, и состояние морали, и развитие культуры).**

Запреты и ограничения сдерживают сильнейшее контрдавление здравого смысла — настолько сильное, что если хотя бы щель появилась в этой стене,

* Сегодня, кажется, большинство специалистов склонно рассматривать историю именно как процесс. Причем процесс, так или иначе обусловленный волей. Чья воля и как проявляется в историческом процессе, это, по сути, и составляет предмет всех теоретических споров (воля личности, воля народа, воля партии как народного авангарда и т.п.). А коли так, то многое прояснится, если для удобства анализа мы воспользуемся понятиями субъект и объект исторического процесса, хотя бы для того, чтобы в нашем сознании разделить волевой источник действия и предмет, формируемый действием.

** В предыдущей главе я утверждал, что люди партаппарата — лишь часть общества, поработанного чуждой ИДЕЕЙ. Это справедливо, пока мы говорим о борьбе идей, о борьбе "теории научного коммунизма" со здравым смыслом общества. Но здесь, когда речь заходит о конкретной политике и когда нас интересует политическая структура общества, мы вправе и даже обязаны противопоставить партаппарат всему обществу в целом. Партаппарат — политическое орудие ИДЕИ. В политической жизни партаппарат выполняет роль персонификации ИДЕИ и в этом качестве противостоит обществу, здравому смыслу (а в конце концов и собственной человеческой сущности).

то уж не соединишь — пойдет стена ломаться и крошиться до тех пор, пока и вовсе не размоет ее народная сила.

Вот главная забота партаппарата: сохранить целостность стены, а для этого раздробить, а т о м и з и р о в а т ь общественное мнение, не допустить, чтобы раздробленное стихийное сопротивление общества собралось бы в одном месте, ударило бы в одном направлении. Боятся — и не без оснований! — что стена не выдержит.

Западные наблюдатели любили называть Брежнева консервативным политиком. Он, может быть, и не хотел бы им быть, да куда деваться, если любое послабление запретов в любой сфере жизни (мы уже вспоминали клуб любителей песен под гитару) грозит возникновением оппозиции. А сами положительные принципы власти так слабы, так неубедительны, что любая, даже самая слабая оппозиция может иметь для власти роковые последствия. Что тут делать?

Главные политические усилия коммунистического аппарата направлены на то, чтобы лишить общественные силы какого бы то ни было е д и н с т в а, не допустить не только организации, но хотя бы даже о с о з н а н и я возможности единого фронта сопротивления... Современная политика партаппарата — политика охранительная.

В этом смысле и политику Андропова нетрудно предсказать: и его главные политические усилия будут направлены на то, чтобы и впредь лишить общественные силы какой бы то ни было возможности е д и н с т в а, и впредь не допускать создания какого бы то ни было е д и н о г о ф р о н т а сопротивления в какой бы то ни было сфере общественной жизни, и прежде всего в экономике, где контрдавление общества особенно сильно.

Такая жесткая заданность политики, понятно, сильно ограничивает возможность властей.

Ну вот, кажется, почему бы не ослабить экономические запреты? Ведь если приусадебные (рыночные) хозяйства, где к 1982 году обрабатывалось не более пяти сотых всех посевных площадей, кормят едва ли не половину всего населения страны, то дай им хотя бы 30 процентов земли — и все будут сыты...

Да, но зачем тогда будут нужны колхозы и совхозы, обрабатывающие остальные 70 процентов? А вместе с ними зачем нужен и партаппарат, ими руководящий?

Нет, нельзя! Разрешить всего только легальные рыночные отношения, и образуется ф р о н т экономической оппозиции

— широкая брешь в плотине, а напор общества такой, что и саму плотину размоет и унесет.

Начиная свою деятельность в качестве руководителя страны, Андропов в первой же своей речи заявил: "В общем, товарищи, в народном хозяйстве много назревших задач. У меня, разумеется, нет готовых рецептов их решения..."

Столь скромное и сдержанное вступление восхитило многих наблюдателей и заставило говорить о прагматической трезвости нового руководителя. Размечтались! Нет, дорогие друзья, у Андропова есть готовые и вполне определенные рецепты решения всех возникающих проблем. И рецепты эти четко и недвусмысленно изложены в той же речи. Посмотрим внимательно.

Вот готовый и хорошо проверенный рецепт п р о т и в хозяйственной самостоятельности. Цитирую:

"В последнее время немало говорят о том, что надо расширить самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов. Думается, что настала пора для того, чтобы практически подойти к решению этого вопроса. На этот счет даны поручения Совмину и Госплану. Действовать тут надо осмотрительно, провести, если нужно, эксперимент, взвесить, учесть и опыт братских стран. Расширение самостоятельности должно во всех случаях сочетаться с ростом ответственности, заботой об общенародных интересах".

Вот как: осмотрительно... эксперименты... "общенародные интересы". Словно сегодня только впервые произнесено вслух: с а м о с т о я т е л ь н о с т ь! Словно не осматриваются и не экспериментируют уже двадцать лет — со времени XXII съезда партии, со времени разговоров об экономической реформе. Осматриваются и экспериментируют — и ни с места. Почему? Да потому, что страшно! Да потому, что всякая самостоятельность — хоть предприятия, хоть колхоза, хоть человека — есть свобода от всепроникающего давления правящей доктрины. Да потому, что в с я к а я экономическая самостоятельность есть угроза создания э к о н о м и ч е с к о й о п п о з и ц и и. Да потому, что не общенародные интересы заботят партийных руководителей, а то бы давно свободное рыночное хозяйство, здравая хозяйственная хватка народа решили бы все экономические проблемы страны. А заботят их одни только интересы сохранения безраздельной власти — и только эти интересы!

Опыт истории показывает: дай обществу хотя бы частичную самостоятельность, и здравым смыслом под

угрозу ставится всеобщая власть партруководства, а с ней и всеобщая власть теоретической ИДЕИ — в обществе немедленно оформляется фронт оппозиции, фронт здравого смысла. Этот опыт хорошо усвоен партийными идеологами и функционерами. Такой фронт экономической оппозиции был результатом НЭПа в двадцатых годах.

Именно тогда стало ясно, что "нужна не всякая производительность труда". Усилившаяся оппозиция народа потребовала от властей решительных действий: административного зажима частного сектора в промышленности и насильной коллективизации в деревне. И то и другое резко снизило уровень жизни в стране, но значительно укрепило политическую власть партийных чиновников, укрепило позиции коммунистической доктрины в ее борьбе с обществом.

Партийное руководство учится у истории: больше уже никогда власти не рисковали отменить или хотя бы ослабить систему экономических ограничений до уровня НЭПа. Идеологи запомнили: л ю б а я самостоятельность создает оппозицию.

Спустя тридцать лет хрущевская "оттепель" еще раз подтвердила этот принцип в другой, правда, сфере: политический и экономический кризис требовал от руководства хотя бы частично р а з р е ш и т ь общественное осуждение методов политического террора времен Сталина... и сразу же в обществе духовно оформился фронт оппозиции всему режиму в целом. Он не был оформлен организационно, но возник стихийно и существует по сей день как тенденция наглядно выразить общественное мнение, противопоставить его коммунистической идеологии. С этим фронтом не удалось справиться Брежневу, хотя в последние годы все организованные или хотя бы персонифицированные формы оппозиции старательно подавлялись. Этот фронт продолжает жить и по сей день, он являет собой как бы н о в ы й э т а п широкого и никогда не прекращавшегося общественного противодействия, которое и составляет содержание исторического процесса у нас в стране в последние шестьдесят пять лет.

Именно с этой тенденцией — и в первую очередь с ней! — и предстоит считаться администрации Андропова при разработке своей политики.

С этой тенденцией они и считаются, никогда ее из

внимания не упускают. Самостоятельность будут "взвешивать и осматривать", и в конце концов никакой самостоятельности не разрешат, а вот новое закручивание дисциплинарных гаек, новые дисциплинарные запреты — это сразу, это без экспериментов, это рецепт проверенный:

"Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины. Уверен, что в этом мы встретим полную поддержку партийных и профсоюзных организаций, поддержку всех советских людей. (Аплодисменты.)"

Смешно сказать: собственную самостоятельность советские люди не поддержат, — тут нужны эксперименты, — а зажим дисциплинарных гаек — это поймут и радостно поддержат. Но ведь административные меры не помогают решить э к о н о м и ч е с к и е проблемы.

А что поможет? Правильно ли, что после смерти Брежнева первое, что делают, в политбюро вводят Алиева, кагебешника с двадцатипятилетним стажем, и назначают его первым заместителем председателя совета министров. Он поможет решить проблемы? Какие и как?

А вдруг и поможет? Не будем скидывать Алиева со счетов. Администрация Андропова — Алиева стоит перед необходимостью выбора: или окончательно подавить сопротивление общества, или найти пути к сотрудничеству с обществом.

Подавить? Но как? Уничтожить физически? Иначе не подавишь. Сотрудничать? Но где? В экономике? Нет, в экономике интересы партаппарата и общества прямо противоположны и непримиримы. Обществу нужна экономика, удовлетворяющая его материальные потребности, а партаппарату нужна экономическая система, обеспечивающая его политическую власть.

Сотрудничать в политике? Уж тут-то и вовсе какое же может быть сотрудничество между насильником и его жертвой?

Но, может быть, возможно и сотрудничать, и подавлять? Может быть, возможно пойти на частный компромисс, поделить "зоны интересов"? Ведь сытая лошадь лучше несет ездока. Может быть, несколько отпустить запреты в экономической сфере — и при этом максимально "закрутить гайки" в сфере политической?

Возможно, что возвышение Алиева с его опытом работы

в КГБ и аналогичный опыт самого генсека предполагают все-таки создание в экономике определенной "зоны свободы", но при одновременном резком усилении идеологического, политического и прямого репрессивного давления на общество, на личность. Освободить рынок, допустить возникновение экономической оппозиции, но парализовать страхом ее политическое влияние. Начать кампанию широкого террора, скажем, вплоть до публичных устрашающих казней. Провести некую ф а ш и з а ц и ю социализма.*

Такая политическая модель — в том или ином воплощении — могла бы спасти экономику страны. Она тем более возможна, что и общество устало от экономического дефицита, и всякий компромисс в этом направлении был бы понят и принят... Но для реализации такой модели многого не хватает. И прежде всего нет идеи, которая хоть на время примирила бы общество с политическим тоталитаризмом, оправдала бы новый всплеск террора.

Новому повороту политики нужен лозунг. А лозунга-то и нет. Русские шовинистические идеи, прозвучи они в устах азербайджанца Алиева, будут не очень убедительны. Да и вообще многонациональная структура советского общества сильно затрудняет возгонку национальных страстей до уровня политики.

Где же искать лозунг, да еще и такой, чтобы он, понятно, не выходил из круга коммунистической идеологии? Без лозунга идеология — мертвый ритуал. Традиционные же лозунги типа "Вперед, к победе коммунизма!" сегодня

* Возможность более широких рыночных отношений в социалистическом государстве при наличии мощной политической и военной контрсилы подтверждается "венгерской моделью". Сумели же там найти, казалось бы, оптимальное соотношение между планом и рынком и живут небедно... Венгрия вообще может хоть и вовсе отказаться от плана и вести нормальное рыночное хозяйство, а если оно станет угрожать власти, на это есть сила советских танков.

Угроза советских танков парализует политическое влияние экономической оппозиции в Венгрии. Более того, до известной степени можно даже и политическую оппозицию допустить в "братских странах". Не страшно. Лишь бы вовремя остановить процесс: Польша может два года с "Солидарностью" баловаться, а станут профсоюзы угрожать власти (или покажется, что угрожают), и на это силы советских танков хватит. Да еще до танков не дошло, слава Богу!..

Но по нашим российским масштабам нынешних сил правящего аппарата недостаточно, чтобы безопасно разрешить у нас экономическую оппозицию. Если у нас в России сегодня разрешить неконтролируемый рыночный сектор, то разве его потом танками задавишь? И танки-то продадут и купят. Нет, тут нужны какие-то дополнительные ужесточения. Какие? Новый размах ГУЛага? "Культурная революция"? И тогда — еще один НЭП?

не работают, это лозунги наступательные, радикальные. Они и хороши для наступательного применения идеологии, для политики подавления здравого смысла народа, но совершенно бессмысленны в ситуации застоя: ведь они подразумевают некое движение, а мы куда движемся?

Здесь нужен охранительный лозунг. Здесь нужна новая охранительная доктрина, которая позволила бы правящему аппарату, не рискуя властью, ослабить контроль над одними сферами жизни (скажем, контроль над экономикой), ужесточая его в других сферах (в политике, идеологии, культурной жизни). И надо сказать, что такой лозунг, такая доктрина давно уже исподволь подготавливаются... Но на чем они основаны? Что, в принципе, может хотя бы на время примирить насильника и жертву? Только одно: общая для обоих опасность извне, со стороны — лозунг "Родина в опасности!".

Здесь наши внутренние проблемы неизбежно смыкаются внешней политикой. И это естественно: именно за счет внешней политики правящий аппарат получает возможность развязать руки в делах внутриполитических.

Присмотримся к внешнеполитическим принципам социалистического государства — не к тем пропагандистским заявлениям о миролюбии, которыми заполнены страницы советских газет, а к реальной подоплеке международных событий последних десятилетий.

Во внешней политике партаппарат руководствуется все тем же фундаментальным принципом, все той же ИДЕЕЙ отрицания, согласно которой в любой стране меньшинство населения, "авангард", вооруженный "передовой теорией" (и чехословацкими автоматами), имеет чрезвычайное право диктовать свою политическую волю всему обществу в целом.

Интернациональный долг повелевает советским руководителям повсеместно поддерживать стремление коммунистов к захвату власти. Отсюда следуют и внешнеполитические цели нашего государства.

Во-первых, утверждать коммунистические режимы в других странах путем поддержки национальных групп, стремящихся к захвату власти (в последние годы — в Анголе, Эфиопии, Никарагуа, Афганистане).

Во-вторых, защищать эти режимы от их собственных народов (в Анголе и Эфиопии эту миссию выполняли кубинские войска, а в Афганистане и еще раньше в Венгрии и Чехословакии — советские части; теперь в Польше — угроза вмешательства советских войск).

В-третьих, поставить барьер перед мировой обществен-

ностью, когда она захочет поддержать народы этих стран в их борьбе за свободу. Для этого и существует весь колоссальный военный потенциал Советского Союза, направленный против США и стран Западной Европы.

Подавить общественное мнение, подавить живой опыт истории — единая задача коммунистического аппарата и во внутренней, и во внешней политике. И при этом разобщить силы здравого смысла, поставить перед ними барьеры, запреты, целые армии.

Такова простая схема... Между тем советскому общественному мнению, которое есть самая близкая и потому самая опасная сила мирового здравого смысла, предъявляется лишь последнее звено цепочки, лишь финальная конфронтация: США против СССР. Враг угрожает Родине. Причем природа этой конфронтации советскому человеку совершенно не ясна. Почему они нам угрожают? И поскольку никто из нас не может предположить, что мы стремимся захватить Америку, остается полагать, что это Америка стремится на нас напасть — вон какую военную силу выставили! — и спасибо нашему правительству, что ответная сила не слабее, а даже и посильнее... О том же, что мы защищаем не Родину, а коммунистические режимы каких-нибудь там Душ Сантуша или Менгисто Хайле Мариама от их народов, об этом советский человек и не догадывается. У нас один враг — США. И мы ему не уступим!

Опасность войны становится основой политической доктрины. Сильнее и не придумать аргумента в пользу правящей силы, в пользу чрезвычайного правопорядка, в пользу сохранения внутривнутриполитического статуса-кво — или даже в пользу ужесточения внутренней политики.

Родина в опасности! Время ли тут говорить о либеральных реформах? Мысль о социально-экономическом движении, развитии, изменении отодвигается на второй план. Еще до войны страна начинает жить по законам военного времени. Еще без войны все измеряется войной, все о п р а в д ы в а е т с я войной.

Современного советского человека одуряют, охмуряют военной опасностью; проблемы внешней политики — в их интерпретации всякими зоринскими, жуковскими, зубковскими, несть им числа и сметы — навязываются ему повсеместно и ежечасно, оттесняя на второй план факт отсутствия мяса и молока в магазинах. Вместо альтернативы жить х о р о

ш о или жить п л о х о нам подсовывают иной выбор:
ж и т ь и л и не ж и т ь.*

Тут идеология узурпировала понятие Р о д и н а, как ранее она узурпировала понятие г о с у д а р с т в о. Охранительная доктрина и лозунг "Отечество в опасности!" начинают полностью определять внутривполитическую ситуацию, а истинные интересы общества отодвигаются на задний план.

Так создается ложная ситуация "сотрудничества" общества с партаппаратом. Так создается возможность проводить л ю б у ю политику внутри страны. Так партаппарат, стесненный в обычных, мирных, условиях давлением общественного противодействия, теперь может или на-править это противодействие в нужное русло, и там его контролировать (в экономике), или подавить его физически (в политике, идеологии, культуре, религии, а может быть, и в той же экономике, если так будет удобнее).

Возможность политики еще не есть сама политика. Развязав себе руки для дальнейших действий, партаппарат не обязательно приступит к этим решительным действиям. По крайней мере, не обязательно приступит к ним немедленно. Сегодня еще и сама ситуация "сотрудничества" остается в области возможного — и на нее-то еще нужно решиться, и ее-то долгосрочные последствия нелегко пред-сказать и тем более трудно контролировать...

А какие могут быть последствия? Подумаем. Очевидно, что "ситуация сотрудничества" построена на обмане. Но общественное мнение нельзя обмануть надолго. И уж, конечно же, нельзя обмануть навсегда. Даже в нашей з а к р ы т о й государственной системе, где на слово истины наложен запрет, истина неизбежно находит время и место проявить себя. И прежде всего она проявляется в нашей обыденной жизни.

Иное дело — обман в сфере внешнеполитической.

* Теми же методами окмуруется и мировое общественное мнение. Развертывая демагогическую кампанию "борьбы за мир", советские политики никогда и нигде не отказались от своего "права" вооруженной поддержки коммунистов любой страны, если те захватят власть. Да не то что право — прямо-таки д о л г, "интернациональный долг!" Это значит, что любые 20-30 человек в любой стране имеют ч р е з ы ч а й н о е п р а в о захватить власть и вызвать на помощь советские или кубинские войска, — а там говорите о разрядке и о правах человека сколько угодно. Используя в своих политических целях демократическую процедуру ("движение за мир") в западных странах, советские политики никогда и нигде не отказывались и не откажутся от своего "права" заткнуть глотку любой демократии в любом уголке земного шара. И чем громче при этом будет болтовня о разрядке, тем лучше.

Международные отношения — вне естественного опыта простого человека. Тут его мнения целиком и полностью формируются под воздействием средств массовой информации. А в наших-то условиях — под воздействием коммунистической пропаганды. Тут возможен глубокий угар, который в обыденной жизни никак не проветришь, не выветришь... Страшно, если протрезвление наступит только после войны. А опыт человечества подсказывает, что именно так и происходит (Наполеон, первая мировая война, Гитлер), когда общественное мнение формируется пропагандистской моноидеей.

Все это, конечно, понимают советские политики. Хотят ли они войны? Вряд ли. Надо полагать, что они с большим удовольствием прибрали бы мир к рукам мирным путем или с помощью локальных войн, как это им и удавалось до сих пор (Вьетнам, Куба, Ангола и Эфиопия, Никарагуа и Афганистан), — это более надежно, чем рисковать и собственной жизнью, и собственной властью в случае глобальной войны.

И во внутренней политике они с большей охотой будут оперировать гипотетической опасностью войны, чем реальной опасностью военного поражения. Опасность — уже инструмент воздействия на общественное мнение, инструмент запугивания общества. Опасность войны для нас — что-то вроде опасности наших танков для венгров и поляков — решающий аргумент в пользу сохранения существующих порядков.

У правящего аппарата в ближайшее время не будет необходимости прибегать к абсолютным крайностям в политике. Оппозиция общественного здравого смысла пока успешно локализована властями, и одна лишь очевидная возможность крайних мер успешно сдерживает ее дальнейшее развитие. Полоса стагнации пока всех устраивает, и потому в ближайшее время нас, может быть, ждет не столько "кровавый компромисс" (НЭП плюс публичные казни "изменников"), сколько ужесточение того "серого террора", который начался еще при Брежневе — все новые и новые попытки правящего аппарата протолкнуть свою политическую волю в обход здравого смысла, избежать прямой и суровой конфронтации, которая со всей определенностью еще раз откроет, кто есть кто в коммунистической системе и кто чего добивается — еще раз откроет людоедскую сущность системы.

Военная же доктрина, ложная "ситуация сотрудничества" как политический прием — будут пока набирать силу

и проходить серию частых апробаций, оставаясь, конечно, уже сегодня реальным инструментом нагнетания опасности...

Но опасность, которая долго не реализуется, перестает пугать. Опасность надо все время освежать, нагнетать. А нагнетание военной опасности возможно лишь до определенных пределов, далее которых — война.

Нагнетание военной опасности необходимо коммунистическому аппарату еще по одной важной причине, значение которой выходит за рамки внутривнутриполитические. Дело в том, что две главные силы, противостоящие коммунистической идеологии, — мировое общественное мнение и здравый смысл советского общества — едины по своей природе, едины как воплощение исторического опыта человечества. И осознание человечеством этого единства — самая страшная опасность для коммунистической диктатуры.

А потому одна из главных ее внешнеполитических задач — эти две силы разобщить, столкнуть. Если этого не произойдет, если силы эти объединятся, то защитникам коммунистической доктрины придется туго...

Словом, как ни мять, ни валять, а в печь сажать. Сколько правящему аппарату ни лавировать, а выбор перед ним все тот же: или нагнетание военной опасности — и война, или настанет момент, когда здравый смысл общества заявит свои права на исторический процесс вопреки "чрезвычайному праву" коммунистического аппарата.

НАДЕЯТЬСЯ ЛИ НАМ НА НОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ?

Название этого исследования обещает надежду, а пока ее нет, и не видно, где ее искать.

Правящий аппарат бессилен положительно решить проблемы, стоящие перед государством... поскольку сами проблемы-то создаются властью партаппарата и коммунистической идеологии. Здесь порочный круг, и чтобы выйти из него, за дело должно взяться само общество. Но как? Правящий аппарат — организованная сила. В его распоряжении весь государственный механизм... Какую же организацию должно противопоставить общество?

Одно дело — стихийное выражение общественного протеста в экономике, в культурной и духовной жизни; другое дело — изменение политической ориентации госу-

дарства. Может ли такое произойти стихийно? Одно дело — практический опыт прошлого, который живет и имеет силу, даже если он и не осмыслен теоретиками; другое дело — теоретическая программа на будущее, тщательно продуманная модель будущего — ведь такая нам нужна? Одно дело — здравый смысл, другое — научная теория...

Есть у нас теория?

Есть у нас программа?

Есть у нас оппозиционная политическая партия?

Нет, нет и нет...

Более того, и не нужно ни первого, ни второго, ни третьего.

Тут нам надо отрешиться от одного традиционного интеллигентского соблазна — от радикализма. Чуть проявилось недовольство в обществе, чуть пошло общественное брожение — и ну давай сразу создавать партию радикальных перемен, которая возглавит недовольные массы, которая переустроит жизнь, поведет народ... куда? К лучшему будущему? Так мы уже и так туда идем... К демократии? Но каким образом?

В наших условиях всякая радикальная политическая мечта предполагает одну из двух фантастических возможностей.

Возможность первая. Правящий аппарат и КГБ создают в стране условия для демократического переустройства, и тогда... Право, не хочется даже развлекаться, строя предположения, что могло бы быть тогда. Такие предположения антиисторичны. У правящего аппарата много раз бывали подходящие моменты, чтобы направить общество в сторону демократии: НЭП, хрущевская "оттепель", "Пражская весна", теперь польская "Солидарность" — и всякий раз дело оканчивалось не демократизацией, а усилением террора. Какие еще нужны доказательства невозможности подобного поворота событий?

Вторая возможность. Каким-то образом правящий аппарат силой отстраняется от власти (каким!? военное поражение? чумной мор? космическая катастрофа?). Но тут возникает целый ряд вопросов для тех, кто попытается взять власть в свои руки.

1. Что делать с теми, кто будет сопротивляться новым порядкам, кто попытается восстановить хорошо знакомый и удобный коммунистический режим? (А таких будет много — и сегодня, и через пять-десять лет. И не только, и даже не столько из числа партаппарата, сколько из числа людей, вообще склонных к политическому консерватизму, которых вполне бы устроила формула "сегодняшний коммунизм

плюс колбаса = спокойная жизнь".) Что же с такими делать? Ставить к стенке? А не поставите — они вас поставят.

2. Кто будет ставить к стенке? Иными словами, кто возглавит процесс утверждения новых порядков? Для того, чтобы хоть какой-то порядок утвердить в такой огромной и неорганизованной стране, как Россия, на первых порах нужен... чего уж там — нужна д и к т а т у р а. Кто даст гарантию, что диктаторы сами захотят уступить полученную власть и что не пойдет история новыми кровавыми кругами?

3. Кто может дать гарантию, что внутренние радикальные перемены не приведут к международному конфликту, что гражданская война — а она будет! — не перерастет в мировую? Силой советского режима держатся в мире многие идеологические и политические группы. Судьба России — судьба мира. Все ли в мире захотят, чтобы судьба их решилась именно так? И прежде всего, китайские партаппаратчики — захотят ли?

4. И последнее. Кто может сказать, во сколько миллионов жизней обойдутся радикальные перемены? Сколько не жалко — одну, десять, двадцать? Скажите, прикинем, стоит ли браться или нет. Только и своих детей присчитайте...

Таковы только некоторые вопросы, которые возникают при мысли о радикальных переменах в стране.

Слабость радикального политического мышления заключается уже в самих его методологических началах, в его несоотнесении с общественным мнением. Лучшее всего это видно на примере с а м о й радикальной из всех политических теорий — на коммунистической доктрине. И мы увидим, что этим она не отличается от любой другой радикальной теории.

Как марксизм относится к общественному мнению? Марксисты покажут нам десяток цитат "из основоположников", где те соглашаются, что эмпирический опыт, здравый смысл, общественное мнение — та благодатная почва, на которой расцвела их теория.

Но расцвела — и оторвалась... Все знают, здравый смысл и теория — два различных уровня человеческого мышления. Но, по Марксу, здравый смысл и теория — и два различных уровня постижения истины. По Марксу (а он внимательно читал Гегеля), истина недоступна здравому смыслу — ему доступен лишь мир явлений, лишь мир видимости. И только научная теория проникает в мир сущностей, закономерностей и оттуда извлекает истину.

Но построить научную теорию, проникнуть в "мир сущностей" — значит, абстрагироваться от реальной жизни, от мира явлений, что на нашем обыденном языке попросту означает п р е н е б р е ч ь теми или иными явлениями и жизнями, наплевать на них.

Марксизм смело п р е н е б р е г а е т. Теоретики школы исторического материализма утверждают, что они построили в с е о б щ у ю т е о р и ю, с помощью которой проникли в мир сущностей человеческой истории... Но присмотримся и увидим, что они всего лишь п р е н е б р е г а ю т реальной историей человечества, сужая ее, затемняя ее историей борьбы материальных интересов (классовая борьба).

Теория "научного коммунизма" утверждает, что проникла в сущность общественной жизни... Но присмотримся и увидим, что она всего лишь п р е н е б р е г а е т естественным историческим опытом общества, его здравым смыслом, лишь противопоставляет ему чуждую идеологическую доктрину, чуждые нормы жизни (государство развитого социализма).

Политическая практика партаппарата — тоже в том "мире сущностей", где власти п р е н е б р е г а ю т потребностями и интересами общества, противопоставляя им свое чрезвычайное право распоряжаться чужой судьбой.

Тут выстраивается занимательный (и знаменательный) ряд понятий по-марксистски:

"Мир видимостей":

явления

здравый смысл

общественное мнение

демократия

общество

история до 1917 г.

"Мир истины":

сущности

общественная теория

идеология

чрезвычайное право

партаппарат

история после 1917 г.

Все так! С этого мы и начали: мы — видимость, нас — нет; а о н и — вот они, о н и — сущность жизни, ее хозяева. Как видим, подавление общественного мнения, подавление здравого смысла имеет глубокое философское обоснование. Нас нет не только потому, что партийные чиновники высокомерно не желают нас замечать, нас нет потому, что марксистская философия в принципе отказывается видеть в наших жизнях, в нашем опыте с у щ н о с т ь истории. В лучшем случае мы — объект преобразовательской деятельности, объект исторического процесса; а субъект, понятно, — коммунистическая ИДЕЯ, теория, а в конкретной политике — партаппарат.

Из нас, неразумных, лепят наше же счастливое будущее,

а мы еще брыкаемся и сомневаемся — наше ли? Так ли уж счастливое?..

Но ведь не только теория коммунизма — всякая радикальная общественно-политическая доктрина исходит из того, что партия имеет право (чрезвычайное?) переустроить жизнь общества в соответствии со своей программой, в соответствии со своей моделью будущего.

В с я к а я радикальная партия исходит из того, что общественно-государственное устройство есть о б ъ е к т исторического процесса.

В с я к а я радикальная партия исходит из того, что она, партия, со своей доктриной и программой, есть с у б ъ е к т истории и что только она, партия, может направить общество на путь истины, который ей доподлинно известен и обоснован той или иной, но всегда "единственно верной" теорией исторического процесса — это все равно, о чем идет речь, о "ливийской революции" или о любом более умеренном политическом движении к "истинной" демократии в будущем, топчущем насущную демократию сегодня.

Нет, никакая историческая "теория", никакая радикальная программа, в принципе, не может быть абсолютно истинной. Она всегда лишь частный опыт, искусственно вырванный из живого и многообразного исторического процесса.

Из всех радикальных общественных течений в России коммунисты были сильнее не потому, что их "научная теория" более убедительна — ничуть! — они были сильнее только потому, что решительно утверждали за собой право на социальный эксперимент. Они были сильнее только потому, что наиболее последовательно о т р и ц а л и общественное мнение, общественный опыт как силу реального исторического процесса. Наиболее последовательно пренебрегали.

Эксперимент состоялся... Если правы радикалы, то русская история закончилась в 1917 году или в 1918-м, поскольку уже в то время не осталось сколько-нибудь значительной политической силы, способной противостоять большевикам.

Если правы радикалы, то русская история может возродиться только с возрождением политической силы оппозиции. Не слишком важно, где ее искать. То ли в оппозиционной интеллигенции, то ли в истеблишменте, то ли среди генералитета.

Если правы радикалы, то с у б ъ е к т о м истории была, есть и будет политическая установка (партия, теория, программа, чрезвычайное право).

И наконец, если правы радикалы и субъектом истории может быть политическая теория, то есть чей-то ч а с т н ы й опыт, ч а с т н о е мнение, ч а с т н а я воля — если допустим, что так, — то история человечества

заканчивается: антагонизм частных волей — всегда война, а в наше время война — гибель цивилизации.

Но нет, радикалы не правы. И доказано это... историческим экспериментом самих большевиков. Их политическая практика убедительно показала: попытка переустроить жизнь общества по некоей искусственной, заранее заданной модели — не удастся; попытка направить жизнь общества в сторону, противоположную естественному историческому опыту — не удастся; попытка подавить общественное мнение — не удастся. А почему?

А потому, что истинный субъект истории — не партийная программа. Истинный субъект исторического процесса — здравый смысл общества, его исторический опыт, закрепленный в общественном мнении.

Частный опыт натолкнулся на опыт всеобщий.

Бешеная тирания чрезвычайного права натолкнулась на смиренную мудрость народного опыта.*

Но что ж это, отказываясь от радикальной партийности, мы сами отнимаем у себя надежду на радикальное переустройство советской жизни, на освобождение из коммунистического плена? Не будем огорчаться. Надежда была ложной.

Как бы мы ни симпатизировали деятелям, смело требующим общих и частных перемен в политике, как бы

*Вряд ли верно понятием "тирания" объединять исторический процесс в России до и после 1917 года, как это делают некоторые историки. Ни революционная тирания Ивана Грозного и Петра, ни тем более жестокая охранительная политика Николая Первого не затрагивали и не старались изменить нравственные и духовные основы русского общества, их христианскую сущность. Тирания всегда была направлена против политических противников и соответствующих институций, а не против общества в целом; духовная преемственность, нравственная и культурная традиция претерпевали лишь внешние изменения (при Никоне и Петре)... Но разве иные формы принимала политическая борьба в Европе в шестнадцатом — восемнадцатом веках?

Те, кто по формальным политическим признакам ищут в русской истории аналогий нынешним событиям (скажем, по отношению власти к политической оппозиции или по частоте смертных приговоров), безусловно пренебрегают (абстрагируются?) общественным сознанием как значимой реальностью истории. Или же по традиции радикального мышления, не замечая фундаментальных процессов общественного сознания, путают его с партийными установками. И тогда русская история видится им как цепь ошибок, допущенных в разные эпохи либеральной оппозицией, или как череда ловких тиранов, этими ошибками воспользовавшихся... Но тогда сегодняшняя стойкость русского общества и неудачи сегодняшних тиранов никакого объяснения в истории не находят.

Вместе с тем было бы чрезвычайно плодотворно процесс русской политической истории просмотреть в соотношении с фундаментальным процессом развития общественного сознания, общественной морали, общественных представлений и мнений. Вот тут-то мы и увидели бы, что именно преемственность общественного сознания в различных его формах и проявлениях и определяет единство истории. И что Сталин и Иван Грозный — не звенья в цепи тиранов, сковавшей Россию, но исторические явления принципиально разной значимости.

мы ни ощущали нравственную силу и необходимость такого рода протеста, — а именно в нем сегодня общественное мнение наиболее остро о б ъ е к т и в и р о в а н о, — как бы мы ни понимали значимость поведения людей, демонстративно отвергающих ложь, и как бы мы сами ни стремились вести себя именно так, мы все-таки должны признать, что никакие общие политические перемены сегодня невозможны и что уж тем более не спасут нас частные изменения в политике, оставляющие неизменной систему в целом.

Что же нам нужно? Не ухо же первосвященникова раба. А свободу нельзя добыть насилием.

Русская революция 1917 года доказала хотя бы одну благую истину: партийная борьба радикалов опасна и бесплодна, и время ее в истории человечества завершается.

Или ею завершится сама история...

На что же нам надеяться?

На здравый смысл общества, на общественное мнение. А это сила немалая, ею движется глубинный исторический процесс... И еще на мудрое смирение, которое и составляет духовную основу здравого смысла. На смирение, которое и позволило нашему обществу выстоять против чудовищного, невиданного в истории давления, ибо смирение — не форма рабского подчинения, но форма духовной свободы в условиях административного рабства.

Иными словами, наша надежда — не на победоносную революцию, а на фундаментальную и плодотворную работу общественного мнения.*

* Употребляя термин "общественное мнение", я имею в виду отношение общественного сознания к явлениям жизни. Общественное мнение всегда есть проявление неудовлетворенной общественной потребности, и поэтому оно не может возникнуть там, где потребностей нет. Его не может быть ни в раю, ни в аду. Скажем, в обществе, где в принципе невозможно убийство, заповедь "не убий" теряет свой смысл, равно как и мнение, осуждающее убийцу.

Поскольку весь комплекс потребностей общества сформирован историей, постольку о б щ е с т в е н н о е м н е н и е — не моментальное состояние сознания, а исторический континуум, хотя мы и рассматриваем его в какой-то определенный момент времени и в отношении к определенным явлениям. Иначе говоря, мы имеем дело лишь с частным проявлением общественного мнения, тогда как все в целом оно остается нам недоступно.

О б щ е с т в е н н о е м н е н и е — сложная совокупность отношений к сложной совокупности явлений. Оно стихийно выражается в прямых действиях и во всей организации жизненного уклада.

Выраженным общественным мнением является фактическое состояние морали, политики, культуры, экономики и т.д. У общества нет более убедительного способа выражения своего мнения, как только общественное д е й с т в и е, творящее общественную реальность, и прежде всего — ч е л о в е к а. Поэтому об общественном мнении нужно судить не столько по высказываниям идеологов или тем более по инспирированным "опросам", но более — по реальному воздействию общества на основные социальные институты, а через них — на личность к а ж д о г о в обществе. В этом смысле о б щ е с т в е н н о е м н е н и е е с т ь с у б ъ е к т истории.

Компетентность и истинность общественного мнения не имеет внешнего критерия в видимом мире. Его ничто не может пересоздать, оно же создает всю общественную реальность.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ВЫЖИТЬ

Мы говорим, что общественное мнение сопротивляется коммунистической доктрине. Это так. Но почему же это сопротивление никак не отражается на структуре советского общества? Ведь партийные идеологи, пожалуй, правы, когда говорят о его монолитном единстве.*

Если не считать несколько сотен (или тысяч?) открытых оппозиционеров-диссидентов, деятельность которых имеет скорее нравственное, чем политическое значение, то факт сопротивления никак не отражается в структуре советского общества. Это и делает сопротивление вообще незаметным для людей, привыкших общественные явления разводить, как боксеров на ринге, — по разным углам истории. А тут из сознания советского человека, жизнью причастного к советской системе, куда выведешь его же сопротивление той же самой системе? Тут все в одном сознании, в одном сердце, в структуре одной личности — и причастность, и отрицание; тут же и борьба этих качеств.

Эту постоянную раздвоенность нашего сознания, эти мучительные вопросы и имел в виду Солженицын, когда подсказал свой ответ: "Жить не по лжи!" Слово было услышано многими... Но обращено-то оно было к тем, кто знает, где ложь, а где правда.

Большинство же, здравым смыслом постигая истину в своей обыденной жизни, не умеет сопоставить ее с жизнью общества в целом. Слишком затуманен горизонт советского человека постоянным пропагандистским угаром, слишком резко обрублены его связи с общественной мыслью, — а вместо того видит он перед собой лишь лживые рожи телеобозревателей, словно вертухаев по краям зоны.

Бывшие лагерники вспоминают, что где-то в сталинских или в гитлеровских лагерях христиане причащались, лишь касаясь друг друга. Физический плен не мог лишить их духовной свободы. Они искали и находили пути приобщения Истине...

Где нам искать?

Мы — плененное общество. Не только физически мы

* Вот суждение, случайно (как, впрочем, и все с Запада) попавшееся мне на глаза: "По мнению итальянских коммунистов, Советский Союз остается авторитарной империей, основанной, однако, на широком согласии... Это общество, которое меньше контролируется секретной полицией, чем в сталинские времена" (Итальянский еженедельник "Панорама" от 1 ноября 1982 года).

принадлежим чуждой нам политической системе, но и разум наш в плену у партийных пропагандистов, наше слово в плену у них. Мы молчим, даже когда знаем, что сказать. Мы молчим, потому что шаг влево, шаг вправо — и патруль открывает огонь. Как нам жить не по лжи? Чему причащаться?

Нет, мы не выступаем на партсобраниях "против", а иногда даже выступаем "за"; нет, мы не выходим на улицу с антисоветскими плакатами, а дважды в год выходим с бодрыми советскими лозунгами; мы не требуем категорически, чтобы уже завтра в магазинах была колбаса, а молока бы давали сколько выпьешь, а не по справкам от детского врача, как сейчас...

Нет, мы не приспособливаем эту реальность к своим потребностям, мы медленно, но верно переиначиваем ее по-своему. И она поддается! Мы заставляем считаться с тем, что мы — живы...

Мы больны. Сознание каждого из нас раздвоено, но, может быть, именно эта раздвоенность и позволяет нам всем быть одним, единым обществом. Это ведь такая простая мысль, — что мы все — одно, одно общество, одно целое. Мысль такая странная и такая страшная.

Орлов и его тюремщики — одно целое? Президиум партсъезда и мы, сидящие у телеэкрана, — одно целое? Люди, страдающие, вынужденные лгать, и наглые насадители лжи — одно целое? Плачущие и самодовольные — одно? Не та ли это мысль, которую находим мы в газетах, где пишется о единстве партии и народа? Та же самая, да по-другому понятая. Там говорится — самодовольно и победно, — что все мы — все! — служим одной единой ИДЕЕ, что все мы во власти у нее. Так ли это? Так. Мы вынуждены служить. Но мы утверждаем, что темная сила, захватив нас физически, никого из нас не раздавила духовно, не размазала — н и к о г о! Мы в плену, но мы живы.

Надо бы постоянно и внимательно изучать этот исторический феномен — д в о й с т в е н н о с т ь сознания советского человека. Противостояние ИДЕИ и здравого смысла — оно везде, сверху донизу, и здравый смысл начинает выдавливать, оттеснять постороннюю идею, начинается медленное, медленное выздоровление. Понятно, что оно происходит не по стартовому пистолету — начали выздоравливать! — но происходит же. И сегодня уже

никому не придет в голову взорвать, скажем, Исаакиевский собор, как некогда легко и не раздумывая взорвали храм Христа Спасителя.*

Мы говорили много об истории. Но разве то, что теперь происходит у нас в стране, не исторический процесс? Общественное мнение теснит бесчеловечные порядки, медленно, но неуклонно сужает сферу власти идеологии над нашим сознанием, приспосабливает к своим потребностям экономику... Так больной, но крепкий организм локализует очаг болезни, еще недавно столь яростно развивавшийся и грозивший смертельным исходом..

Процесс идет слишком медленно. И возможны тяжелые рецидивы. Но ведь другого-то у нас нет, вот что! И наши надежды нам больше не с чем связать — даже если эти надежды кому-то кажутся зыбки и нереальны.

Нам остается одно: изжить ИДЕЮ, как организм изживает болезнь. Всем изжить. Всему обществу в целом. И нам, давимым, и тем, кто давит: и вертухаям, и зэкам и партаппаратчикам, и всем, всем под ними — всем. Преодолеть двойственность нашего сознания в пользу здравого смысла. На это вся надежда. А на что же еще надеяться? Альтернатива этому процессу сегодня видится только единственная — война.

Людам ли дано спасти мир? Как это произойдет и произойдет ли, никто не может знать. Но если до сих пор мы видели проявление Воли, творящей историю, в здравом смысле народа, то с чем еще связывать наши надежды?

Нам неизвестен Замысел истории. Человек поймет его лишь тогда, когда история завершится и преодолена будет слабость и раздробленность единичного человеческого разума ... Но процесс истории у нас перед глазами. И если мы видим, что общественный разум — субъект исторического процесса, то что есть его объект?

Общественный разум формирует сознание каждого из нас в отдельности. Человек, личность есть объект исторического процесса. Нам это важно знать, если мы не хотим подобно политикам-радикалам ошибиться в направлении своих усилий.

Сама отдаленность, автономность человеческой личности, сама способность человека индивидуально противостоять Злу — великая сила! Радикальная идеология сильна

* Но если бы кому-то из правителей пришло бы такое в голову, можно не сомневаться, взорвали бы, и не раздумывая, и общественного мнения не запрашивая. Социализм остается социализмом. В о з м о ж н о с т ь насилия ничуть не становится меньше.

лозунгом. Она призвана воздействовать прежде всего на рудиментарные области сознания, которые привязывают человека к толпе, она обращена к инстинкту. Там же, где человек один на один со своим разумом, со своей совестью, радикальная идеология бессильна.

Опыт прошлых поколений, их отношение к жизни, их мнение о жизни формируют личность современного человека и позволяют ему выстоять против давления доктрины. Нам остается одна надежда — надежда на то, что исторический процесс освоения (или, вернее, отторжения) общественным разумом чужеродного тела социализма пойдет скорее, чем процесс политической и нравственной деградации правящего аппарата, что могло бы привести всю систему на грань катастрофы. В некотором смысле наша надежда — на стабильность социалистического государства.

Мы не можем себе позволить какого бы то ни было радикального вмешательства в исторический процесс, но нет ли у нас возможности для консервативной поддержки этого процесса? Мы не можем помочь советскому человеку уже сегодня жить не по лжи, но нельзя ли помочь ему не мыслить категориями лжи? Не на то ли нам надеяться? Нельзя ли помочь ему сделать свой, пусть умозрительный, выбор между ложью и правдой, между тьмой и светом? У нас нет сегодня пути к физическому освобождению из плена, но, может быть, нам следует сосредоточить свои усилия на поисках пути к свободе духовной и нравственной, и прежде всего освободить из-под страха глаза, душу и разум, дать работу совести?

Казалось бы, простейшее человеческое право — право на свободу совести, право на выбор мировоззрения. Не работа ли совести сопутствует обычной работе общественного мнения в любом демократическом обществе? Да. И это значит, что наши надежды связаны с тем, чтобы в тоталитарном государстве утвердить независимую зону демократического обычая — в нравственном сознании людей. Так, чтобы каждый мог постоянно причащаться правде. Так, чтобы это было в силах каждого.

Пожалуй, сам факт, что общественно-политическая ситуация оставляет нам одну-единственную возможность обратиться к людям — возможность обратиться к их совести, — факт совершенно необыкновенный в новой истории.

Впервые политические методы, доведенные правящим аппаратом до абсурда и бессилия, отступают на задний план. Мы попросту лишены политического выбора... Но в то же время, как живые люди, мы не можем отказаться от выбора вообще. Мы выбираем. И не столько политическую позицию, сколько нравственную точку зрения. И вот что еще важно: не здесь ли, не в недрах ли нашего чудовищно отрицательного опыта вообще возникает некое новое, по-своему даже идеальное гражданское устройство?

Сам процесс отторжения коммунистической ИДЕИ не создаст ли в будущем, не начал ли создавать уже в настоящем ту новую социальную общность, те новые гражданские институты, которые преодолеют и тупую бесчеловечность тоталитаризма, и нравственную податливость демократии, всегда готовой уступить тому, кто ловчее сумеет обмануть простое большинство избирателей?

Отрицательный опыт — тоже опыт, и, пожалуй, даже наиболее ценный, наиболее выстраданный. Практическая ценность нашего отрицательного опыта уже и сегодня очевидна: Франция и Италия, а с ними, пожалуй, и вся Европа, пока еще не коммунистические только лишь по той единственной причине, что есть в мире отрицательный опыт системы реального социализма. А без этого — постоянно на глазах — опыта давно бы социальная демагогия коммунистов охмурила большинство избирателей, как в свое время фашисты охмурили немцев... Так что это мы прикрываем Европу от наступления коммунистической ИДЕИ, как некогда прикрыли от татар...

Отрицательный опыт — сила. Не будем высокомерно пренебрегать им, полагая, что будущее подскажет нам нечто независимое от опыта сегодняшней общественно-политической системы. Не повторим ошибки радикалов. Общественное мнение не умирало и не умирает. Оно — влиятельная реальность сегодняшней жизни. Оно работает и развивается. Оно влияло и влияет на действующую систему политики, экономики, права, на все существующие гражданские институты. Оно-то и создаст — уже, должно быть, и сейчас создает вопреки коммунистической идее! — все, чему надлежит проявиться в будущем.

И мы — участники этой работы.

Но возможно ли сегодня сказать об этом каждому — возможно ли обратиться к каждому? Нет, невозможно... К каждому — невозможно.

Сегодня у нас есть только один способ содействовать работе здравого смысла: закрепить этот процесс в слове и в общественном сознании, о б ъ е к т и в и р о в а т ь его. Сегодня промолчать — все равно что разминуться с истиной. Истина — достояние общественное, и что сегодня тайна — завтра будет говорено с крыш. Надо говорить.

Быть может, слово правды, произнесенное и произносимое, само найдет дорогу к тем, кто ждет его, к тем, кто его ищет? Будем надеяться на это. А что слова ждут и ищут, что люди хотят осмыслить собственную жизнь в категориях здравого смысла, — в этом нет сомнения, это мы видим вокруг себя ежечасно. И если в течение шестидесяти пяти лет общественный разум находил и находит формы сопротивления грозящей нам духовной смерти, будем надеяться на него и впредь. Будем стучаться — и откроется.

Общественный разум и опыт истории, в принципе, нерасторжимы. Я не предрекаю обязательной победы морали и разума над радикальным безумием в политике. Я говорю только, что общественный разум, мнение, волю нельзя подавить. Они будут живы до последнего — до момента физической гибели человечества.

И, значит, до момента физической гибели у нас будет надежда.

Больше нам надеяться не на что.

1992

Зачем приходил Горбачев

О теневых влияниях
в большой политике

С использованием свидетельских показаний:

мэра Москвы
бывшего министра иностранных дел СССР
бывшего Президента Республики Грузия
ст. следователя по особо важным делам
генерала КГБ
вдовы академика Сахарова
московского корреспондента
"Вашингтон пост"

Сегодня дома всё спокойно. Дети пришли из школы. Из коридора слышно, как наша младшая дочь Катя и наш любимый маленький сосед Лёвочка рассказывают друг другу какие-то веселые глупости и тихо смеются. Несколько лет назад, когда меня арестовали, а дети были поменьше, они день за днем играли в тюрьму. Они сооружали строение из кубиков, досочек, "конструкторов" — и всё это называлось "тюрьмой для Катиного папы", то есть для меня, и вместе со мной, как бы сидящим в этих ярких сооружениях, сидели любимые Катины куклы, размещались Левины машинки, крокодилы, зайцы... Из столов, стульев, кресел, одеял и пледов у них получалось уютное логово — и это тоже была тюрьма, и они залезали туда и с и - д е л и в тюрьме...

Теперь наши дети играют в "Менеджер". Они покупают фабрики и железные дороги, предлагают товары на бирже, считают и меняют деньги. Сидя над большой коробкой с игрушечными акциями и банкнотами, они торгуются, спорят, кричат от нетерпения и от восторга, горько плачут от неудачи... Нам, взрослым, всю жизнь считавшим мятые рубли и днями простаивавшим в очередях за самым необходимым, странно видеть детей со стотысячными купюрами в руках, странно смотреть на игру, где ожидания, надежды и само понятие удачи связаны с миллионными барышами.

До коммерческого ли выигрыша нам было, если три поколения подряд главной мечтой и надеждой миллионов людей было дожить до конца лагерного срока, освободиться из тюрьмы, вернуться из ссылки — и забиться куда-нибудь поглуше, в какую-нибудь норку, заслониться чем-нибудь, свернуться в клубочек, чтобы вездесущий КГБ перестал бы тебя замечать, забыл бы о тебе... Неужели наши дети

будут свободны от этого чувства? Мы же от него никогда не освободимся.

Мы привыкли, что нас постоянно подслушивают, что за нами подглядывают. Где-то, кажется, в каком-то интервью с одним из новых шефов реорганизуемого КГБ, была названа цифра прослушивавшихся телефонов — 700 в Москве, и сказано, что прослушивание снято. Сколько же человек с облегчением вздохнули — 700? Но опасались-то прослушивания уж точно не 700, а тысячи. Хотя прежде официально заявлялось, что КГБ вообще никого не прослушивает, но неофициально-то насаждалась и постоянно поддерживалась убежденность, что прослушивают поголовно всех. И теперь, когда названа эта цифра и заявлено, что мол все как бы заочно и негласно реабилитированы (точно так же, как когда-то заочно и негласно были в чем-то подозреваемы), — мы поверили, вздохнули с облегчением? Честно говоря, это даже как-то и не очень заботило нас — мы давно привыкли. Это даже не оскорбляло. Скажем, уже совсем недавно, года три назад, то есть в пору "перестройки", не раз бывало, что мои гости, проходя мимо гзбешной машины, неизменно стоявшей тогда у подъезда, слышали там голоса тех, кто поднялся ко мне чуть раньше, а однажды кто-то, заглянув в такую машину, увидел там на светящемся мониторе даже и лица собравшихся у меня гостей — из квартиры шла прямая, хоть и скрытая трансляция. Тогда же этот факт был обнародован западными журналистами, поскольку на том собрании присутствовали люди весьма известные.

Когда в апреле 1989 года грянула тбилисская трагедия, наш телефон стал отключаться, стоило только произнести слово "Тбилиси", и тогда пришлось условиться, что мы передаем обо всём, что там просходит, как если бы это происходило в Тамбове — и ничего, телефон спокойно, не поперхнувшись, глотал "Тамбов", в котором армия убивала мирных людей саперными лопатками и травила газами... но стоило только назвать Тбилиси, как телефон вновь отключался.

Замечательная техника! Уже и профессионалы рассказывают в печати, как они ставили в квартирах подслушивающие устройства, как блокировали хозяев квартиры где-нибудь на работе или в другом месте, чтобы им не взбренило вдруг вернуться домой не вовремя, как открывали дверь, входили в дом в мягкой обуви, как мощные ребята отодвигали тяжелую мебель, вырезали кусок обоев, монтировали микрофон, заклеивали, художественно под-

мазывали это место, ставили мебель назад и тихо удалялись. Порядок!

Теперь сказали, что, мол, всё, незаконное прослушивание прекращено!.. А как? Как, собственно? Неужели опять нас где-то блокируют, входят в мягкой обуви в наши квартиры и выковыривают из стен всё, что годами транслировало нашу жизнь "компетентным специалистам" по нашей жизни? А может быть, это их имущество всё еще здесь, в наших квартирах?

Но когда в газетах читаешь о тренировках штурмовых отрядов доморощенных фашистов, когда читаешь, что у них уже есть специальные подразделения, готовые захватить городской водопровод или систему энергоснабжения, — захватить и обеспечить работу, — то начинаешь думать, что вживленная в наши стены аппаратура недолго будет без работы, те специалисты подслушивания-подглядывания не останутся без дела. И если, скажем, о начале путча 19 августа 1991 года я узнал не из сообщений по телевизору, а выглянув утром в окно и увидев после двухгодичного перерыва знакомую машину и наряд КГБ под окнами, то надо полагать, что и аппаратура в стенах и потолках моей квартиры работала в тот день на полную расчетную мощность...

Это очень хорошо, что наши дети играют сегодня в банкноты и акции. Но то, что детям — веселье, взрослым — тревоги и слезы... После того, как жена с двумя нашими девочками приехала ко мне в лагерь и они увидели настоящий тюремный забор, увидели, как меня в сопровождении автоматчиков ввели в комнату для свиданий и прапорщик не позволил мне даже погладить, даже прикоснуться к ним, не позволил взять протянутую маленькой Катей конфету, дети перестали строить красивые игрушечные тюрьмы.

Чем кончатся сегодняшние игры? Мы по-прежнему не принадлежим себе и ничего не знаем о собственном будущем.

В декабре 1991 года в последний день перед отставкой президента Горбачева в Москве состоялась его долгая, девятичасовая беседа с Борисом Ельциным. Это не был официальный ритуал передачи власти — нужды в ритуале вообще не было, поскольку к тому времени вся реальная власть была уже в руках Президента России. Встреча была сугубо конфиденциальной: два президента съехались для передачи всего комплекса секретной информации, которой

располагал бывший глава СССР, — тайных нитей власти, тайных структур, секретных связей. "После этой встречи мне захотелось пойти и помыться", — в тот же день заявил Ельцин, едва появившись перед журналистами, — и его слова были переданы всеми программами теленовостей. Казалось бы, человек, столь чутко относящийся к нравственной чистоте собственного политического курса, должен был тут же обнародовать, какие именно секреты, открытые ему Горбачевым, вызвали столь очевидное отвращение. Но нет, ни в тот день, ни после содержание долгой беседы не было опубликовано. Мораль моралью, но целостность и неприкосновенность политической тайны оказалась сильнее первого нравственного порыва. Да и точно ли так заинтересован Ельцин в том, чтобы все тайные нити власти в России были открыты для общественного знания?

Несмотря на грандиозные масштабы всем очевидных политических событий в бывшем Советском Союзе, их истинные причины, мотивы, исполнительные структуры, а во многих случаях и их истинные исполнители остаются в тени. Большинство руководящих коммунистов отказалось от коммунистической доктрины, но, похоже, сделали всё возможное, чтобы сохранить все тайные структуры власти, которые создавались и укреплялись в течение семидесяти лет коммунистического правления.

Так или иначе, но сегодня в России и в других государствах на территории бывшего СССР широко бытует мнение, что, кроме явной, всем очевидной и как бы даже специально предъявленной картины политической жизни, повсеместно существует иная, скрытая интрига политических событий, недоступная общественному вниманию и контролю.

Недоверие к руководителям, подозрения в тайных связях, коррупции и неискренности настолько распространены, что уже сами по себе — независимо от того, насколько они истинны в каждом конкретном случае, — влияют на расстановку политических сил и угрожают стабильности власти — и в Москве, и в Киеве, и в Тбилиси. Особенно теперь, когда народ крайне обнищал, озлобился и готов найти виноватого в любом представителе власти.

Дело тем более серьезно, что недоверие и даже прямые подозрения вовсе не беспочвенны: во всех новых государствах бывшего СССР структуры власти генетически связаны со структурами вчерашними, коммунистическими. В аппарате управления всех уровней сидят люди, которые пришли в политику и сделали карьеру тогда, когда и сами

государственные должности были предметом широкой купли-продажи, когда, по меткому выражению одного бывшего партийного функционера, теперь вышедшего из партии, "сама должность секретаря райкома предполагала ментальность преступника." Но ведь в этом или в похожих креслах посидели все без исключения нынешние государственные руководители.

Можно ли сегодня судить о механизме власти, о технологии принятия важнейших политических решений и не взять в толк, что благоприятные условия для коррупции не только не исчезли, но и многократно разрослись! В государствах бывшего СССР в сфере криминальных отношений обращаются теперь сотни миллиардов рублей и миллиарды долларов. При этом известно, что ПОЛОВИНА ВСЕХ ДОХОДОВ, получаемых в криминальной сфере, тратится на подкуп официальных лиц всех уровней, в том числе, — на защиту от правоохранительных органов...* От кого же тогда в конечном счете зависят политические решения? Кто определяет наше будущее?

Многие сегодня совершенно убеждены, что новый, неведомый пока герой российской истории по-своему переиначивает её сюжет, а нам не только что замысел не доступен, но и само-то это действующее лицо сливается с другими персонажами. Одни зовут его заграничным именем м а ф и я. Другие выражаются более определенно, по-русски, и говорят, что к власти рвется у г о л о в н и к... Третьи вообще склонны говорить о чертах и методах уголовной мафии, присущих политическим действиям вчерашних аппаратчиков, работников госбезопасности и влиятельных "командиров социалистической экономики", особенно руководителей ВПК, и сегодня занимающих ключевые посты в политике и экономике.

Этот необъявленный "претендент на престол" до сих пор не выступал на политической арене открыто, но, как думают некоторые, он, действуя без лишнего шума, раньше проводил свою политику через традиционный коммунистический аппарат, через КГБ, МВД, подразделения военно-промышленного комплекса, а иногда и напрямую сливался с ними, теперь же контролирует новые структуры власти. За Президентом Горбачевым во все годы его власти страны как бы маячил другой, "теневой президент" с неограниченной властью. Складывалась многосложная, хорошо потаенная, "глубоко эшелонированная" политическая

* Общественно-политический клуб "Альтернатива". Теневая экономика. Корни, масштабы, угроза. — "Позиция", 1991, №1.

сила, которой, может быть, даже не так уж страшно разрушение её поверхностной, видимой, наружной части — структуры партаппарата, происшедшее после августовского путча 1991 года.

Более того, возникают серьезные сомнения, не являются ли вообще все кризисы, потрясения и разрушения последних лет желанным результатом целенаправленной работы этой политической силы, которая сама не только избежала революционных разрушений, но в принципе не могла быть ими задета, поскольку находится совсем на ином социально-политическом уровне и, оставшись невредима и даже окрепнув, видимо, продолжает влиять на правительственные решения...

Словом, для того, чтобы искать ответа на эти тревожные вопросы, нам нужно обратиться к реальности двух уровней: к реальности политической жизни последних лет, с одной стороны, и к общественному мнению, её одновременно отражающему и творящему, — с другой.

СОСТАВЛЯЕМ ФОТОРОБОТ

"У нас недооценивают сейчас роль структур тайной власти," — считает пятидесятилетний Александр Кабаков, один из самых популярных русских писателей последнего времени. "Явная власть может сдаваться, может не сдаваться, может бороться, её видно... Но есть тайная власть, которая не сдаётся, потому что никто на неё не может выйти напрямую, назвать — она тайная," — так говорит Александр Кабаков. *

Тонко почувствовав широко распространенное общественное мнение, он написал фантастическую повесть о будущем "Невозвращенец" — яркую антиутопию, где предсказывает, что вопреки стремлениям демократических политиков именно структуры тайной власти, скорее всего, структуры бывшего КГБ, приведут страну в состояние хаоса и анархии, чтобы в конце концов установить диктатуру еще более жестокую, чем даже та, что существовала при Сталине. Повесть Александра Кабакова, сначала напечатанная в одном малозаметном журнале, стала в своем жанре абсолютным бестселлером последних лет. Читатели увидели в ней свое будущее, поскольку у них всё больше и больше оснований подозревать о присутствии в жизни той самой "тайной власти", о которой говорит писатель.

Конечно, нам важно понять, какова природа этой тайной власти и насколько с ней связаны сами правительства и хорошо всем знакомые политические фигуры: вчера — Горбачев, сегодня — Ельцин, Назарбаев, Кравчук и прочие деятели того же ряда. Видимо, если и связаны, то вряд ли как люди, определяющие политическую стратегию, скорее — как исполнители стратегических планов. И когда западные комментаторы говорят о современных русских политиках как о людях, постоянно совершенствующихся в искусстве вынимать зайцев из шляпы, то упускают из виду вероятность того, что и сами эти деятели некогда были "вынуты из шляпы" и своевременно будут спрятаны обратно, когда время их выступления закончится. Для сомнений такого рода есть серьезные основания.

Вот уже четыре года как возникло и не угасает острое общественное подозрение в связи с запретом, негласно наложенным верховными властями (видимо, лично Горбачевым) на расследования системы коррупции, начавшиеся

* "Век XX и мир", 1990, №4 с.39

в Узбекистане еще в 1983 году. От этих расследований, которые велись под руководством следователя по особо важным делам Тельмана Гдяна, вся страна ожидала сенсационных разоблачений именно в кругах верховной власти и Узбекистана, и России, и других республик. Но разоблачений не последовало. Под давлением "сверху" каждый раз, как только обнаруживались связи среднеазиатских коррупционеров с Москвой, с высшими хозяйственными и партийными чиновниками, как только связи эти стягивались в единый узел, следствие пресекалось, уголовные дела закрывались.

Развал СССР, возникновение на его территории независимых государств и усиление национальных структур власти лишь усилило общественное подозрение в отношении тех, кто благополучно переместился из вчерашних структур власти в структуры нынешние...

Один из лучших следователей Прокуратуры СССР многоопытный Тельман Гдян и его ближайший помощник Николай Иванов были три года назад уволены из следственных органов, но их стремление "разобраться до конца" получило к тому времени широкую общественную поддержку. Оба они, в самый разгар гонений против них, были избраны народными депутатами СССР, что обеспечило им депутатскую неприкосновенность и спасло от ареста. Более того, широкое общественное подозрение в коррумпированности власти, в её связях с уголовным миром дало возможность Гдяну и Иванову создать свою политическую партию.

Разоблачение тайных структур власти, кажется, становится сегодня важным политическим лозунгом, если не во всех, то во многих государствах бывшего СССР — особенно в России. Без него не обходится ни одно сколько-нибудь серьезное общественное движение. Эдуард Шеварднадзе, бывший министр иностранных дел и ближайший соратник Горбачева, который вышел в отставку в декабре 1990 года, тоже было включился в борьбу с теневыми структурами. Для этого (или, правильнее сказать, в том числе и для этого) он и еще восемь других видных политиков организовали Движение демократических реформ. "Мы планируем меры, исключаяющие интеграцию теневых структур в новую экономику, самое решительное противодействие попыткам использовать переходный период в интересах преступных кланов," — заявляет Шеварднадзе... *

* "Известия", 22.06.1991. Отъезд Э. Шеварднадзе в Грузию, надо полагать, не изменил направленности самого движения.

Интрига заключается лишь в том, что никто не дает точного описания этих кланов, этих структур, но... всякий раз прямо намекает на своих политических противников: демократы — на коррумпированный аппарат, вчерашние партийные консерваторы — на связанных с мафией демократов. Известный экономист и публицист профессор Татьяна Корягина вообще считает, что тайные мафиозные нити равно опутали и тех, и других — всех, вплоть до Горбачева! Или даже начиная с Горбачева, которому она прямо бросает упрек в коррупции, по её сведениям, имевшей быть еще в те времена, когда будущий Президент был секретарем крайкома партии в Ставрополе. И неизвестно, не влияли ли те давние связи на политические решения Президента в течение всего срока его правления? Такой вопрос естественно напрашивается, когда читаешь или слушаешь яростные обличения Татьяны Корягиной...

Как экономист Татьяна Корягина известна своим исследованием структур теневой экономики. Особенно её занимает то, как "теневики" влияют на политические решения верховной власти. В том, что такое влияние определяло политику "команды Горбачева", она вполне уверена. "Коррумпированность верхних слоев власти, во-первых, делает их уязвимыми для прямого политического шантажа, а во-вторых, люди, которые знают, что у них рыльце в пушку, стремятся обеспечить свою безопасность и назначают на все ключевые позиции в государстве своих людей," — так пояснила свою точку зрения госпожа Корягина во время личной беседы с нами, невольно заставив вспомнить, что и Ельцин в России, и Назарбаев в Казахстане, и Кравчук на Украине и ряд других лидеров бывших советских республик в те или иные периоды своей карьеры работали под прямым патронажем генерального секретаря КПСС, и, несмотря на временные противоречия, в определенном смысле, все они — "люди Горбачева". * И если Горбачев был связан с теневыми структурами, то связи эти протянулись и в современные кабинеты власти.

У Корягиной много приверженцев и единомышленников. "Так же, как я, думают миллионы," — с полной убежденностью заявляет она, и если даже вызывает сомнение сам пафос ее обличений, то здесь с ней нужно согласиться. Постоянно выступая в печати, она и обращается к миллионам со своей страстной проповедью о необходимости нравственной чистоты политических структур.

* Эксклюзивное интервью Т.Корягиной Л.Тимофееву, июль 1991.

"Нас не всегда слушают, но мы должны кричать, пока хватит сил и голоса," — считает Татьяна Корягина. Выступая на большом митинге в Москве еще в феврале 1990 года, она во всеуслышание заявила, что располагает материалами о том, что Президент, еще в бытность свою секретарем Ставропольского крайкома партии, был связан с северокавказской мафией и поэтому должен уйти в отставку, а может быть, и предстать перед судом. Вскоре после этого выступления против Корягиной было возбуждено уголовное дело по факту клеветы и оскорбления чести и достоинства Президента. Однако, спустя шесть месяцев, дело было прекращено за отсутствием состава преступления. "Значит следствие не усмотрело в моих словах элемента клеветы," — с удовлетворением замечает Татьяна Иванова. "То есть суд допускает, что такие документы существуют? — спросил я её. — Так, может быть, стоит их напрямую предъявить обществу?" — "А как предъявить? У нас и сегодня нет доверия к тем самым структурам власти, которые должны бы этим свидетельствам дать соответствующий юридический ход. Всё кругом прогнило. Все попытки предъявить обществу правду оказываются сразу блокированы. Бумаги таинственно исчезают из кабинетов ответственных чиновников. Мы знаем, что даже когда берешь в руки вроде бы довольно невинные документы, но хотя бы отдаленно относящиеся к мафиозным связям нынешних правящих политиков, — уже рискуешь жизнью, — утверждает Т.Корягина. — Вот сейчас мне конкретно приходится помогать одному парню, который когда-то работал в системе КГБ одной из территорий Северного Кавказа. Он там наткнулся на крупные хищения и взятки, и связи преступников уходили сюда, в Кремль... Так вот есть, как говорится, "агентурные сведения", что мафия приговорила этого парня к смерти. Теперь его надо как-то защитить... Вы говорите, предъявить документы. Ведь этот парень — хоть и бывший, но всё же работник КГБ, следовательно, а что уж говорить о защищенности свидетелей. Даже их имена сейчас назвать невозможно, не подвергая их смертельной опасности."

Об этой опасности обладать информацией наше поколение хорошо знает. В 1986 году — то есть уже во время правления Горбачева — в предгорьях Урала, в пермском лагере для политзаключенных у меня на глазах умирал скромный, никому не известный инженер Михаил Фурасов, отбывавший двенадцатилетний срок только за то, что искал и где-то находил неизвестные широкой публике факты

биографии Леонида Брежнева. (Напомним, что Брежнев умер за четыре года до этого.) Сам Фурасов был до немоты запуган арестом, следствием и приговором и предпочитал молчать о своих биографических открытиях. Но, видать, были они чрезвычайной важности, поскольку, когда он заболел, тюремщики, почти не таясь, в открытую ускоряя ход болезни и усугубляя состояние больного, в конце концов столкнули его в могилу, отказавши в сколько-нибудь квалифицированной медицинской помощи. И похоронили его на тюремном кладбище — без имени, но с номерной биркой на ноге. И унес с собой свои разоблачения Михаил Денисович Фурасов...*

В августе 1991 года, под шум уличного веселья по поводу разгрома неокommунистического путча, началась передача секретных архивов КПСС из ведения партаппарата и КГБ под контроль демократических властей. Тем не менее есть серьезное сомнение, что нам удастся узнать какие бы то ни было подробности о тайных структурах власти. Дело в том, что все последние годы, словно в ожидании приближающегося краха, коммунисты активно уничтожали архивные фонды. Особенно усердно уничтожение архивных бумаг происходило в те 4-5 дней, когда партийный аппарат уже был объявлен вне закона, но еще не были опечатаны помещения ЦК партии, республиканских и областных комитетов, их архивы. Очевидцы свидетельствуют, что вокруг обкомов летали облака бумажного пепла. Центральное телевидение в те дни неоднократно показывало мусорные баки, наполненные изрезанными в крошку партийными документами, свежие кострища и горки еще тлеющей золы. Теперь факт уничтожения ценных бумаг признается и официальными спикерами.**

Тем более занятно было прочитать в одной из советских газет со ссылкой на "Рейтер" заметку "На Западе ждут": "Западные эксперты и политологи с нетерпением ждут, когда же откроется доступ широкой общественности к архивам КГБ. Их, в частности, интересуют подробности убийства президента США Дж.Кеннеди в 1963 году, а также всё, что связано с покушением на папу римского. Считается, что документы КГБ могут пролить свет на эти два загадочные события." На Западе ждут, а на Востоке — жгут... Думаю, что и ждут-то доступа к секретам советских тайных структур только те люди на Западе, кто

* Подробнее об этом см. Лев Тимофеев. Я-особо опасный преступник. "Вся Москва", 1991, с.101

** "Известия", 25 октября 1991.

плохо представляет себе, что именно происходило в России последние три четверти века и что происходит сейчас.

Из-под рук не только документы исчезают, но и люди уходят. 26 августа 1991 года, едва на Старой площади в Москве были опечатаны служебные кабинеты и архивы Центрального комитета компартии, как буквально тут же покончил самоубийством Н.Е.Кручина, управляющий делами ЦК КПСС, человек, в чьих руках сосредоточивалась вся информация о финансовой и хозяйственной деятельности ЦК. Он выбросился с балкона своей квартиры на пятом этаже роскошного московского дома, унеся в могилу бесценную информацию о тайных мафиозных связях аппарата. Записку, которую оставил, можно понять так, что его толкает страх перед грядущими расследованиями. Его смерть была настолько удобна бывшим аппаратным чиновникам, что сразу же пошел слух об убийстве... Слух не был подтвержден следствием, но некоторые осведомленные чиновники бывшего аппарата ЦК не сомневаются, что здесь имело место "самоубийство по договоренности", — такой исход как бы заранее закладывается в перечень служебных обязанностей и обязательств, которые берет на себя человек, вступая в должность, связанную с корпоративными тайнами партийного аппарата. Целый ряд самоубийств ответственных сотрудников аппарата ЦК, о которых мы еще будем говорить в этой книге, подтверждает такую догадку.

Словом, у нас в стране мало кто сомневается, что, кроме явной, всем очевидной, существует иная, скрытая интрига политических событий. Представление о механизме власти как о т а й н е стало уже фактом широкого общественного мнения. Многие убеждены, что подробности нынешней политической интриги, если и попадут на страницы газет и журналов, то лишь десятилетия спустя, да и то лишь в той мере, в какой оставшиеся в живых участники событий приоткроют покров тайны. Несмотря на "политику гласности", несмотря на либерализацию прессы и миллионные суммарные тиражи книг Горбачева, Ельцина, Шеварднадзе, Лигачева, Яковлева, Попова, Собчака, Р.Горбачевой, — мы всё равно знаем о современной советской политике, о механизме принятия политических решений и о мотивах поступков современных политиков куда меньше даже, чем о Брежневе, Хрущеве или Сталине, — но и о тех-то, умерших, пока еще ничего не знаем по сути.

Между тем мало кто сомневается, что политические

связи нынешних правящих структур имеют не только свою "географию" — от региона к региону, но и свою историю — от поколения к поколению. И все сегодняшние тайны имеют вчерашнее или даже позавчерашнее происхождение. Именно поэтому и пресекались жестоко всякие попытки получить доступ к таинственным сторонам даже вчерашнего механизма власти, не говоря уж о тайных связях власти сегодняшней. Секретные архивы были глухо закрыты даже для историков и тем более для широкой общественности. В бронированных сейфах хранится архивный фонд Сталина. Пока никому нет доступа в глубины архива КГБ. Еще в 50-е годы из архива Московского института истории партии изъяты и увезены в неизвестном направлении документы, бросающие тень на политическую биографию Н.Хрущева. Архивы Комиссии партийного контроля ЦК КПСС, этой жестокой внутрипартийной прокуратуры, были размещены подальше от Москвы, где-то на Северном Урале и до недавнего времени были закрыты, недоступны даже для ученых-историков. * Ряд чисток, проведенных в этих архивах в последние десятилетия, заставляют думать об уничтожении многого из того, что могло бы пролить свет на те тайные механизмы политических решений, основы которых были заложены при коммунистическом режиме, но которые действуют и по сей день.

"Не верьте тому, кто похвастает, что знает о Лубянке абсолютно всё. Нет такого человека, — заявил, уходя с должности руководителя этой организации, известный политический деятель Вадим Бакатин. — Мои представления не изменились, а расширились. Однако теперь я знаю, что знаю о КГБ гораздо меньше, чем предполагал раньше... КГБ никто и никогда не перевернет. По крайней мере сейчас." Задачей Бакатина была коренная реорганизация тайных структур. Уходя в декабре 1991 года, он вынужден был признаться что со своей задачей не справился. Все тайные структуры остались в неприкосновенности... ** И всё-таки тайна — тайной, а можно провести некое подобие криминалистического расследования: опросить свидетелей, сопоставить их показания с нашими собственными наблюдениями и в конце концов на основе этих, возможно разрозненных, данных составить хотя бы приблизительный портрет нового действующего лица в российской политической истории, "теневого президента",

* "Огонек", №2, 1989.

** "Известия", 2 января 1992.

— составить что-то вроде его "фоторобота", что вывешивают в людных местах для опознания преступника.

"Фоторобот" для поимки Сатаны?

Но нет, мы не можем знать заранее, какая тайна приоткроется; чей именно облик проглянет, когда соберутся воедино фрагменты доступных нам знаний...

Должен признаться, что никогда прежде не искал я доступа к тайнам такого рода. Но, будучи арестован весной 1985 года по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде за свои очерки "Технология черного рынка..." и "Последняя надежда выжить" я просидел два месяца в одной тюремной камере с Вахабом Усмановым, министром хлопкообрабатывающей промышленности Узбекистана, одним из лидеров "узбекской партийно-хозяйственной мафии", как впоследствии, уже после суда, его часто называли в печати (впрочем, вряд ли он успел много прочитать о себе в газетах и журналах, поскольку на суде был приговорен к смертной казни — и вскоре расстрелян). Не то чтобы Усманов раскрыл мне какие-то жгучие тайны, нет, но даже разговаривая с ним на темы вполне обыденные или просто размышляя над его судьбой, я вдруг неожиданно для самого себя почувствовал, что в нашу камеру протянулись нити с каких-то товарных складов, из заводских цехов, просто с захолустных районных базаров и в то же время из многочисленных советских министерств, обкомов и ЦК КПСС, из кабинетов членов Политбюро и даже из кремлевского кабинета Горбачева. Едва ли не вся страна оказалась опутана!

Тогда мне показалось, что это всего лишь нити экономических чернорыночных связей, которые не имеют прямого отношения к политике, — экономическая мафия. Теперь же, когда вчистую отпущены на свободу все, кто был некогда арестован вместе с Усмановым и судим за коррупцию, — теперь я вижу, что эта сеть и есть реальный механизм политической власти — механизм, постепенно, в течение последних десятилетий создававшийся во чреве печально знаменитой коммунистической "административной системы". Впрочем, не была ли сама эта "система", основанная на коммунистических мифах, лишь формой прикрытия отношений и связей, далеких от мифотворчества, но страшных своим реальным — жестоким и откровенным — стремлением к власти над страной и над людьми? И теперь, в эпоху приватизации и открытых рыночных отношений, не проще ли это стремление реализовать?

Чтобы попытаться ответить, начать придется издалека. Итак, слово свидетелям.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ:

МЭР МОСКВЫ ГАВРИИЛ ПОПОВ.

Доктор экономики Гавриил Попов был избран мэром Москвы в тот же день, когда Ельцин стал Президентом России, — 12 июня 1991 года. В недавнем прошлом Попов был деканом экономического факультета МГУ и оставался вполне лоялен к коммунистической доктрине и даже поддерживал её своими трудами. "Перестройка", объявленная Горбачевым, разбудила политический темперамент Попова, и он сделался одним из самых ярких демократических публицистов и митинговых ораторов, отстаивающих политические и экономические свободы.

— Говорят, что Вы стали мэром потому, что умеете ладить с московской мафией?

— Не знаю, что такое московская мафия. По характеру моей деятельности я никогда с этим не сталкивался. Подозреваю, конечно, что она существует, но прямых контактов у меня не было. Поэтому если они что-то и делают и как-то ладят с администрацией, то, вероятно, это делается за моей спиной. Но могу сказать совершенно однозначно, что этот фактор в моих рассуждениях, действиях не присутствует.

— Но Вы подозреваете, что мафия существует. Ваши подозрения какого рода?

— Ну, во-первых, я знаю, в каких количествах в Москву поставляются товары. И в то же время я вижу пустые магазины. Вы знаете, что есть такая форма торговли, когда товары везут к покупателям по месту работы, на предприятия. Мы предполагали, что работникам торговли здесь открывается простор для воровства, потому что любое предприятие, чтобы поддержать добрые отношения с торговыми работниками, чтобы получить что-то дефицитное, склонно как-то договориться, в чем-то уступить. Скажем, записывают, что на завод ушло двести пар обуви, на самом же деле на заводе продают сто пятьдесят, а остальное работники торговли могут спокойно продать на черном рынке и подороже. Так мы думали, но когда стали ломать эту систему отношений, то, к удивлению, активно сопротивлялись не работники торговли, а предприятия, лидеры профсоюзов, те, кто были главными действующими лицами по распределению товаров внутри завода. То есть

мафия жила какой-то другой жизнью, нам не вполне известной, не такой, как мы думали.

Где действует мафия — об этом приходится лишь догадываться. Вот, скажем, известно, что в прежние времена продовольственное снабжение Москвы было лучше, чем даже снабжение ближайших областных аграрных центров — Рязани, Твери и других. Я мало верю, что для этого достаточно было издать директивные документы, то есть просто приказать поставщикам. Несомненно, рабстали структуры многолетних связей, в результате их действия Рязань поставляет в Москву молоко, масло, сыр и что-то еще, чего не хватает в самой Рязани. Такого рода связи могут существовать только на основе каких-то взаимных интересов, соглашений, сделок... И сегодня — тем более сегодня, — если этот город живет, то он живет потому, что функционирует именно эта старая система... Не её старая административная, директивная часть, а та, что давно, уже много лет существует на каких-то дополнительных теневых соглашениях. Коррупционированность была её составной частью. И сегодня нельзя же предположить, что кто-то за красивые глаза кому-то что-то привозит в Москву. Поэтому мой вывод таков: если нет новой, нормальной системы открытых рыночных отношений, — а такой системы пока нет, — значит действует старая, теневая, мафиозная.

— Выходит, что мафия кормит Москву? Но прежде эти структуры были тесно связаны с партийным, с административным, хозяйственным аппаратом. Официальные власти втихую поддерживали торговую мафию и, видимо, даже охраняли ее и себя одновременно при помощи милиции, КГБ, армии. Кто же теперь ее охраняет? Или она опирается на уголовную сеть?

— Я думаю, что для них сейчас две возможности. Первая — это продолжать действовать в мафиозном варианте, укрепив себя собственными уголовными формированиями, рэкeтoм. Этот вариант реализуется. Больше того, видимо, уголовные структуры, на которые опиралась торговая мафия, в ряде случаев начинают функционировать как самостоятельные. Вы уже слышали о "чеченских", "солнцевских" и прочих группировках...

Вторая возможность состоит в том, чтобы, пользуясь новым законодательством, разрешающим коммерческую деятельность, просто начать легализоваться, то есть выходить из тени, становиться добропорядочными участниками торгового оборота. Сейчас нормально можно открыть банк, завести биржу и т.д. Поэтому я думаю, что сохраняется старое, появляется новое — и новое в двух вариантах: компенсировать ослабевающую власть чиновников своими рычагами, а второе — нормально вписаться в бизнес. Я так думаю.

— Эти две возможности имеют какое-то политическое выражение? Поддерживает ли мафия кого-либо в политике? Или, может, они создают свою политическую партию? У них есть политические амбиции?

— У тех, которые легализуются, политические устремления все-таки преобладают в сторону демократии, и мы ощущаем это постоянно. По мере того как мы крепили, укреплялись политически, увеличивалась финансовая помощь, которую мы получали. Во время последних выборов и у меня, и у Ельцина была значительная поддержка. Например, все эти листовки, прокламации, которые раньше от руки приходилось делать, сейчас удалось напечатать. Много коммерческих типографий было вовлечено, в этом плане поддержка была. По некоторым сведениям, те же силы оказывали поддержку и конкурентам. Ничего, это не вредно...

Что же касается собственно уголовной мафии, я не замечал у них значительной политической активности. У меня вообще сложилось впечатление, что это не люди большого размаха. Это люди даже не среднесрочных, а короткосрочных планов. Хапануть, хапануть, хапануть... Но вот я думаю, что им мешает стать нормальными людьми? Что им мешает уйти в нормальную коммерцию? Видимо, они в нормальной коммерции нормально жить не смогут. Потому что у них для этого нет или способностей, или каких-то нравственных качеств. Сейчас они политикой не занимаются. Но при иных раскладах именно этот общественный слой становится базой фашистских политиков. В этом плане они, конечно, опасны. Поэтому все, что я сейчас предпринимаю, призвано расширить возможности легального бизнеса, отнять у мафии как можно больше

людей — соблазнами, перспективами, возможностью нормальной коммерции.

— Насколько же реальна эта опасность проникновения мафии в верхние эшелоны власти?

— По моим представлениям, проникновение в верхние эшелоны власти достаточно большое. Но я думаю, что политического аспекта здесь нет. Мафия поддерживает людей административной структуры не из-за приверженности к каким-то там идеям. Ей просто нужна крыша над головой, нужен забор. Представить, что они имеют самостоятельные политические амбиции, я не могу. Представить, что они будут поддерживать какие-то отдельные политические идеи марксистского плана, — тем более. Значит, если они держатся за человека, который клянется в верности марксизму, то это из чисто прагматических соображений.

— А, наоборот, желая сохранить власть, люди из старых политических структур могут прибегнуть к помощи мафии?

— Теоретически это можно было бы сделать, если бы в тех политических структурах найти хотя бы одно способное лицо. Там же полная деградация. И мне трудно представить, что там нашелся человек, способный построить крупный стратегический план. Если бы там были такие люди, они бы давно нашли более эффективный вариант. Одна из особенностей наших политических врагов в том, что они показывают полнейшую неспособность осознать свой собственный интерес хотя бы в среднесрочной перспективе... Перед выборами мэра в Москве я ожидал, что коммунисты взвесят всё и скажут, что они на выборах победить не могут и готовы поддержать меня при таких-то и таких-то условиях. Нет, они к этому не способны. Они способны только вывести своего безнадежного кандидата и извести на обреченного все остатки сил. Они не способны даже вот к такой одноходовой комбинации, а то, о чем вы говорите, — это комбинация многоходовая. И с этой точки зрения, мне кажется, что политическая опасность криминальных структур преувеличена... Куда большую опасность представляют политические устремления бизнесменов. Но они опасны лишь в том случае, если придут к выводу, что

демократические силы не способны удержать страну в руках. Вот тогда будет серьезный расклад. Потому что если коммерсанты, финансисты, бизнесмены придут к выводу, что демократы не в состоянии поддержать нормальный режим жизни, не могут обеспечить нормальную прибыль, нормально удержать от забастовок, то они могут начать искать сильного человека. Но этот сильный человек уже не будет коммунистом. Я в этом уверен.

— Я могу сделать косвенный вывод, что вы доверяли искренности Горбачева.

— Горбачев — политик, политик до мозга костей, но политик не крупного стратегического расчета, он все-таки тактик. Об искренности здесь речь никогда не шла, но была надежда, что Горбачев свой интерес четко сознает, и в рамках этого интереса можно было прогнозировать его поведение и строить какие-то схемы...

— Вы могли бы сформулировать, как вам видится тот интерес, который хотел соблюсти Горбачев?

— Тот же интерес, который толкнул его на перемены. Он достаточно молодой деятель для того, чтобы не понимать, что через семь лет ему бы пришлось за все это отвечать. Фактически хватило примера Чаушеску...

— Кажется, для него лучшей возможностью сохранить себя, место, жизнь — была возможность поддерживать демократов?

— Надо поставить себя на его место. Надо понимать, что демократы — чужды ему. Те, кто его окружали, они ему были годами знакомы, свои люди. Он знал, когда и для кого и что сделал, у кого какие связи и так далее.

— И все мафиозные связи ему известны?

— И эти тоже. Он знал, как тех людей удержать. А как удержать Попова, он не знал. Он должен был верить на слово.... С нашей точки зрения, он давно должен был действовать иначе. А он, со своей точки зрения, имея ту информацию, тот архетип, в котором он функционировал,

он по-своему действовал правильно. Из пяти человек, которые входили к нему в кабинет, четверо его обманывали и только пятый говорил полуправду. Ему шла совершенно односторонняя, фантастически препарированная информация. И в этих условиях его политическое реагирование было предопределено его прошлым опытом и вот этой информацией. Надо отдать должное, что все-таки когда дело доходило до критических событий, он находил в себе силы идти в правильном направлении...

Он выходец из казачества, а это слой, который был объектом фантастических репрессий, и что бы он там ни говорил о социалистическом выборе отца, деда, — всё это чушь, конечно. Он родился в станице, с утра до вечера должен был слышать о расстрелянных, убитых, репрессированных. С детства он слышал, как плохо в колхозе и как хорошо, когда было свое хозяйство. Все, что он видел с детства, не могло быть базой какого-то восторга и преклонения перед этой системой. Ну, а потом учился в МГУ... Я помню этих профессоров: там было значительное число дореволюционных учителей. Мы с ними встречались, разговаривали. Сама его стартовая позиция в жизни была безусловно такова, что он должен был понять, что мир, в котором он живет, неприемлем.

Дальше была партийная работа, которая толкала его в противоположном направлении. Кроме этой партработы он ничего не знал. Поэтому сложилась очень противоречивая личность. Исходные данные — в сторону полных преобразований, а все его политические и прочие навыки — все в сторону существующей системы. У него и сложилась такая противоречивая модель перестройки. И сочетание вот этих двух начал предопределяло все его поступки. Но все-таки он как политик вырос в партии в условиях тотального подчинения. Ему казалось, что если он скажет: "Надо делать так!" — эта машина будет делать так, как он скажет. Но того, что эта "машина" послушна только в тех пределах, которые отвечают ее интересам, он не представлял... Когда же ему пришлось уйти, были уже иные условия, и вариантов недемократического развития у страны не осталось.

КТО ПРИВЕЛ ГОРБАЧЕВА?

Когда Горбачев уходил в отставку, он не только попросил оставить ему охрану (что и было сделано), но и определить ему статус юридической неприкосновенности. Многими эта просьба была воспринята как косвенное подтверждение его страха перед возможными разоблачениями каких-то криминальных связей. По крайней мере, именно так трактовал её Борис Ельцин, к которому просьба и была обращена. "Если вы за что-то беспокоитесь, покайтесь сейчас, пока вы Президент," — сказал он во время того девятичасового прощального разговора, о котором мы уже вспоминали выше. *

Я вовсе не стремлюсь указать пальцем на Горбачева, или на Ельцина, или на кого бы то ни было еще и заявить: "Вот "крестный отец" тайной политической мафии!" Воспитанный в смешанной традиции европейского рационализма и русского толстовства, я никогда не верил ни в коварные замыслы мировых злодеев, ни в козни масонов, ни в мировую сеть КГБ. По крайней мере, никогда не верил в их абсолютную силу и всегда знал, что в конце концов Разум восторжествует. Я прекрасно понимаю важность современных социологических подходов к политике... Но именно исходя из этих социологических посылок, надо помнить, что в России далеко не всегда те или иные социальные группы оказывают своё влияние на политику в формах легальных, доступных нормальному политологическому анализу, — так, чтобы можно было использовать данные статистики и социологии. Именно скрытые, "теневые", неявные влияния наиболее важны, вызывают наибольшую тревогу, а иногда и прямо опасны для будущего демократии. Именно поэтому сегодня, когда политическая эпоха Горбачева завершилась, так важно понять, с какой задачей приходил этот великий деятель и кто его привел и поддерживал во все время его правления. Только так поймем, какое наследство он оставил и кому.

Сеть тайных связей, в которую причудливо вплетены интересы партийных чиновников и уголовного мира, воротил военно-промышленного комплекса и бизнесменов "черного рынка", по-прежнему опутывает страну. Причем границы социальных групп, вовлеченных в эту систему (или создавших её, или созданных ею), становятся всё менее

* "Аргументы и факты", №52, декабрь 1991.

четки, а иногда и вовсе стираются. И до сих пор есть основания сомневаться насчет того, кто же реально правит страной: демократическая администрация, подпольная сеть вчерашнего партаппарата, "директорский корпус" ВПК, "теневики", уголовники? Или все вместе они заключили единый союз? Никакое предположение здесь не кажется абсурдным, всякое выглядит возможным — настолько запутана и неясна подоплека политической жизни страны. Но сегодняшняя политическая ситуация не вдруг возникла. Она начала складываться еще до прихода Горбачева к власти. Более того, сам политический курс Горбачева есть лишь результат этого процесса... Попробуем же разобраться...

Сейчас многие считают чудом, что в августе 1991 года в считанные часы рухнули коммунистические структуры власти (партаппарат, КГБ, союзные министерства), а в декабре того же года — и вся "империя зла". Но не менее, если не более чудесным событием — и уж точно таинственным! — было выдвижение за семь лет до того Михаила Горбачева — сначала на роль Второго лица в партии, а потом и на должность Генерального секретаря.

Впрочем, в официальной версии чудо вовсе не просматривается, а тайна лишь едва-едва намечена. Вот как излагает дело Раиса Максимович Горбачева:

"О кончине К.У.Черненко Михаилу Сергеевичу сообщили сразу. Он срочно собрал членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК. Приняты были решения, связанные с похоронами. На следующий день назначили заседание внеочередного Пленума ЦК КПСС. На этом Пленуме, 11 марта, Михаил Сергеевич был избран Генеральным секретарем ЦК. О том, как проходило это Политбюро и этот Пленум, написано много. Высказываются разные точки зрения, предположения, суждения... Как рассказывал Михаил Сергеевич мне, ни на Политбюро, ни на Пленуме других кандидатур на пост Генерального секретаря не вносилось. Очевидно, к этому времени у большинства членов ЦК сформировалась определенная общая позиция в оценке сложившейся ситуации и в руководстве, и в стране в целом. Ситуации непростой, неоднозначной, внутренне напряженной. Внешне же всё выглядело как обычно. Избрание Михаила Сергеевича было единогласным.

Домой он вернулся поздно..."*

Вопреки утверждению Раисы Максимовны, нигде ничего

* Раиса Горбачева. Я надеюсь. М. "Книга". 1991. с.125

толком не написано ни о том Политбюро, ни о Пленуме. В чем же заключалась и как проявлялась "напряженность ситуации в руководстве"? Почему именно Горбачев, ведавший, как известно, в Политбюро вопросами сельского хозяйства, берет на себя обязанность собрать Политбюро? Да и к чему говорить об общности позиции и единогласии, когда все помнят, как, едва став генсеком, Горбачев немедленно начал чистку Политбюро и ЦК? Неужто близких единомышленников погнал?! Ничего здесь не понятно, ничего не сходится.

Попробуем сами понять, в чем же была сложность, неоднозначность и напряженность ситуации...

Горбачев был привлечен в Политбюро в 1979 году — скорей всего, в качестве "мальчика для битья". Он был молод, энергичен и, хотя и был дипломированным юристом, но считался специалистом по сельскому хозяйству, поскольку ранее занимал должность партийного руководителя Ставропольского края — то есть практически был всевластным наместником-распорядителем самого богатого зернового района на юге страны. (К слову сказать, как теперь всё более и более выясняется, — одного из самых коррумпированных регионов.)

Горбачеву еще не было и пятидесяти, когда он достиг высших номенклатурных должностей — стал секретарем ЦК и членом Политбюро. Несмотря на относительную молодость (в то время, кажется, среди "руководителей партии и государства" никого не было моложе шестидесяти, а большинству и вовсе было за семьдесят) новый секретарь был опытным "номенклатурным работником". Он прошел и через должности комсомольского функционера, и через низшие аппаратные чины. Несмотря на университетский диплом, знал и простой крестьянский труд и еще в студенчестве подрабатывал комбайнером на уборке урожая. Словом, объективно говоря, он, видимо, и впрямь был неплохим менеджером-аграрием...

Но как раз те же обстоятельства его карьеры, благодаря которым он возвысился до Политбюро, делали невозможным его дальнейшее продвижение в партийной иерархии. Партией руководили или аппаратные идеологи (Суслов, Черненко), или ставленники военно-промышленного комплекса (Брежнев, Устинов, Андропов, Громыко). Именно с военно-промышленным комплексом связывалось представление об СССР как о мировой державе, потому на поддержание военной мощи и расходовалось более половины валового национального продукта — на армию, военную

промышленность, на заказанные армией научные разработки. * К аграриям же отношение было в лучшем случае снисходительное. Им доставались лишь ничтожные остатки государственных субсидий.

Сельское хозяйство всегда было наиболее отсталой отраслью социалистической экономики и не могло принести ни славы, ни почета. Всякие усилия сделать хоть отчасти производительной полукрепостническую колхозно-совхозную систему сельского хозяйства были заведомо обречены. Продовольствия в стране никогда не было в достатке и, похоже, производилось всё меньше, если считать на душу населения. Крестьяне потеряли желание да и просто разучились работать производительно... Предшественник Горбачева на этом поприще — Федор Кулаков бесславно провел годы в высшем партийном руководстве, не столько контролируя, сколько подталкивая своим бездарным руководством процесс полной деградации "социалистической деревни". Он умер от инфаркта, после того как кто-то в Политбюро сильно накричал на него или, напротив, после того, как он сам наорал на кого-то из подчиненных на очередном совещании — то ли по поводу падежа скота, то ли из-за недопроизводства гречневой крупы, — и был забыт на другой день после похорон. Можно не сомневаться, что похожая судьба ждала и Горбачева. Впоследствии он и сам в выражениях грубых, но откровенных признавал свое зависимое положение в Политбюро: "Ты вот Чебрикова не жалуешь. Лигачева не любишь, — говорил он, принимая в своем кабинете Виталия Коротича, главного редактора демократического журнала "Огонек". — А мы ведь все вместе Брежневу жопу лизали. Все!" **

Положение Горбачева было тем более шатко, что на него автоматически ложилась ответственность за выполнение абсолютно нереальной, имевшей чисто пропагандистское значение "Продовольственной программы", в которой высшее партийное руководство, многократно употребив привычные императивные формы глаголов "обязать", "повысить", "укрепить" и т.д., торжественно клялось, что наконец-то в ближайшие годы в колхозах и совхозах будет произведено зерна, молока, мяса и овощей достаточно, чтобы накормить всех.

"Продовольственная программа" была провозглашена Брежневым уже в дни предсмертного маразма. Впрочем, тогда о скорой смерти престарелого лидера никто не думал,

* В.Первышин. Разорение. "Огонек", №24, 1991.

** "Московский комсомолец", 21 сентября 1991.

казалось, он вечен, и наиболее логично было предположить, что молодой Горбачев и привлечен для того, чтобы со временем, когда "Продовольственная программа" неизбежно провалится, — а она неизбежно должна была провалиться, поскольку не предусматривала вовсе никаких реформ колхозно-совхозного строя, — показательно его же, Горбачева, и сместить как виновника неудач... Но нет, похоже, кто-то в брежневском окружении знал срок, отпущенный престарелому генсеку, и имел на молодого члена Политбюра другие виды.

Боюсь, мы никогда не узнаем всей правды о мотивах "кадровых" решений времен Брежнева-Черненко. Ничего подобного в официальных документах ЦК и Политбюро не было никогда, — по крайней мере, со времен знаменитого ленинского "завещания". О мотивах здесь не упоминали и в тех случаях, когда кого-то смещали с должности. Трудно вообразить, не даже если кто-то из лидеров той поры и осмелился бы вести интимный дневник, то вероятнее всего, что этот документ давно канул в недрах КГБ. Можно не сомневаться, что скандал, разразившийся по поводу воспоминаний Н.С.Хрущева, проскользнувших сквозь пальцы КГБ и опубликованных на Западе, заставил чекистов быть еще более бдительными... Впрочем, можно не сомневаться, что и сами члены Политбюро никогда не стали бы рисковать, доверяя бумаге свои интимные чувства и мысли. Зная нравы своих коллег, никто из них не мог чувствовать себя в безопасности.

Вообще взаимоотношения в Политбюро и особенно те, что касаются механизма наследования власти, всегда были величайшей тайной. Интриги, которые там плелись, выходили на поверхность не раньше, чем кто-то из прежних руководителей объявлялся "врагом народа" или преступником иного толка и увольнялся в бесславную отставку, а при Сталине и некоторое время после него и вовсе расстреливался. Путем интриг был смещен в 1964 году Никита Хрущев, который и сам, в свое время, точно так же, путем интриг, убрал с политической сцены известных соратников Сталина — Молотова, Кагановича, Маленкова, великого военачальника Георгия Жукова, а еще ранее организовал арест и расстрел всемогущего Берии. Обо всех переменах в кабинетах власти общество всегда узнавало только после того, как перемены свершились, и сегодня еще о механизме и мотивах важнейших политических решений той поры мы можем составить себе представление только по косвенным источникам информации.

Кто-то из старых деятелей партии еще в двадцатые годы мрачно пошутил, что большевики, даже став правящей партией, никак не выйдут из подполья. Истина этих слов становилась всё более и более очевидна в наше время, в годы восьмидесятые и девяностые, по мере того как постепенно открывался ранее глубоко засекреченный механизм деятельности КПСС. И чем больше открывалось... тем больше угадывалось еще нераскрытого, тайного и даже такого, что никогда не будет раскрыто вполне. Многие уверены, что в конечном счете мы узнаем о правящих структурах коммунистов не более того, что они сами дадут нам узнать... Впрочем, мы еще вернемся к тайным сторонам деятельности КПСС. Пока же нас интересует только одна из этих тайн: механизм и мотивы кадровых решений Политбюро.

Если даже мы и не узнаем никогда, какие именно мысли приходили в голову тогдашним патриархам, какие именно беседы и между кем и кем велись на подмосковных дачах, предвеляя назначение Горбачева, то сам ритуал тайных заседаний, при помощи которого оформлялись в то время все важнейшие, судьбоносные решения, — такой ритуал мы хотя бы отчасти можем себе представить.

В своей остроумной работе "Метакоррупция. Уголовные истоки партии большевиков"* молодой американский ученый русского происхождения Антон Козлов совершенно справедливо генетически связывает правящие структуры коммунистической партии с мафиозными структурами прошлого и даже позапрошлого веков. Нам не понять, кто такой Горбачев, если мы хотя бы немного не приоткроем пусть не содержание, но саму атмосферу деятельности верховных структур власти той поры.

Стиль и характер деятельности высших органов партийной власти всегда зависели от Генерального секретаря. Генеральный же секретарь Брежнев был настолько немошен, что многим наблюдателям казалось, что он едва может лишь представлять, тогда как на деле страной руководят какие-то другие люди. Западные политологи называли советскую государственную систему той поры "геронтократией". Советские же диссиденты пустили в обиход еще более жесткое и точное определение: некрократия, власть мертвых.

Три человека оказывали на Брежнева особенно сильное влияние: М.А.Суслов, главный идеолог партии, её "серый

* Опубликована в качестве послесловия в отдельном издании данной работы см. Л. Тимофеев. Зачем приходил Горбачев. "Поиск", 1992.

кардинал", близкий к вершинам власти еще при Сталине; Ю.В. Андропов, председатель, а позже — куратор КГБ, как считают многие, имевший в руках секретные досье на каждого из своих коллег по руководству страной и партией, и К.У. Черненко, державший в своих руках подбор и расстановку высших партийных кадров.

Константин Черненко был особенно влиятелен в аппарате партии. Он был давним соратником Брежнева, успешно прошедшим в тени своего более импозантного шефа все ступени партийной карьеры — от скромного чиновника республиканского ЦК в Молдавии до могущественного секретаря партии в Москве. Он никогда не лез в лидеры, выдвинулся благодаря разнообразным личным услугам, оказанным Брежневу, и даже теперь, на самом верху партийной пирамиды, предпочитал оставаться в тени и действовать исподволь, без шума. Это ему удавалось прежде всего потому, что в его подчинении находился Особый отдел ЦК, через который шло движение наиболее важных партийных документов, в том числе и "компромата" на членов Политбюро...

К первым трем в окружении Брежнева вплотную примыкали еще двое: министр обороны Д.Ф. Устинов, бывший прежде в течение долгих-долгих лет министром оборонной промышленности, и министр иностранных дел А.А. Громыко — оба они были людьми еще сталинского кабинета, теснейшим образом связанными со всей влиятельнейшей верхушкой военно-промышленного комплекса... Считается, что именно эти шестеро, включая Брежнева (все глубокие старики), и осуществляли политическую власть в стране. Понятно, что и Генеральным секретарём мог быть лишь один из них...

"Члены Политбюро собираются на заседания в Кремле — на третьем этаже старинного здания с высокими потолками и высокими окнами, из которых видна Кремлевская стена, — так рассказывает один из "молодых" членов этого верховного органа коммунистической власти шестидесятипятилетний Егор Лигачев. — Рядом Красная площадь, Мавзолей В.И. Ленина... Сюда проведены все виды связи. Собственно говоря, здесь находится не только зал заседаний Политбюро, но также кремлевский кабинет Генерального секретаря и его приемная. Здесь же — так называемая Ореховая комната с большим круглым столом, за которым перед заседаниями обмениваются мнениями члены высшего политического руководства. За этим круглым столом в предварительном порядке, так сказать, не-

официально, без стенограммы и протокола иногда обсуждаются важнейшие, наиболее сложные вопросы повестки дня. Поэтому бывают случаи, когда заседание начинается не в одиннадцать ноль-ноль, а с запозданием на пятнадцать — двадцать минут. Разумеется, в заседаниях принимают участие также кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК, но они собираются уже непосредственно в продолговатом зале, за длинным столом, где за каждым негласно закреплено постоянное место. Приглашенные рассаживаются за небольшими столиками, поставленными вдоль стен.

В последние годы при Брежневе заседания ПБ были короткими, скоротечными — всего лишь за час, а то минут за сорок принимали заранее заготовленные решения и разъезжались." *

Председательствует на заседаниях Генеральный секретарь. Справа от него — место Второго Человека в Партии, который ведет заседания Политбюро в отсутствие Генсека. Он же наследует власть, если Генсек умрет.

Впрочем, даже Второму лицу в партии власть не доставалась автоматически, и ему требовалось какое-то время — несколько часов или даже дней, чтобы отстоять своё право. Поэтому и о смерти очередного генсека сообщалось не сразу: скажем, о кончине Брежнева официальное сообщение было обнародовано более чем через сутки. О смерти Андропова, проработавшего генеральным секретарем после Брежнева чуть больше года, даже секретари обкомов партии узнавали из специальной шифровки только через полсутки... Но между теми, кто реально претендовал на власть, контакты по поводу её дележа начинались сразу же, как только очередному лидеру закрывали глаза. И, скажем, 9 февраля 1984 года уже через несколько минут после смерти того же Андропова член Политбюро Горбачев звонил своему коллеге Лигачеву в Тюмень:

" — Егор, случилась беда, умер Андропов. Вылетай. Завтра же утром будь в Москве, ты здесь нужен..."

Официальная шифровка о смерти Андропова поступила в Томский обком только утром..." **

Начиная с января 1982 года и до марта 1985-го смерти членов Политбюро следовали одна за другой: Суслов, Брежнев, Андропов, Устинов, наконец Черненко. Как будто чья-то невидимая рука время от времени осеняла крестным знаменем эту свору призраков — и очередной фантом

* Е.Лигачев. Воспоминания. "Аргументы и факты", №4, 1991.

** Там же. "Аргументы и факты", №6, 1991.

рассыпался в прах... Покойников хоронили за Мавзолеем на Красной площади у Кремлевской стены. Каждый раз это была пышная церемония — с прощальными речами, перевозкой гроба или урны на лафете, с салютом. На церемонию допускались только немногие избранные, по специальным пропускам. Причем народ, относившийся ко всей этой старческой компании без всякого почтения, мрачно шутил, что-де разумно было бы выпустить единый абонемент и на все будущие похороны.

Однако, несмотря на карнавальный характер церемонии, все понимали, что дело вовсе не шуточное и, вглядываясь в экран телевизора, отмечали про себя, в каком порядке члены Политбюро следуют за гробом, в каком — стоят в почетном карауле. Неизменный ритуал похорон должен был свидетельствовать и о существовании тайного, но незыблемого ритуала наследования власти: первым за гробом всегда шел тот, кто и будет через несколько часов объявлен Генеральным секретарем.

И действительно, Второе лицо неизменно наследовало власть. Даже если это вовсе противоречило здравому смыслу, как это было в феврале 1983 года, когда умер Андропов и генсеком стал К. Черненко, к тому времени уже смертельно больной тяжелой формой эмфиземы легких. Некоторые близкие к деятельности Политбюро чиновники полагают, что нельзя всерьез принимать слухи о том, что Андропов видел своим преемником Горбачева. Они считают, что любое посягательство на изменение ритуала наследования власти было бы воспринято старожилками Политбюро как посягательство на саму систему власти. И понятно, что тут уже своё решительное слово сказал бы министр обороны Устинов и вверенные ему войска.

Считается, что путь к высшей должности в партии и государстве мог для Горбачева начаться только с позиции Второго лица. И вот самое необъяснимое, даже таинственное, в том, что в феврале 1984 года, став Генеральным секретарем, Константин Черненко сумел настоять, чтобы именно Горбачев стал тем секретарем ЦК, который удостоивался чести и власти вести заседания Секретариата ЦК, а в отсутствие Черненко и заседания ПБ. То есть еще в самом начале правления смертельно больного, практически обреченного Черненко наш герой становится его официальным наследником. Вот как описывает это заседание Политбюро присутствовавший на нём Егор Лигачев:

"...На организационном заседании Политбюро Кон-

стантин Устинович внес предложение поручить проведение заседаний Секретариата ЦК Горбачеву. Черненко, видимо, понимал, что тут нужен человек энергичный, молодой, физически крепкий.

Однако не все члены Политбюро придерживались столь здоровой точки зрения. На предложение Генсека немедленно откликнулся Тихонов:

— Ну, Горбачев превратит заседания Секретариата в коллегию Минсельхоза, будет вытаскивать туда сплошь аграрные вопросы...

Было ясно, что это лишь формальный повод отвести кандидатуру Горбачева, но кое-кто за это сразу ухватился, раздалось еще несколько реплик, выражавших сомнение. А за предложение Генерального секретаря высказался Устинов.

И тогда, используя свой дипломатический опыт, слово взял Громыко. Чтобы снять возникшую напряженность, он предложил соломоново решение:

— Давайте подумаем, не будем сейчас торопиться. И позднее вернемся к этому вопросу.

Однако несколько флегматичный, слабый здоровьем Черненко неожиданно проявил характер и твердо сказал:

— Я все-таки настаиваю на том, чтобы вы поддержали мое предложение доверить ведение Секретариата товарищу Горбачеву.*

Почему именно ему? В Политбюро, казалось бы, в то время были куда более влиятельные люди, многие годы державшие в руках как явные, так и тайные нити власти: Виктор Гришин, секретарь Московского городского комитета партии, фигура, по общему признанию, близкая к мафиозным структурам; Григорий Романов, в недавнем прошлом могущественный секретарь Ленинградского обкома, человек еще не старый и уж никак не менее Горбачева энергичный и вполне крепкий физически... Словом, в воспоминаниях Лигачева есть прямой намек на какую-то тайную интригу, приведшую Горбачева к власти. И вместе со всей страной узнав впоследствии Горбачева как гениального мастера крупномасштабной политической игры и интриги, мы на первых порах склонны принять за истину предложенный выше сценарий его вхождения во власть. Хотя, надо полагать, борьба шла не только на уровне словесной перепалки за столом заседаний.

Действительно, тайная, закулисная война шла не на

* Егор Лигачев. "Аргументы и факты", №6, 1991.

жизнь, а на смерть. Как сообщил нам Эдуард Шеварднадзе, в 1984 г. в МВД были люди, которым было приказано во что бы то ни стало откопать "компромат" на Горбачева в ставропольском периоде его работы. (Не те ли это люди, судьбой которых теперь озабочена доктор Т.Корягина?) Конкуренты понимали, что проигрыш грозит если не физической, то скорой политической смертью.

Видимо, сам хорошо понимая правила игры и размеры ставок, Горбачев оказался проворнее своих соперников, в том числе и в поисках компромата, и, едва став генсеком, тут же отправился в Ленинград и там публично подверг остракизму своего наиболее энергичного противника — Романова, обвинив его в коррупции и злоупотреблении служебным положением. В народе ходил слух, что одним из пунктов обвинения значилось, что Романов, будучи секретарем Ленинградского обкома, воспользовался музейным сервизом бывших русских царей для обслуживания многочисленных гостей на свадьбе своей дочери. Вскоре за Романовым в политическое небытие последовал и Гришин.

Однако тот же Шеварднадзе в беседе с нами предложил и свою версию механизма выдвижения Горбачева: мол, не вдруг — и от этого необъяснимо и таинственно, — но постепенно, логично, даже как бы н е о б х о д и м о выдвинулся новый Генсек. И Вторым человеком в партии он фактически стал уже при Андропове. "Впрочем, такой прямой нумерации не было — вот второй, а вот третий, — вспоминает Шеварднадзе, бывший в то время кандидатом в члены Политбюро. — Горбачеву уже тогда давали много поручений, сам Андропов давал много поручений, в том числе таких, которые выходили за рамки агропромышленного комплекса. Мы, по существу, тогда его считали вторым человеком при Андропове... Когда скончался Андропов, Черненко уже стоял перед фактом. Ему оставалось или менять эту реальную расстановку сил, и тогда вступить в конфликт с Горбачевым, поскольку тот был уже признан как Второй человек, или согласиться с этой расстановкой и поддерживать её... Потом я не уверен, что Черненко очень уж уважительно относился к Романову или к кому-то другому..."

Как видим, картина, нарисованная Шеварднадзе, входит в прямое противоречие со свидетельствами Лигачева и некоторых других мемуаристов, из которых вовсе не следует, что Горбачев еще при Андропове наделялся широкими полномочиями и что тогда же он был признан "вторым лицом" (см. в цитатах, приведенных выше, реплики

влиятельных Тихонова и Громыко). И тут особенно важно бы не только знать, к а к Горбачев пришел к власти, но и с чем он пришел. Мог ли кто-либо знать, какую политику предложит стране новый лидер?

"Кое-кто знал уже тогда, — считает Эдуард Шеварднадзе. — И некоторые просто побаивались... Знали, что Горбачев еще даже при Брежневе и особенно при Андропове, а потом и при Черненко сформировался как реформатор. Реформатор и человек, который в состоянии отстаивать своё, в состоянии настойчиво проводить линию, которая соответствует его убеждениям. И то относительно молодое поколение в Политбюро, к которому, скажем, принадлежал Рыжков, — и я был в том числе, — это знали."

Кто побаивался Горбачева и за что? Впрочем, разве не правильно боялись? Сам-то Горбачев неужели впоследствии хорошо понимал, что творит, — и творил сознательно? Неужели понимал, к каким последствиям может привести хотя бы частичная либерализация печати и телевидения, — понимал и шел на это? Неужели понимал, что творит, предлагая еще в 1988 году новый избирательный закон, где разрешалось выдвижение нескольких кандидатов на одно место, — неужели шел на это, понимая, что любая, даже самая минимальная соревновательность — в политике ли, в экономике ли — неизбежно обернется полным крахом коммунистической доктрины?.. Неизбежно! Это мог бы подсказать ему любой начинающий политолог... Но этого ли от него хотели благословившие его многоопытные Андропов, Черненко, Устинов и другие? Трудно поверить, что эти люди, поднаторевшие в запретах и кровавых подавлениях всякой свободы, хотели от него именно этого!

Вообще-то перечень имен руководителей, поддержавших Горбачева, мог бы свидетельствовать о том, что едва ли не главной силой его поддержки были КГБ и военно-промышленный комплекс страны. Сегодня мы знаем, по многим публикациям последнего времени, что люди ВПК тогда, в начале восьмидесятых, вместе со всей страной, хотя и намного позже других, начали ощущать, что экономика, в том числе и "оборонка", втягивается в глубокий кризис, — и, видимо, искали возможность реформ, которые остановили бы этот процесс. Но если предположить, что Горбачев пришел в начале восьмидесятых как человек ВПК, то в начале девяностых мы должны будем признать, что тот же ВПК сделался главным врагом Горбачева и именно силы военно-промышленного комплекса

инспирировали мятеж ближайших помощников президента в августе 1991 года с целью его отстранения от власти.

И напротив, явившись как протеже склонного к жесткому административному правлению Андропова, Горбачев сделал всё, чтобы фактически опровергнуть саму идею такого правления и поддержать идеи свободного предпринимательства и последовательно создать благоприятные условия для того, чтобы в стране началось свободное движение капитала, в том числе и тех капиталов, которые были нажиты дельцами "черного рынка" и теневой экономики.

Так кто же такой Горбачев: тонкий тактик, исполняющий глубокие тайные программы, или ловкий оппортунист и гениальный политический интриган, толкнувший страну на путь перемен и умевший до последнего лавировать и держаться у власти при любом, даже самом резком изменении курса?

Мы не можем знать мотивов деятельности Михаила Горбачева. Но мы знаем, что он — человек, вышедший из недр партийной номенклатуры, партийного аппарата. И тогда можно поставить вопрос более общий: каким может и должен быть нравственный и деловой облик чиновника, не просто прошедшего в партаппарате годы и десятилетия, но сделавшего головокружительную карьеру?

Как мы знаем, один из распространенных аргументов политических противников Горбачева заключается в том, что в партийных структурах вообще не могло быть честных людей. Все замешаны в коррупции. Иначе невозможно. Аргумент серьезный и подлежит проверке... Но нам-то важнее не то, как Горбачев вел себя двадцать лет назад, но что именно влияло на его политическое поведение и на его решения в последние годы.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ:

**ЭДУАРД ШЕВАРДНАДЗЕ,
БЫВШИЙ МИНИСТР
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
И ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО.**

Эдуард Шеварднадзе прошел по всем ступеням коммунистической аппаратной иерархии. Первый секретарь ЦК комсомола Грузии, министр внутренних дел, первый секретарь ЦК компартии Грузии, кандидат в члены Политбюро, член Политбюро, министр иностранных дел. Он был одним из ближайших единомышленников Горбачева в начальный период реформ.

— Если посмотреть на противостояние сил в политике, то Вы, господин Шеварднадзе, чей?

— Я верил в Сталина, поверил в Хрущева, потом разочаровался, потом поверил в Брежнева. Параллельно появлялись сомнения, серьезные сомнения. Чем выше я поднимался, у себя в республике, тем больше эти сомнения усиливались. И в начале 80-х годов я пришел к выводу, что в этой системе прогнило все. Я тогда же говорил об этом Горбачеву, он потом публично вспомнил об этой беседе. "Прогнило все, все надо менять".

— Что именно прогнило? Вы имеете в виду коррупцию партийного аппарата?

— Нет. Система. Прогнила система. Тогда, десять лет назад, я еще не говорил, что она с самого начала была выстроена на ошибочных принципах, но видел, что мы зашли в тупик, потеряли ориентиры...

— Чего касались ваши беседы с Горбачевым в начале 80-х годов? Какова была их тональность? Это просто были дружеские беседы двух политиков высокого уровня или вы уже тогда имели некий прицел на будущее?

— Нет, никаких политических программ мы не составляли. Мы не планировали, что вот завтра придем, возьмем власть, будем управлять в соответствии с нашей программой, — таких амбиций у Горбачева не было, и тем более не было их у меня. Это были беседы двух

товарищей. Мы были давно знакомы, еще с комсомольских времен. Горбачев, как правило, отдыхал в Грузии. Мы много беседовали, ездили по республике... Однажды я его познакомил с одной замечательной крестьянской семьей. Хозяин — инвалид войны, немолодой человек, лет, наверное, 60-ти, жена, при них жили внук и внучка. И вот эта семья держала пятнадцать коров. Я привез Горбачева, чтобы он посмотрел на советского кулака... Пятнадцать коров! Колхоз выделил им участки, где косить траву, где пасти. Молоко они продавали колхозу. Потом мы сидели и размышляли: что делать? Раскулачить — большого ума не надо. Достаточно участкового инспектора — и все. Но тогда и молока не будет. Ну хорошо, ты разрешил такие хозяйства в этом районе, стал им даже помогать, ну а что в других районах, что по всей стране? Ведь существующая система не позволяет так развернуться каждому колхозному двору. Это потом уже, в ходе перестройки, начали создавать условия для такой работы. А в те времена каждый раз, когда мы разрешали такой эксперимент, нас таскали в ЦК: "Объясните, что это такое: капитализм или социализм?" Один добрый цеховский работник как-то сказал кому-то из моих сотрудников: "Дорогой, мясо надо, молоко надо, но от Маркса уходить не надо". Тоталитарная система ограничивает человека, ставит человека в жесткие рамки.

— Да была ли она — тоталитарная система? В стране не было открытого рынка, но всегда был "черный рынок", где можно было приобрести любой дефицит... Коррупция аппарата, черный рынок, теневая экономика. Все это, слава Богу, разрушало систему изнутри... Кажется, советский опыт доказывает, что никакая тоталитарная система долго не может существовать. Нельзя человека задушить запретами, он всегда будет искать лазейку, чтобы выжить... Кажется, в Грузии размах коррупции был весьма широк?

— Знаете, у меня достаточный опыт борьбы с коррупцией. Я этой проблеме посвятил лет 15 жизни, если не больше. Приходилось работать, против моей воли, и в соответствующих органах.

— Вы были председателем КГБ?

— Нет. Министром внутренних дел... Я категорически

отказывался, но было принято подчиняться партийной дисциплине... И потом, когда возглавлял партийную организацию республики... Я искренне верил, что коррупцию можно искоренить, что справедливость восторжествует, если во главе республики или ведомства стоит честный человек, который не боится вести эту борьбу. Были какие-то результаты: коррупция стала меньше по масштабам. Но в конце концов я убедился, что эта борьба не имеет должного эффекта, поскольку и коррупция, и взяточничество, и злоупотребления — это сопутствующие явления. Пока существует дефицит товаров, продуктов, услуг, какие бы ни были жестокие законы и жестокие исполнители законов, это зло не удастся искоренить. Истоки этих пороков я искал и находил в самой системе. Это консерватизм экономики, централизованная система, монополия на собственность. Это монополия одной партии на власть — и это влияет на экономику, безусловно. Человек, личность, главный субъект экономической жизни, — отодвинут на второй план.

— Вы 15 лет боролись с коррупцией, с мафией — что же, теперь порок уменьшился?

— Нет, наверное, меньше не стал. Сейчас мы на переходном этапе, и процесс перехода к новому состоянию затягивается. Очень затягивается. Естественно, что сейчас выходят на арену новые силы. Среди них есть люди, которые решительно заинтересованы в прогрессе, и в личном плане, так сказать, и с точки зрения интересов общества. Но выходят на арену и мафиози, как вы говорите. А мы опять делаем ставку на администрирование, опять создаем новые законы — ограничить кооператора, ограничить предпринимателя, собственника. Так ничего не построишь. Нужны экономические стимулы, экономические законы. Вот в ходе процесса формирования экономических стимулов и будет формироваться новый человек, новая личность, производитель, предприниматель или просто исполнитель, но другой человек, который кровно заинтересован в успехе дела, в конечном результате.

— В период Вашей борьбы с мафией как высоко проникали мафиози в органы власти?

— Они и сейчас сидят во всех структурах. Вы думаете, не сидят?

— Насколько они могут влиять на политику?

— В те времена они сидели в партийных органах. Некоторых разоблачили, наказали, а некоторых просто уволили, переместили. Знаешь, что взяточник, но не докажешь. Народ-то знает всё. Принимались как бы полумеры. Бывало говоришь такому: "Мы знаем, чем ты занимаешься, уходи пока не поздно!" Я как-то собирал человек сто — сто пятьдесят, знал, что у них наворованы миллионы. И пригрозил, что мы до них доберемся. "У вас дети, у вас семьи, у вас друзья, товарищи, в конце концов — Родина, — говорил я им, — хватит, вы накопили за эти годы, прекратите это!" Понимали, что в подходе заложен все-таки какой-то гуманизм, — и уходили, увольнялись, оставляли свой, так сказать, "участки"...

— Говорят, сейчас увеличилось влияние мафиозных структур на политическую власть?

— Что ж, чем больше ограничений в экономике, тем больше шансов для мафиози. Нужно больше свободы. Я считаю, что всякие жесткие рамки, всякие ограничения доходов не приводят к добрым порядкам.

— Вы дипломат и поэтому Вы дипломатично не ответили на мой прямой вопрос. Но я в данном случае репортер. Как вы полагаете, вот нити коррупции, которые идут от теневой экономики, в меньшей степени, — от прямого преступного мира, до какого уровня политической власти они поднимаются? Насколько они влияют на политические решения? Насколько высоко, а на каждом из уровней и насколько широко эти связи опутывают нынешнюю систему власти?

— Я не отвечаю прямо, потому что вижу причины. Пока существуют причины, пока существуют соответствующие условия, остановить коррупцию невозможно. И коррумпированные элементы найдутся и в Верховном Совете, и среди депутатов, и на уровне министров, не говоря уже о местных, муниципальных властях. Надо создавать условия, чтобы человек был заинтересован в конечном результате своего труда. Этот интерес — лучший контролер нравственности...

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ:

ПРЕЗИДЕНТ ГРУЗИИ ЗВИАД ГАМСАХУРДИА

Звиад Гамсахурдиа — сын известнейшего грузинского писателя Константинэ Гамсахурдиа, в прошлом диссидент и политический заключенный. Придя к власти в 1991 году в результате демократических выборов, проявил жесткую нетерпимость и к национальной оппозиции, и к национальным меньшинствам, что привело к прямым вооруженным конфликтам по всей территории этой кавказской республики. Сторонники президента подчеркивают его бескомпромиссную позицию в борьбе за полную независимость Грузии. Его противники напоминают о факте предательства, когда в начале 80-х годов Гамсахурдиа, будучи арестован за антикоммунистическую деятельность, выступил по телевизору с раскаянием и покаянием, что помогло ему избежать наказания той степени суровости, какую применяли обычно к диссидентам. Сегодня Грузия остается ареной непрекращающейся острой политической борьбы, постоянно переходящей в борьбу вооруженную.

— В Грузии сменилась власть. Коммунисты ушли. И что же, они выпустили из рук всё; чем распоряжались? Отдали всё, чем владели до сих пор?

— Я вам расскажу все детально. Еще в 1990 году коммунисты увидели, что терпят крах. Народное, национальное движение поднялось, все объединились против них, и готовились выборы. Мы начали бороться за демократический избирательный закон, прибегли к забастовкам. И добились своего! Как только они увидели, что закон принят, они начали мобилизовывать мафию. Мафия — директора крупных заводов, руководители агропрома... Агропром — это точно мафия, все деньги, все средства вытягивает из крестьян и миллионами вертит. Вытягивает в виде взятки, приписок. Движением этих миллионов, миллиардов рублей и руководит партийный босс, заместитель председателя Совета министров некто Мгеладзе. Он это место купил. Он был человеком Шеварднадзе. Можно сказать, что Шеварднадзе эту мафию узаконил. У него репутация борца против мафии, а на самом деле он — с ними.

— Но в конце концов вы их победили и стали Президентом. Что же, борьба с мафией закончилась?

— Нет, я их не смог победить. Мы компартию победили.

* Публикуемая беседа состоялась в июле 1991 г. в Москве.

А компартия — это внешняя ширма, они за ней стоят в тени. До сих пор каждый день отстраняем от должностей. Какого-то выявим, отстраняем. Но их столько, что быстро не справиться.

— А как вы их выявляете?

— Вижу, что человек занимается саботажем, продолжает грабить государство, приходит на него досье...

— Досье приходит в каком виде?

— Это бывает по-разному... Я имею в виду и досье из КГБ. КГБ сейчас наш. Он не существует как политическая полиция, он у меня как милиция. Понимаете? Я оттуда выгнал всех, кто фактически был сотрудником Москвы, туда доносил. Немножко почистили... Досье приходит и по линии Министерства финансов, по линии финансовой инспекции... Но все невозможно контролировать, потому что мафия всюду. Фактически можно сказать, что мы завязли в этом болоте. Это гидра со многими головами.

— Получается, что мафия практически всем распоряжается? Что же будет дальше? Как у них отнять эту власть?

— Не знаю. Я очень пессимистически настроен. Они пытаются и парламент у меня купить, и министерства купить. Прямо подкупают. Доходят до меня слухи, что даже в моем окружении есть взяточничество. Пробрались! А в Москве у них боссы. Этот, который бежал сейчас из Тбилиси, — он преступник перед народом — Мгеладзе. Волков, по-русски. Гурам Мгеладзе. Он сейчас здесь, ему дали сейчас место в здешнем агропроме, потому что его защищает батюшка. Он был его главным доверенным лицом в Грузии.

— Батюшка — это Горбачев?

— Да, конечно он, самый первый... Против меня в Москве кампания — называют фашистом, Хусейном. В газете, вот видите, — там вот рука моя, это я как будто Гитлер. Это мафия работает. А Мгеладзе дает деньги. Они скопили несколько миллионов и выдвинули своего кандидата на пост президента. Кремлевского человека. Он сам

экономист, профессор. И хотели протащить. Но народ раскусил. Народ знает, он все знает... Но я все же бессилен перед ними.

— Года через три в чьих же руках будет вся собственность в Грузии?

— А вот я сейчас и боюсь, что опять в их руках. Сейчас они, как шакалы, открыли рот и ждут, когда будет закон о приватизации. Как только будет закон о приватизации, они кинутся на всё. Теперь разбери, кто какой. Я их поименно не знаю, их десятки тысяч. Поэтому я хочу закон о предприятиях, о приватизации сделать очень строгим. И не так, как это бывает на Западе. Им что, там нет такой проблемы. У них есть честный предпринимательский класс, предприниматели не являются врагами своего народа, не являются агентами чужого государства. Правда? И в их руках предприятие служит добру, народу... а эти — откуда я знаю, кто откуда пришел. Возьмет предприятие, завод, постепенно купит все имущество. Опять нас задушит.

— Но каждый предприниматель будет подчиняться законам рынка, если, конечно, он выступает от собственного имени, а не есть лишь подставное лицо, лишь служащий какой-то структуры, не так ли?

— Но эта структура может быть невидимой. Понимаете? Есть некий подпольный клан. Волк волка чует, а это волчий клан, где все друг друга понимают, друг друга поддерживают. У них и в правительстве есть свои чиновники, несмотря на мой принципиальный характер и небывалую чистку, за которую они меня ненавидят. Эта мафия опять воспрянет, если приватизация будет бесконтрольная. Поэтому я сейчас и хочу создать строгий государственный контроль — Комитет государственного контроля, который должен все поставить на место, который должен даже смотреть и на личность каждого, кто претендует на собственность.

— А как это — "поставить на место"?

— Будет практический контроль, инспекция будет. Мы пригласим туда очень мало народу, только честных людей,

особенно среди женщин есть такие, не падкие на эти проклятые деньги, — люди, которым Грузия дорога, наша свобода дорога. Вот таких людей надо собрать и установить государственный контроль.

— Государственный контроль над процессом приватизации?

— Обязательно. Без этого мы погибнем.

— А как он будет осуществляться?

— Будет осуществляться. В Литве ведь сделали, несмотря на то, что Литва — самая антисоциалистическая страна, — сделали. Контроль нужен, без этого я приватизацию провести не смогу, это единственное спасение от мафии. Единственное! Сейчас они политической силы уже не имеют, но экономическую — огромную. А экономическая сила — основа политики. Поэтому они не теряют надежды. Но авторитета у них нет. Личности нет, чтобы мне противопоставить... Они постарались — и пять личностей вывели. Один получил — один процент, другой получил — два процента, один — самый популярный среди них! — получил семь процентов.

— Какова же структура мафии, которая вам противостоит?

— Верхушка, которая управляет, заправляет, — чисто партийная.

Средняя часть — коммерческая. Это директора, распорядители, технологи. Это миллионеры. Фрукты, вино — все это огромные деньги. Их богатства — результат обмана, приписок, обвеса, фальсификации.

— Многие предполагают, что КГБ и мафия связаны между собой. Известно, что у КГБ было много осведомителей. Теперь же грузинский КГБ, кажется, подчиняется вам?

— Но не совсем. Частью подчиняется, маленькой частью. А остальная часть все-таки Москве служит. И, кроме того, они сейчас, как двери универмага: когда я хочу — я открываю, когда Москва хочет — она открывает.

Я из них выжимаю свою информацию, Москва — свою. На самом деле я знаю, что большинство из них предатели.*

— Они вам дали списки осведомителей?

— Не дают, хотя я требую. Я сказал, что если вы мне списки не откроете, тогда я объявляю вам войну. Они Москву боятся. Они слуги двух господ, а слуга двух господ всегда боится. Но я их постепенно беру под свой контроль.

— Что вы сделаете, когда откроете списки осведомителей?

— Думаю, что не оглашу. Я хочу здесь привлечь церковь. Чтобы осведомители исповедовались, и тогда я им прощу прошлое. Но если в будущем они будут продолжать, то нет, не прощу. Другого выхода нет — здесь 40 тысяч осведомителей.

— Тех, кому они служат, вы и называете мафией? Вам не позавидуешь!

— Да, сейчас очень опасно. Я не знаю, что завтра они сделают. Я сам не знаю. Я как на вулкане сижу. Очень плохое положение.

**— Но за вас 90 процентов избирателей...
А если пройдет успешно приватизация в России, вам тогда легче будет?**

— Конечно. Тогда мы вздохнем. Наша мафия — люди Москвы.

* Противоречия в описании характера взаимоотношений с КГБ оставляем на совести г. свидетеля — Л.Т.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАССТРЕЛУ

Я не знаю, когда именно расстреляли Вахаба Усманова, министра хлопкообрабатывающей промышленности Узбекистана — моего сокамерника по Лефортовской тюрьме. Его судили в августе 1986 года — почти через год после того, как мы расстались. Я к тому времени уже отбывал первые месяцы назначенного мне шестилетнего срока в лагере строгого режима — за "антисоветскую агитацию и пропаганду" — и, прочитав в газетах, что бывший министр приговорен к смерти, ясно представил себе и даже сам отчасти ощутил ту растерянность, тот холодный ужас, которые наверняка охватили Вахаба в момент оглашения приговора...

Еще тогда в Лефортове он ждал смерти, о будущем говорил с тоской и страхом, и нам, его сокамерникам, приходилось ежедневно, а то и по нескольку раз в день утешать его, размышляя вслух, — впрочем, вполне искренне, — что-де самое большее, что ему о т п у с т я т, — лет девять-десять лагерей. Но скорей всего, даже меньше... Иногда он просил нас погадать, и мы — я и третий наш сокамерник — выбрасывали ему на пальцах и вовсе лет пять-шесть. Мы щадили его и помногу старались ему не отпускать...

Позже, глядя в газетное сообщение, я сумел придумать только одно объяснение жестокому приговору: вот началась крутая к а м п а н и я — на сей раз против коррупции, — и вслед за "хлопковым делом", вслед за расстрелом министра мы услышим и о других делах, о других казнях высших республиканских чиновников... Но нет, никакой кампании не последовало.

Зачем же министра-то расстреляли? Ведь, право, не был же он сознательным и закоренелым злодеем — убийцей или насильником! Да и в тех-то преступлениях, которые ему вменялись (взятки, приписки), при внимательном взгляде оказывалось, что он никак не мог "идти паровозом", то есть быть лидером преступной группы. Казалось, достаточно следствию хоть чуть вникнуть в экономический и политический механизм открывшихся криминальных отношений, чтобы понять что речь тут идет о всереспубликанской (это как самое меньшее - о республиканской) с и с т е м е коррупции. Именно о системе. И уже по одному только своему положению в структурах власти и в этой системе, еще десяток, — как минимум, десяток!

— руководителей республики были куда влиятельнее, куда более ответственные, чем отраслевой министр...

Как я ни думал над делом, перечитывая короткое газетное сообщение, но для казни Вахаба Усманова не находил сколько-нибудь резонных объяснений... Казалось, судьба несчастного министра кем-то намеренно обособлена, отделена, очерчена роковым кругом, и от этого р а с с т р е л обретал характер некоего особенно значительного, хоть пока и не разгаданного, таинственного акта...

Мы прожили жизнь в таинственном мире социализма. Таинственно в нем не только то, что с е к р е т н о, то есть намеренно скрыто, запрытано, но и то, что у всех на виду — на виду, да не понято, не изучено. И не только не изучено, но сплошь и рядом намеренно ложно трактуется, — и чем шире расходится ложь, тем таинственнее то, что простирается вокруг.

Вот, скажем, все знают о широком размахе коррупции в стране. Но где её начало, каково значение в политике и экономике, чем грозит она обществу? Ни у социологов, ни у экономистов, ни у политэкономов нет сколько-нибудь разработанной теории, которая трактовала бы коррупцию не как цепь криминальных событий, но именно как единое явление эпохи социализма — явление всеобъемлющее, историческое..

До сих пор только от юристов, от следователей, в частности, узнаем мы и все подробности знаменитых "узбекских дел", — и речь здесь идет как раз о многочисленных фактах коррупции, о многомиллионных, если собрать их вместе, суммах взяток. Но свидетельства юристов односторонни: следователя прежде всего интересует криминальный факт — кто д а л взятку и кому, где и когда, в каком виде и сколько. Момент преступления, эпизод, событие! И, кажется, чем крупнее сумма взятки, тем событие значительнее... Событие — да, значительнее! Но я в л е н и е как раз лучше понимается тогда, когда в массе событий виден его размах вширь, когда во внимание принимаются события совсем мелкие, едва различимые...

Полагаю, что золотые клады, бриллианты, трехлитровые банки с царскими червонцами и молочные бидоны, полные советскими купюрами, — все эти вещдоки, на которые так любят упирать и следствие, и печать, — не так удивят потомков, не так привлекут их внимание, как ценности

иною рода, которые куда чаще, чем золото, упоминаются в опубликованных документах следствия:

"В ноябре-декабре Дустов у себя дома в Бухаре от первого секретаря Гиждуванского РК КП Узбекистана получил в качестве взятки 20 000 рублей, мужской кожаный пиджак стоимостью 500 рублей, мужское пальто стоимостью 200 рублей, импортный магнитофон стоимостью 1 500 рублей и коробку восточных сладостей стоимостью 10 рублей..."

"В это же время летом 1981 года мне понадобился лесоматериал для строящегося в Шахрисабзе дома. Я обратился к Рустамову, который выполнил мою просьбу, дал три кубометра досок и брусьев... Таким же образом в середине 1982 года Рустамов дал котел, батареи, трубы для отопительной системы..."

"Председатель правления Бухарского облпотребсоюза Гани Мирзабаев (посетовавший как-то одному из журналистов, что первый секретарь обкома Каримов превратил его в "своего личного завхоза") каждое утро покупал в соседней пекарне дюжину горячих лепешек, а его шофер немедленно отвозил их вельможному сановнику. Мелочь, конечно. Однако только лепешек более чем на 10 тысяч рублей за эти годы."

"Список разнообразных "передач" Дустову состоит почти из тридцати пунктов, среди коих и "10 пар импортных носков на сумму 14 рублей", и "10 чапанов общей стоимостью 2500 рублей." А всего на десятки тысяч." *

Всё это взятки, но взятки особенные. Ни одна из них — не событие. Обыденная жизнь! Кто же не знает, что за любой дефицитный товар (а какой — не дефицитный?!) за любую услугу всегда надо платить сверх установленной цены. Кто же из нас, советских граждан, не переплачивал, не давал "на лапу", не "подмазывал" продавца, кассира, чиновника, милиционера, врача в больнице, профессора в университете... кого там еще?! И никогда и никем это не считалось за событие. Кто же не давал "нужным людям" то коробку конфет, то три кубометра пиломатериалов, то импортные носки... Может быть, наиболее точную формулу этой жизни нашел бывший секретарь ЦК компартии Молдавии, впоследствии крупный чиновник ЦК КПСС В.Смирнов, арестованный за взятки вскоре после Усманова, но, в отличие от несчастного Вахаба, без последствий отпущенный на свободу: "Понимаю, что это взятка, но в

* Гдлян Т. Пирамида. — "Страна и мир", 1989, №3, с. 58-63

силу существующей обстановки относился к ней как к нормальному явлению".

"В силу существующей обстановки" все берут и все дают. Разве может считаться уголовным преступлением, что человек живет, как все?.. Разве в уголовном процессе должен рассматриваться нормальный стиль жизни? Вахаб Усманов, даже сидя в тюрьме, никак не мог принять всё с ним происходящее именно как уголовное расследование. Он, конечно, был знаком с Уголовным кодексом, но в жизни-то царило не книжное, юридическое, но живое — о б ы ч н о е право. И то, что теперь следователь называл "взятками", "приписками" или "хищениями", — было нормальным повседневным о б ы ч а е м хозяйственной практики, внутрипартийных отношений да и просто жизни. Он и жил, как все вокруг него, — и брал, и давал, — и никакой особенной вины не знал за собой...

Здесь, в тюрьме, ему казалось, что он вовлечен в какую-то, неожиданно и неизвестно откуда свалившуюся пропагандистскую кампанию "по борьбе с коррупцией" — в кампанию, о которой всех, кроме него, вовремя предупредили и поэтому все сумели как следует подготовиться, составить отчеты, привлечь благоприятные п о к а з а т е л и... а его предали, принесли в жертву, а то сидел бы он теперь не в камере, а вместе с другими где-нибудь в президиуме и произносил бы гневные слова осуждения взяточникам — вроде тех, что теперь приходится выслушивать от следователя и прокурора... Ну кто же всерьез станет заявлять, что можно прожить без взяток и приписок! Нет, прожить-то, может быть, и можно, но вот остаться в кресле министра, успешно выполнять свои служебные обязанности — нет, нельзя!

Куда реже, чем на самом факте получения взятки, следствие акцентировало внимание на мотивах криминальных поступков. Когда всё-таки приходилось об этом заговаривать, то оказывалось, что самым распространенным мотивом получения взятки была... необходимость, в свою очередь, давать взятку. Похоже, не только Усманов, но никакой секретарь обкома, или министр, или всякий другой мало-мальски ответственный советский чиновник не может исполнять свои служебные обязанности без того, чтобы б р а т ь: ему попросту не из чего было бы д а в а т ь. Бывший первый секретарь Бухарского обкома партии А.Каримов, приговоренный, как и Усманов, к расстрелу, но опять-таки, в отличие от нашего несчастного Вахаба, помилованный, объяснял во время следствия: "Кто

д а в а л, тому ресурсы давали. Отдел Госплана запросто решал судьбу целой области, равной по территории европейскому государству... Даже фондовые товары и ресурсы невозможно было получить в полном объеме без дачи взяток... Жаловаться было некому, потому что все руководители партийных и советских органов, министерств сами получали взятки в различных видах." *

Советская экономика — чудовищного размаха "черный рынок". Здесь ничто не продается свободно, всё — дефицит, но всё что угодно можно приобрести, если знать, кому д а т ь. Усманов рассказывал, что каждый раз, приезжая из Ташкента в Москву, он, министр, чувствовал себя так, словно попал на базар: Минлегпром и Министерство внутренних дел, Главное таможенное управление и Главснаб; даже, страшно сказать, Генштаб Советской Армии, даже Спорткомитет — куда только не возились подарки, где только не вручались взятки, кого только не приходилось за свой счет (вот когда средства нужны...) ублажать застольем, пикником, сауной!..

Как-то Вахаб сказал, что вот в этой вот нашей Лефортовской тюрьме КГБ, где мы сейчас сидим, он, еще в бытность свою министром, однажды уже гостевал, но совершенно по другому поводу: оказывается где-то в тюремных недрах есть роскошная сауна, куда навещаются друзья и друзья друзей здешнего начальства... С кем-то он здесь парился: сауна — прекрасное место для деловых разговоров! В бане, а не в Госплане решались судьбы социалистической экономики. В бане, в ресторане, на загородной даче. Причем здесь в Москве все услуги стоили намного дешевле, чем в Средней Азии: скажем, пара золотых безделушек, удачно подаренных в Минлегпроме СССР, которому непосредственно подчинялся узбекский министр со всем своим министерством, давали возможность изменить в свою пользу плановые п о к а з а т е л и, на миллионы снизить плановые отчисления, направляемые в государственную казну...

Не надо думать, что Усманов приезжал сюда обмануть, хапнуть, украсть, лично обогатиться. Нет, он был предан своему профессиональному долгу, был рачительным хозяином своей отрасли, и его общение с московскими, ташкентскими, бакинскими и другими чиновниками было обычной деятельностью руководителя-хозяйственника. И не потому, что он был безнравствен, а потому, что, похоже,

* Гдлян Т. Пирамида. — "Страна и мир", 1989, №3, с. 58-63

иначе не работала, не могла работать сама машина социалистической экономики... И вот в этой неспособности социалистической хозяйственной системы обходиться без взятки, без так называемых "теневых отношений", без широко разветвленной системы черного рынка куда больше таинственного, чем во всех закопанных кладах или мафиозных дележах.

За три четверти века своего правления в России коммунисты сделали все, чтобы уничтожить сами отношения купли-продажи — по крайней мере в сфере производства — и целиком заменить их централизованным планированием и распределением ресурсов. Но нет, живые потребности людей, здравый смысл общества, потребности производства далеко не совпали с планами и разнарядками коммунистических чиновников, и поэтому (именно поэтому) даже в условиях жестокого запрета, даже под страхом уголовных преследований, даже под страхом смерти рыночные отношения не только сохранились, но и глубоко и, я бы сказал, п о б е д н о пронизали всю систему социалистической экономики... но только в обход действующих социалистических запретов и разрешений, в виде всеобъемлющего ЧЕРНОГО РЫНКА.

Рынок этот замечательно интересен!...

Одна из его странностей заключается в том, что здесь продавец торгует товаром, который ему не принадлежит, а покупатель... не становится владельцем того, что покупает. Частной собственности нет! Хлопок, или машины, или трубы, или бумага, а тем более земля, лес, ирригационные системы, фермы, заводы не принадлежат ни секретарям обкомов, ни министрам, ни председателям колхозов... Но им принадлежит вся полнота власти над этими богатствами, как, впрочем, и над людьми, которые эти богатства приумножают. Вот власть-то распоряжаться товаром как раз и продается и покупается. И рынок власти — вершина советского "черного рынка". И "товар — власть" — самый дорогой, но и самый выгодный... Точно ли надо понимать все это как коррупцию, то есть разложение социализма, или здесь как раз его самая суть, и иного социализма в принципе быть не может?

Но если сама доктрина коммунистов и все ее пагубные последствия для человечества подробно исследованы многими учеными и писателями нашего века (от скромного, но проницательного Б. Бруцкуса — еще в начале 20-х годов, до великого Ф.Хаска и всеобъемлющего А.Солженицына — в недавнее время), то механизм "черного рынка" именно

как всеобъемлющий феномен социализма остается не изучен до сих пор и от этого кажется исключительно сферой криминального и таинственного.

Начало расследований в Узбекистане теперь связывают с кратким правлением Ю.Андропова. Действительно, к моменту его вступления в должность становилось все более и более очевидным, что власть в стране является откровенно рыночной ценностью. И буквально первые же расследования подтвердили этот процесс документально: то за 10 тыс. рублей покупается место секретаря райкома партии, то на базар выносятся должность начальника областного УВД, то продается возможность быть директором совхоза. Словом, "черный рынок" власти стал таким же обыденным явлением, как и "черный рынок" бытовых товаров или должностных услуг.

Но это было бы еще полбеда... Само по себе это, может, и вовсе не должно вызывать тревогу высшего партийного руководителя: ведь он прекрасно знал, что ни партийные, ни хозяйственные должности никогда не давались бесплатно. В прежние времена, правда, платить за предоставленную власть приходилось все-таки не напрямую деньгами, но иной, куда более ценной валютой: преданностью доктрине и начальству, безоговорочным согласием соблюдать установленные правила партийных отношений и главное — хорошими показателями выполнения планов и разнарядок сверху... Именно эти показатели и всегда были важнее денег! И сомнение Андропова, надо полагать, вызывал не нравственный облик чиновников. Вся беда, вся опасность состояла в том, что власть, которую прежде нельзя было оплатить ничем, кроме преданности и хороших показателей, теперь продавалась за деньги.

В отрывках из следственных дел, опубликованных Т.Гдяном (его роли в узбекских расследованиях мы еще коснемся), есть один эпизод, где с поразительной ясностью столкнулись фундаментальные принципы коммунистической доктрины и всепроникающая реальность рыночных отношений...

Допрашивается милицейский начальник областного масштаба: "Я считал, что у меня показатели не хуже, чем в других областях, но понимал, что с миинистерством шутки плохи..." — объясняет он следователю, и нужно иметь каменное сердце, чтобы не посочувствовать человеку. Мы помним: показатели — главная ценность коммунистической доктрины! Что же делать, если начальство недоволено твоими показателями? А вот что:

"Я считал, что у меня показатели не хуже, чем в других областях, но понимал, что с министерством шутки плохи. Я знал, что Дустов дает взятки министру, и решил через него дать взятку Эргашеву. Я вручил Дустову 10000 рублей и попросил передать министру". *

Как просто! И кто возьмет на себя смелость утверждать, что этот случай — единственный в своем роде или что вообще у фактов такого рода есть некая географическая или национальная особенность? Освежим в памяти хотя бы совсем недавнее тихо расследованное и без широких обобщений проведенное "Краснодарское дело" (его, кстати, расследовал тот же следователь К.Майданюк, который был руководителем следственной группы по делу Усманова). Или вспомним давнишнее, еще 1960 года, тогда так и не перешедшее в стадию уголовного расследования дело о грандиозных приписках в Рязанской области, закончившееся самоубийством секретаря обкома партии Ларионова... Да сколько их было, таких дел, сколько их есть — есть и будет!

Если же в этом эпизоде нет ничего уникального, если это стремление превратить социалистические показатели в отношения купли-продажи — всеобщая норма... то можно ли понять реальности социализма, разглядывая одну лишь "административно-командную" сторону системы? Как не увидеть, что советская действительность проявила парадоксальную историческую закономерность: власть, которая ограничивает или даже вовсе запрещает здоровые рыночные отношения купли-продажи, сама неизбежно становится рыночной ценностью и предметом спекуляции. На нее как бы переносится ценность всего, что запрещено. И этот процесс не есть ли историческая суть нашей эпохи?

... Стремление к власти заложено в человеке на биологическом уровне. Оно не исчезает и в тюрьме, где, кажется, решительно не над кем и не над чем властвовать и, напротив, все вокруг жестко властвует над тобой. Не исчезает — лишь принимает извращенные формы... Каждое утро Вахаб Усманов доставал из тумбочки красную картонную папку, подаренную ему следователем, и присаживался к той же тумбочке, заменявшей в камере стол, — писать показания. День за днем он вспоминал своих взяткодателей и тех, кому он давал сам. Все это были люди при власти, и жили свободно, и не думали о том, что судьба их теперь зависит от человека, сидящего в

* Т.Гдян, Пирамида — "Страна и мир", 1989, №3, с. 58-63.

лефортовской камере и складывающего в красную папочку исписанные листки, и на каждом — новое имя, новое дело. Все они теперь в его власти... Уже позже, то ли где-то на пересылке, то ли даже в лагере догнал меня слух от кого-то из усмановских подельников, что всего Вахаб "повязал" с собой 400 человек. Вспомнив красную папочку, я поверил этому слуху.

В течение многих лет узбекские партийные и хозяйственные руководители отчитывались перед центральной властью дутыми показателями: к реальным количествам хлопка-сырца, сданного государству, приписывались миллионы тонн. Деньги, полученные за приписки, похищались... Эти украденные миллиарды в конце концов оказались вспрыснуты в теневые чернорыночные отношения, — в том числе и в куплю-продажу должностей, — что и способствовало всеобщей коррупции в республике. Такова известная уголовная формула...

Как выглядит преступник, мы уже немного знаем: вот он сидит в тюремной камере и пишет на листочках свои показания, и складывает в красную папочку... Но как выглядит тот, у кого украли? Вот ведь что изумляет: как это можно пять лет — как минимум пять лет! — не замечать, что тебя из года в год миллиардно обворовывают?

Рассказы о том, как начинались узбекские расследования, — со случайного разоблачения сорокатысячной взятки, вместо хлопка привезенной в Москву на какую-то текстильную фабрику, — эти рассказы для наивных. Как это можно лишь случайно заметить, что у тебя украли 2.000.000.000 рублей наличных денег? Как можно не увидеть, что в твоём хозяйстве на бумаге записаны, а на деле отсутствуют 4.000.000 тонн... да хоть какого бы то ни было товара, ну вот в нашем случае — хлопка?

А не заметить это можно только в одном случае... если замечать нечего, если у тебя ровно столько товара, сколько ты и купил. Никакого отсутствия, никакой недостачи, никаких приписок — все на месте.

Не знаю, были ли привлечены к "хлопковому делу" эксперты-экономисты, но если были, то не могли не увидеть, что "дело" это — интереснейший случай в практике ценообразования. Если вообще забыть о существовании п о к а з а т е л е й и начать считать только деньги и тонны хлопка, то задача получится простая, для начальной школы: покупатель (в нашем случае — государство)

ежегодно приобретал пять миллионов тонн хлопка, а платил как за шесть. Какой следует экономический вывод? А только тот, что наличный хлопок оказался на 1/6 дороже, чем предполагалось. Все, ничего больше!

Все разговоры о "дутых показателях", о деньгах, будто бы не обеспеченных товаром, — все это пустое.

Советская экономика в течение пяти лет спокойно мирилась с этим фактическим увеличением цены хлопка на 20% — и ничего, не развалилась (по крайней мере, тогда не развалилась), не встали бумагопрядильные машины, не замерли ткацкие станки, не опустели швейные фабрики, — а значит, с экономической точки зрения цена на хлопок, явочным порядком установленная узбекскими мощенниками, была разумна, то есть если и не вполне была она ценой равновесия между спросом и предложением, то близко к этому... Покупатель готов был платить такую цену, мог ее платить — и заплатил!

Здесь нам полезно знать, что номинальная закупочная цена на узбекский хлопок в последние годы в среднем в пять раз, а то и в десять раз — в зависимости от сорта — ниже мировых цен (если считать только по официально опубликованному коммерческому курсу валют): разница так велика, словно речь идет не о соседних странах, а о разных исторических эпохах, о другой цивилизации.

И уровень жизни в узбекской деревне — тоже из другой цивилизации. В большинстве случаев среднемесячные заработки хлопкоробов не дотягивают до 150 рублей, что в наше время и в местных условиях — ниже черты бедности. Нищета — главная причина не только социальной, но и хорошо известной экологической трагедии этих мест *

В некоторых областях этой республики насыщенность окружающей среды ядохимикатами, используемыми в хлопководстве, так велика, что каждые две молодые матери из трех кормят своих младенцев отравленным грудным молоком. Детская смертность здесь катастрофически высока и сравнима только с теми африканскими странами, где население поражено СПИДом... И вместе с тем нет возможности ни отказаться от применения дефолиантов и других ядохимикатов, — а именно они убивают и детей и взрослых, — ни нейтрализовать их убийственные последствия.

Хлопок у нас в стране дешев не потому, что его много

* Цифры 1990 года.

на рынке или он легко дается, — нет, рынка как такового нет, и дешевизна хлопка — искусственная. Цена занижена сознательно. (Впрочем, она так же занижена на все другие сельхозпродукты — на зерно, картофель, мясо и т.д. — по всей стране). В самой структуре цены на хлопок (как и на другие сельхозпродукты) нет ни полной стоимости рабочей силы, ни полной стоимости потребленных природных ресурсов. То есть изначально заложены и бедность крестьянина, и экологические катастрофы...

Вместе с тем цена — важнейший инструмент власти... Назначать цену — привилегия и право чиновников правящего аппарата. Или даже не просто привилегия и право, а некий фундаментальный, священный принцип коммунистической доктрины... И вот как раз на отрицании священного принципа и были пойманы (сами плохо понимая, на чем же их поймали) Вахаб Усманов и его "подельники"...

Однако вернемся к самому "хлопковому делу". Для собственного удобства мы сменили некоторые названия: о приписках показателей стали говорить, как о переоценке наличного хлопка... Но хищение-то — оно и есть хищение, его иначе не назовешь! Деньги, полученные в результате самодетельного увеличения цены, кто присвоил? Если посчитать, сколько потрачено на личное потребление всеми без малого тридцатью тысячами приговоренных по "хлопковым делам" и их семьями... то сложится сравнительно небольшая сумма, всего несколько десятков миллионов. Но похищено-то несколько миллиардов! Где же остальное? Понятно, что дехканам, чья месячная зарплата не дотягивает до 150 рублей, от этих денег не перепало ни гроша. Впрочем, если бы за хлопок было уплачено строго по закупочным ценам, дехканам все равно не досталось бы ни на рубль больше нынешнего.

Между тем похищенные деньги и впрямь исчезли, таинственно канули. Или уж, по крайней мере неузнаваемо изменили свой прежний вид и экономическую суть: в результате аферы, будучи выплачены по фиктивным ведомостям за несуществующий хлопок, деньги эти были напрочь и навсегда изъяты из планового социалистического оборота и брошены в море стихийных экономических отношений. Из денег безналичных, прозрачно циркулирующих в том мире, где существуют плановые и отчетные показатели, они превратились в наличные деньги, принятые к хождению в мире живого спроса и предложения. Или, иначе говоря, деньги эти поступили на "черный рынок"

— и здесь продолжили свою жизнь и в сфере распределения ресурсов и продукции, и в сфере распределения власти.

Мы ведь помним особенности "черного рынка": здесь не только циркулируют сами материальные ценности, сколько власть распоряжаться ценностями. За живые наличные рубли на черном рынке покупается не сам автомобиль, или трактор, или тепловоз, но лишь право прийти в ту или иную распределяющую организацию и оформить покупку соответствующего товара у государства. Наличными мы платим кому-то, кто имеет власть распоряжаться нужным нам товаром. При этом в государственную кассу будут переведены плановые безналичные средства, а за саму возможность купить вы и заплатите наличными.

Взятка? Пожалуйста, взятка. Но взятка, среди прочих ее значений, в наших условиях есть еще и особый инструмент выравнивания цены в соответствии со спросом и предложением. Инструмент, при помощи которого в структуру цены вводится дополнительная плата за разрешение, плата за то, чтобы обойти существующие запреты. Очевидно, что запрет — всегда источник быстрого дохода для того, кто имеет власть произвольно накладывать или ослаблять запреты. И всегда убыток для того, кто должен их обходить... Запреты, наложенные на экономику коммунистами, всегда стоили и теперь стоят народу, обществу колоссальных затрат. Особенность же нашего времени в том, что затраты чаще и чаще — наличные, живые, "чернорыночные" деньги. Все чаще разрешение можно купить — в прямом смысле этого слова.

Сегодня, слава Богу, обороты черного рынка начинают оцениваться не только юристами и журналистами, но и профессионалами-экономистами. Например, в программе "500 дней" упоминались 146 миллиардов чернорыночного дохода... Но, увы, по-прежнему "черный рынок" понимается только как криминальная, "теневая" сфера, противопоставляемая той экономике, что гласно и легально контролируется правящим аппаратом. И от этого его истинная, всеобъемлющая роль в жизни страны все еще ускользает от внимания специалистов, и тут как бы не упустить сути важнейших изменений, происходящих в стране...

За "хлопковым делом", за обнаруженным нами скромным фактом переоценки хлопка открывается явление эпохальное: закономерная и исторически неизбежная переоценка самой власти. В ее механизме все меньшее значение придается социалистическим показателям и все большее обретают наличные деньги и иные рыночные ценности. С

исторической неизбежностью коммунистическая доктрина превращает страну в грандиозный "черный рынок", а правящий аппарат — в уголовную мафию... Нам остается только надеяться, что процесс этот не пойдет быстрее, чем демократизация политической системы и оздоровления экономики на основе частной собственности и открытых рыночных отношений.

У человека в тюрьме остается только то, что ему дано от рождения, от Бога истинного, неотъемлемого: разум, доброта, любовь, отчаяние, злоба; а всё, что пришло от людей — карьера, почёт, богатство — всё отходит, исчезает. Глядя на Усманова, трудно было представить, как этот тоскующий растерявшийся ребенок, даже у нас, сокамерников, выпрашивающий хоть крохи надежды, мог быть властным и, по всей видимости, жестоким хозяином большой промышленной отрасли — заводов, приемных пунктов, тысяч работников. Здесь в камере он был жалок в самом прямом смысле слова — он вызывал жалость. К примеру, он не умел даже подстричь себе ногти и, получив от надзирателя ножницы, некоторое время соображал над ними, словно вспоминая, как с ними обращаться. Он еще кое-как справлялся с ногтями левой руки, на правой же ему стриг наш третий сокамерник, университетский профессор, посаженный за какие-то темные махинации с иностранными студентами. Вахабу эта маникюрная процедура явно доставляла удовольствие, он смеялся и по-узбекски произносил какие-то ласковые слова, объясняя нам, что дома ногти ему стригла жена... Профессор сердился и требовал, чтобы клиент не дергался.

Чем дальше шло расследование, тем, видимо, труднее давалось Вахабу ощущение собственной значительности и причастности к верхнему, избранному слою общества. Ощущение это то укреплялось, то умаялось и зависело даже от того, какого чина следователь вел очередной допрос: когда бывало, что приезжал большой начальник, скажем, заместитель Генерального прокурора, и расспрашивал о характере взаимоотношений в высшем партийном руководстве, Вахаб после такой беседы возвращался в камеру оживленный, в приподнятом настроении, словно его вновь прикрепили к партийному пайку... когда же шли обыденные выяснения мелких обстоятельств и допрашивали его какие-нибудь старшие лейтенанты провинциальных прокуратур, за необъятностью дела приглашенные в помощь столичным следователям, он приходил подавленный, отказывался играть в шахматы, ложился на койку, отворачивался к

стене и так лежал часами. Иногда даже вспоминал, что его дед был из духовного сословия, и начинал молиться, громко призывая Аллаха...

Между тем следствие шло как бы зигзагом, и, судя по тому, что рассказывал Усманов, хоть и были раскрыты уже все эпизоды, ясны все обстоятельства преступных деяний, всё же совершенно непонятно было, какую следует дать им окончательную оценку. А ведь советская юридическая практика такова, что без окончательной оценки, данной в соответствующих партийных инстанциях, и суд не соберется. По таким крупным, государственного значения делам суд-то ведь для того и состоится, чтобы соответствующим образом оформить мнение партийного руководства и превратить его в приговор... Вот и здесь словно все ожидали, что вот-вот должно состояться чьё-то решение.

Заметим, что все самые крупные узбекские дела были начаты органами КГБ. Так исторически сложилось, что структура КГБ была строго централизована, строго подчинена Москве и совсем почти неподконтрольна местным партийным органам... Словом, сама воля к началу кампании, само решение о её начале исходило сверху — должно быть, и впрямь от Андропова лично. Но это неправда, что Андропов чётко видел "суть происходящих процессов, их истоки и причинные связи." Видел бы, так не начинал бы самой кампании. Или, по крайней мере, с самого начала придал бы ей совсем иной, более ограниченный характер. А то ведь, затеявая разбирательство, он, видимо, простодушно предполагал, что речь как раз и пойдет о коррумпированной верхушке республиканского партийного руководства. Это были его люди, его подчиненные, и он считал себя вправе спрашивать с них как угодно строго или вообще убрать их, заменить другими. И вовсе ему не казалось страшным, если даже откроются какие-то связи ташкентских коррупционеров с московскими. Тем основательнее будет чистка... Бывший глава КГБ чувствовал себя как бы благородным садовником, призванным оздоровить вверенный ему партийный сад.

В действительности всё оказалось куда сложнее, и главные роли распределились иначе. Андропов ошибся, думая, что начинает "домашнее", внутрипартийное расследование. Горбачев, вынужденный продолжать это легкомысленное начинание предшественника, располагал уже материалами следствия и не мог не понять (а может, понимал всегда, еще до всяких узбекских расследований), что по самой должности Генсека и он, и все его

предшественники не то что не садовники, но самые что ни на есть центральные фигуры разветвленных криминальных структур. Их вожаки, лидеры, паханы, "крестные отцы". И как бы ни была сильна их личная власть, изменить в этих структурах они ничего не могут. Сама криминальная основа, сама уголовная суть коммунистической доктрины, сама суть и его, Генсека, собственной власти открылась в узбекских делах — обнаженно, откровенно, без всякого словесного идеологического прикрытия... Партия превратилась в мафию.

Лучшее, что мог сделать Горбачев в этой ситуации, — принять к сведению добытую информацию и... как можно скорее прикрыть дело, придав ему тот самый локальный характер, которого следовало держаться с самого начала. Безответственные предложения иных политиков разобраться до конца только раздражали его. Известно, что однажды это раздражение было обращено на Ельцина, который, еще в бытность свою секретарем ЦК партии, ездил с инспекцией в Узбекистан и, вернувшись, стал докладывать о фактах коррупции: "Вдруг Горбачев рассердился, сказал, что я совершенно ни в чем не разобрался, Усманходжаев — честный коммунист, просто он вынужден бороться с рашидовщиной, и старая мафия компрометирует его ложными доносами и оговорами..." *

Горбачев как бы дает формулу, которой должно пользоваться при рассмотрении узбекских дел. "Старая мафия" — те криминальные структуры, что открылись общественному вниманию. "Честные коммунисты" — всё то, что мафии противостоит. Таким образом из сферы экономики и политики всё дело переводится в область морали и лингвистических построений. Для специалистов в области пропаганды, всё дальнейшее — дело техники! "Честные коммунисты" сразу же и запросто одолели "старую мафию" — об этом мы можем прочитать, скажем, в статье всё того же И.Усманходжаева, первого секретаря ЦК Узбекистана, опубликованной через год после смертного приговора Усманову:

"На XXVII съезде КПСС, январском (1987г.) пленуме ЦК деятельность Компартии Узбекистана была подвергнута суровой, но справедливой критике. Особо резкая, нелестная оценка была дана допущенным в недавнем прошлом извращениям ленинских

* Б.Ельцин. Исповедь на заданную тему. М."Пик". 1990. с.78

принципов подбора, расстановки и воспитания кадров... (выделено мной — Л.Т.) * И далее: с 1984 года заменено 90,4 процента кадров номенклатуры ЦК КПСС и 76,6 процента — номенклатуры ЦК Компартии Узбекистана. "Старая мафия", надо полагать, заменена "честными коммунистами".

Кадры виноваты. Старая мафия. Преступный клан. Дурные люди, затесавшиеся в партию. Можно пожертвовать 9/10 "кадров номенклатуры ЦК КПСС", лишь бы только отвести опасность от самой доктрины, лишь бы только внедрить в общественное сознание с в о и словесные формулы. Парадоксально, но этому помогла известная кампания, открытая Гдляном и Ивановым и позже поддержанная Татьяной Корягиной. Их наскоки на кремлевское руководство, их намеки на коррумпированность самых высоких руководителей, вплоть до Горбачева, как раз и способствовали тому, что в общественном понимании дело сузилось, замкнулось на д у р н ы х л и ч н о с т я х в аппарате. Всё общественное внимание сосредоточилось на том, виноват ли чиновник Смирнов и насколько. Брать Смирнова или не брать?

Сам перевод дела в плоскость лишь правовую и нравственную был огромной тактической победой аппарата. Тут, как и на первых этапах расследования, к делу вновь была привлечена самая мощная сила коммунистов — КГБ. Но если на первых порах комитет должен был придать делу инерцию движения, то теперь его задача была обратной — эту инерцию погасить. Сделать это было вовсе не трудно, манипулируя вниманием общества, создавая определенные общественные ожидания и меняя их от процесса к процессу. Усманова — расстрелять, Каримова — приговорить к расстрелу, но уже помиловать; Чурбанову, зятю Леонида Брежнева, также уличенному в узбекских поборах, и вовсе дать смехотворно низкий срок; Яхьяева (министра внутренних дел), Усманходжаева (первого секретаря ЦК партии), подержав в тюрьме, вчистую выпустить на свободу; вокруг Смирнова устроить шумную возню, но в конце концов освободить...

Усманов — жертва этой тонкой политики. Его расстрел — необходимая точка, которую где-то всё равно надо было поставить. Слишком много ненависти к чиновникам правящего аппарата накопилось в обществе: кого-то надо было показательно расстрелять. Обществу нужно было предъявить

* Усманходжаев И. Продолжая дело Октября. "Коммунист Узбекистана", №11, 1987, с.4)

показатели правосудия в действии — чем раньше, тем лучше. Пожертвовать желательно было кем-нибудь из лиц достаточно высокого положения, но не в партийной, а лучше — в хозяйственной иерархии. И уж понятно, что не члена же семьи Генсека, не Чурбанова же выводить в расход! И когда люди возмущались мягким приговором Чурбанову, судьи оправдывались тем... что расстреляли же Усманова, чего же еще! Вполне откровенно об этом говорил в одном из своих интервью тогдашний Председатель Верховного Суда СССР В.И.Теребилов: *

" — Владимир Иванович, по сей день, образно говоря, не утихают страсти по так называемому "делу Чурбанова", которое слушалось в Верховном Суде СССР. Что бы вы могли сказать об этом деле?

— По-моему, эти страсти искусно поддерживаются заинтересованными лицами. Дело рассматривалось опытным судьей и народными заседателями. До сих пор протеста Генерального прокурора по этому делу нет. Может быть, следует напомнить, что помимо названного дела в Верховном Суде СССР недавно были рассмотрены еще два уголовных дела по Узбекской ССР. Главные обвиняемые — бывший министр хлопкоочистительной промышленности Усманов и бывший первый секретарь Бухарского обкома партии Каримов — приговорены к высшей мере наказания; Чурбанов и ряд других должностных лиц приговорены к длительным срокам лишения свободы; лишь один обвиняемый оправдан."

Всё! Чего же вам еще? Усманов был расстрелян. Доктрина оставалась жива. Она была оправдана. Или, вернее, её "дело", её преступления даже и не расследовались...

Страна по-прежнему оставалась под властью коммунистов. Тактику подобных расследований по-прежнему определял КГБ... Но нет, как оказалось, — уже ненадолго! Пришло время, когда началось подробное изучение или расследование, как угодно, реального воплощения государственной доктрины коммунистов.

P.S. В конце декабря 1991 года, когда дописывалась эта книга, стало известно, что вчистую освобождены все, кто ранее был осужден по делам о коррупции в Узбекистане... За что же Усманова расстреляли? А может, и он как-то выжил? Дай-то Бог!

* "Огонек", №14, 1989

**КОНСТАНТИН МАЙДАНЮК,
СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ**

Сорокалетний Майданюк был до недавнего времени одним из самых известных в стране следователей. Прокуратура СССР назначала его расследовать громкие дела о коррупции среди высших партийных и хозяйственных аппаратчиков, — в том числе, "узбекское дело", — и он успешно справлялся. Его ожидала блестящая карьера... И вдруг в 1988 году он уволился из органов прокуратуры и исчез — буквально исчез с общественного горизонта, за короткий срок несколько раз сменив место работы, словно скрываясь от преследования. Я искал его и нашел с большим трудом. Мне нужно было посмотреть на него. Я знал, что он расследовал дело Вахаба Усманова и был против расстрельного приговора... Но, увы, с его мнением никто не посчитался.

— Вы ушли из следователей, потому что боялись, что вас убьют? Вам угрожали?

— Нет, такого рода угроз и опасений не было, но было много других причин. Я работал 6 лет в Прокуратуре СССР и занимался делами неординарными: знаменитое "краснодарское дело", где вовлечена была вся эта гос-партсистема, Узбекистан — все эти хлопковые дела, потом — Баку, потом здесь в Москве — злоупотребления в Министерстве культуры. Эти „головные“ дела позволили мне увидеть всю систему отношений в нашем обществе и государстве. Я понял: одно дело видеть все эти вещи со стороны, а другое дело — проникнуть внутрь.

— Какой же именно вам увиделась ваша собственная роль в этой системе, что вы бросили работу следователя?

— Я увидел, что я — часть этой системы. И я, вы и все другие. Мы все были частью этой системы. И если говорить о моральной, нравственной стороне, то мне особенно интересна точка зрения тех, кто говорит, что искренне верил в идеи коммунистов. Я думаю, что это самые нахальные лицемеры. Мне кажется, что в этой системе не могло быть ни одного человека, который бы искренне верил, — настолько все это было очевидно нелепо... Все всё понимали, но я не знаю людей в своей среде, которые бы последовали призыву Солженицына жить не по лжи. Хотя бы не участвовать... Я не хочу участвовать, поэтому и ушел.

— Хорошо, взглянем на дело не как участники, а со стороны. Насколько я знаю, вы не занимались расследованием политических дел, но в процессе следствия вы не могли не выходить на связи ваших подследственных уголовников с политическими структурами. Как высоко поднимались эти связи по лестнице власти?

— Такого рода расследования стали возможны только в последнее время. Примерно, с 1978 года. Потом, по мере того, как в делах появлялись все более и более крупные фигуры, формировалось определенное осознание все больших возможностей следствия и увеличивалась степень дозволенного. Сначала это был низкий уровень — уровень райкомов, горкомов. А потом моим подследственным оказался секретарь Краснодарского крайкома. Его фамилия Тарада Анатолий Георгиевич.

— Который потом, кажется, погиб?

— Он скончался в тюремной камере от обширного инсульта.

— Кажется, было сомнение, точно ли он умер своей смертью?

— Но это только сомнение, у меня же нет никаких фактов... Он умер после одного из допросов, когда дал очень серьезные показания в отношении работников ЦК. В ту же ночь он и скончался.

— И потом, естественно, его показания никакой ценности не имели?

— Они никакого развития не получили, потому что одни только показания это очень мало, чтобы работать дальше. Если для ареста человека, совершившего обычную кражу, достаточен один объем доказательств, то совсем другой объем нужен, чтобы арестовать хотя бы заместителя министра, — и тут уже все вопросы надо решать на уровне ЦК КПСС и Комиссии партийного контроля.

— А сколь высокое положение занимали эти люди, на которых дал показание Тарада?

— Очень высокое. На уровне заведующих отделами ЦК КПСС. Это очень большие фигуры по тем временам.

— Речь шла о коррупции?

— Да. Речь шла о коррупции.

— Теперь часть этих аппаратчиков как бы тихо уходит в тень, или в небытие, или, может быть, в теневые полукриминальные структуры, а часть из них, наоборот, громко порвали с партией, заявили о выходе и перешли в демократический лагерь. Говорят, коррупционеры, консерваторы ушли в теневые, мафиозные структуры, а люди с чистой совестью двинулись в демократы. Это так?

— Честные — нечестные, плохие — хорошие... Я беру на себя смелость утверждать, что не надо особенно долго выискивать, получает ли человек взятки, если он сидит, скажем, в управлении материально-технического снабжения... Он получает нищенскую зарплату. У него кроме стола и стула ничего нет. И он знает, что там внизу есть люди, которые делают огромные деньги. Система замкнута, и не увидишь, где ее начало. Поэтому, чтобы получить фонды у этого чиновника, ему надо было дать взятку.

Если я дал взятку в Москве и приехал к себе в Ташкент и я распределяю эти фонды, то, как минимум, мне надо возместить эти затраты, которые я сделал в Москве... Но просто я возмещать затраты не могу, иначе какой смысл во всей этой моей деятельности. Получили по фондам тысячу автомашин, за каждую я беру то, что заплатил в Москве и плюс еще сколько-то получаю, чтобы моя собственная деятельность была рентабельна. И так абсолютно во всем. Уйти с одной работы — значит прийти в какое-то другое место, которое точно на тех же принципах существует. Куда уйти? Уехать отсюда? Или вообще уйти из жизни, как делали некоторые при получении первых же повесток на допрос? И сейчас говорить честные-нечестные, демократы или консерваторы... Все, кто пришел из этой системы, они все свои привычки принесли с собой. И они не стали другими, поэтому я очень скептически отношусь к тому, что сейчас происходит в стране?

— А Горбачев и Ельцин?

— Ну, а что они разве являют собой исключение какое-то? Это люди той же системы. Они в ней выросли. Они сами этого не скрывают.

— Но мы говорим о хозяйственных отношениях, а между тем значительно интереснее, сохранились ли эти связи в сфере политических отношений, не влияют ли они на политические решения, и если влияют, то как?

— Политикой я не занимаюсь. Более того, зная из газет, что происходит, я с самого начала никакого оптимизма не испытывал.

— На чем основывается ваш пессимизм?

— Власть остается по сути в тех же руках. Власть, и экономика, и распределение.

— Что же и криминальные структуры пережили эти изменения?

— Я сейчас сам занимаюсь предпринимательством. Пытаюсь заниматься, если сформулировать точнее. И я соприкоснулся с той средой, с которой раньше боролся. То есть не с конкретными людьми, а с социальной средой, с которой раньше боролся. Теперь я имею возможность увидеть те же самые процессы изнутри. И вот я вижу, что в эту среду влились бывшие функционеры — из тех, кто занимался административно-хозяйственной деятельностью. Я увидел, как они, мгновенно используя свои связи, пускают метастазы в эту новую ткань, как делают всё, чтобы ближе и решительнее подойти к собственности. Если раньше они ею владели опосредованно, то теперь есть возможность получить непосредственно. С помощью подставных лиц создают коммерческие предприятия и овладевают собственностью, сохраняя пока свои места и в структурах власти. Идет интенсивный процесс, приватизация без официального объявления. Сегодня все знают, как это делается.

— Что же, Вы теперь тоже мафиозо?

— Мне пришлось начинать с нуля. В классическом смысле этого слова — нет... Но сейчас у нас мафией часто называют любую профессиональную корпорацию. И говорят о мафиози в главке, мафиози в парикмахерской, мафиозо тот, кто убирает мусор. Я же принадлежу к корпорации биржевиков. В этом смысле — я мафиозо.

ПАРТИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ. ПРЕЗИДЕНТ "ПОД КОЛПАКОМ"

Михаила Горбачева проводили с почетом и уважением. Его справедливо считают отцом "перестройки" и последовавших за ней демократических преобразований. Мы неизбежно будем вновь и вновь возвращаться к его великой исторической роли. Он и впрямь явился как лидер совершенно нового типа, непохожий на своих коммунистических предшественников, и еще до того, как разместился в генсековском кресле, еще во время своего первого визита в Англию поразил воображение западных наблюдателей. "Когда Горбачев прибыл в Чекерс на ленч, Тэтчер вышла встречать его ко входу. "С самой первой секунды он произвел очень сильное впечатление, — заметил присутствовавший там помощник. — От него исходило ощущение силы, энергии, как от сжатой пружины. Он с готовностью улыбался, лицо было подвижным, а не мрачным и суровым, как у какого-нибудь Громыко, мог он и весело пошутить."*

Англичане еще не знали (как, впрочем, и мы в России не знали), что перед ними (и перед нами) великий реформатор и что к тому моменту у него уже сложилось мнение, что в советской коммунистической системе "всё прогнило", всё нужно менять. И уж тем более никто не знал, что он даже успел сообщить это свое мнение ближайшим друзьям по партии (например, Шеварднадзе), и они с ним согласились..

Горбачева считают отцом "перестройки"... но точно ли так? Ведь не ребята же мы, чтобы полагать, что величайшее событие XX века — падение коммунистического режима, произошло оттого, что Горбачев, в отличие от Громыко, с готовностью улыбался и мог весело пошутить, или оттого, что однажды он и Шеварднадзе — этакие Гамлет и Горацио наших дней — согласились, что, дескать, "всё прогнило в датском королевстве". Вспомним Черненко — ему вовсе не казалось, что что-то прогнило. Так чем же в его-то, Черненко, глазах (а также в глазах того же неулыбчивого Громыко или Устинова) был Горбачев лучше Гришина или, скажем, Романова, от которого никак не в меньшей степени

* Крис Огден. Мэгги (Интимный портрет женщины у власти). — "Иностранная литература", №4, 1991, с.97

исходило ощущение энергии? Вспомним, наконец, сколько энергии и какое умение пошутить было у Никиты Хрущева, не сумевшего в 1964 году потрафить чьим-то интересам и за это грубо смещенного... Не лучше ли попытаться понять, какие силы вытолкнули Горбачева или, вернее, втолкнули его в генсековское кресло? Чьи интересы он-то соблюдал или обязан был соблюдать? Чьим представлениям о должном соответствовал?

Один из самых известных деятелей "перестройки" — писатель и поэт Виталий Коротич, — бывший главный редактор журнала "Огонек", считает, что все годы руководства страной Михаил Горбачев никогда не был свободен в своих решениях и всегда зависел от неких тайных структур. "Мы еще долго не узнаем истинного уровня его зависимости," — заявил Коротич осенью 1991 года, уезжая на несколько лет, если не навсегда, в США профессорствовать. Его отъезд многими в стране был расценен как отступление, даже как бегство под напором прямых угроз физической расправы, которые неоднократно звучали в его адрес со стороны политических противников. И говоря о зависимости Горбачева, сам Коротич хотел как бы пояснить природу и своей собственной усталости, своего отчаяния и пессимизма, которые, по-видимому, и подтолкнули его к отъезду.

Заявления Коротича авторитетны. Редактор "Огонька" был фигурой заметной в политической жизни последних лет. Напомним, что наиболее громкие разоблачения партийной мафии Узбекистана были опубликованы в 1987 году именно в его журнале. Вскоре после первых публикаций, летом 1988 года, Виталий Коротич выступил на XIX всесоюзной партийной конференции со скандальным заявлением о том, что некоторые из присутствовавших в том высоком собрании номенклатурных аппаратчиков — уголовные преступники, взяточники и расхитители. Это был сильный политический ход. Он никого не назвал персонально, но всё население страны, следившее за работой конференции по телевизору, принялось составлять различные комбинации имен... и каждый раз получалось, что едва ли не любой партийный деятель, из числа сидящих в зале, мог быть подозреваем во взятках и хищениях: Лигачев, Соломенцев и прочие члены тогдашнего Политбюро и секретари ЦК. Коротич как бы подталкивал Горбачева к борьбе с верхушкой партаппарата. Общественное мнение подготавливалось к смене партийного руководства, и

действительно вскоре все они по разным причинам были смещены со своих постов.

Журнал "Огонек" вместе с некоторыми другими изданиями ("Московские новости", "Аргументы и факты", позже — "Комсомольская правда") в течение нескольких горбачевских лет вел планомерную пропаганду в пользу демократических реформ. Редакция поддерживала политику Горбачева, верила Горбачеву, защищала Горбачева от нападок "справа", и тем более было странно, что сам Горбачев, как бы не замечая этой искренней поддержки и защиты, позволял себе раздраженные выпады против демократических изданий вообще и против "Огонька", в частности, и даже как-то, вызвав Коротича к себе в кабинет, буквально устроил разнос: топал ногами и кричал на него, как бы отмежевываясь от политической позиции редактора-демократа... Впрочем, Коротич полагает, что эти громкие, подчас прямо-таки истерические разносы предназначались не столько ему, сколько стенам, которые, по мнению Коротича, имели глаза и уши: "Я убежден, что он подслушивался. И знал об этом, — считает Коротич. — Когда он орал на меня, это было так на него не похоже. В этом было что-то непонятное." "Лигачев уже семнадцать лет в ЦК, и я в нем уверен", — шумел Михаил Сергеевич. "Ты что, учить меня будешь, кто мне друг, а кто враг?" — спрашивал он, срываясь на крик, но с совершенно спокойными и доброжелательными глазами. А я давился бутербродами с вареной колбасой, которыми он меня угощал, и ничего не соображал... И несколько раз еще Горбачев устраивал такие спектакли, рассчитанные на засекреченные глаза и уши... Недаром же Яковлев при этой псевдоистерике лишь усмехался." *

Чьи чужие глаза и уши могут быть в кабинете Президента крупнейшей мировой державы, Генерального секретаря правящей партии? От кого он зависит? Чему, собственно, усмехался Яковлев? Ответов не дано, но как бы понимается, что они всем известны... И ведь и впрямь — горькие откровения Коротича не стали сенсацией. Они лишь еще раз подтвердили, сколь широко в обществе бытует мнение, что Горбачев — вовсе не был сам по себе, что он, мол, потому так держался на расстоянии от лидеров демократического толка, потому так намеренно демонстрировал это расстояние, что боялся ссориться с партаппаратом (или с мафией, кланом, какой-то иной криминальной

* "Московский комсомолец", 21 сентября 1991.

структурой, лишь прикрывающейся партаппаратом?) — боялся, потому что понимал своё зависимое положение. Да и многие замечали, что в отличие от резкости, порой даже прямого хамства по отношению к демократам (вспомним хотя бы, как он третировал академика Сахарова, председательствуя на Съезде народных депутатов), Горбачев неизменно оставался молчаливо терпим к тем деятелям (скажем, к парламентской группе "Союз"), которые хоть и выступали с прямыми, часто грубыми нападками на Президента, но с позиций имперских и партийно-охранительных.

Виталий Коротич был прав: тайные власти, фактически определявшие курс большой политики, всегда держали Горбачева "под колпаком". Он всегда был окружен плотным кольцом враждебной ему агентуры. Работа велась непрерывно. Вот, скажем, один из образчиков агентурных донесений, адресованных шефу КГБ Владимиру Крючкову: "По данным из окружения М.С.Горбачева, в ближайшие два-три дня им должны быть приняты решения, которые самым существенным образом повлияют на дальнейшее развитие событий в СССР, окончательный выбор основных направлений внутренней и внешней политики. Это связано с шагами, которые были предприняты в последнее время Кабинетом министров и его Председателем Павловым. ... не загонять Горбачева в угол, а попытаться найти компромиссное решение между ним и Павловым, и поддерживающими премьер-министра группами и силами. В частности, по словам источника, было бы целесообразно создать ситуацию, когда Горбачев пошел бы на фактическое согласие с линией Павлова с одновременным представлением ему возможности публично скорректировать некоторые элементы программы Павлова и его политической линии. По словам источника, в ближайшем окружении Горбачева считают, что наиболее влиятельной фигурой, которая могла бы согласовать с Президентом такую тактику, является Крючков".* Нет сомнения, что агентура в ближайшем окружении Горбачева не ограничивалась пассивной передачей информации в КГБ. У агентов были и конструктивные задачи: сформировать мнение Президента, создавая у него тенденциозное представление о положении дел в стране и обществе.

Несамостоятельность Горбачева сделалась вовсе уж очевидна осенью 1990 года, когда Президент, в прямом

* "Известия", №9, 11 января 1992.

смысле слова, пред ал достигнутую им было договоренность с лидером России Ельциным о начале радикальных экономических реформ по программе "500 дней", вновь — теперь, кажется, уже без всяких сомнений — продемонстрировав, что он прежде всего "человек аппарата".

Программа "500 дней" была разработана группой экономистов либерального толка под руководством сначала Явлинского, а впоследствии — Шаталина. Ею предусматривалась либерализация экономики на основе возвращения народу права частной собственности, отнятого коммунистами еще в 1918 году. Если бы программа была реализована, грандиозный "черный рынок", процветавший под покровительством коммунистов, прекратил бы свое существование. На смену пришли бы открытые рыночные отношения, частная инициатива и частное предпринимательство.

Программа получила одобрение российского парламента (Верховного Совета). Почти одновременно Верховный Совет России принял закон, который, опять-таки впервые после 1918 года, утвердил, хоть и с некоторыми оговорками, право частной собственности на землю. При одобрении программы Горбачевым и Верховным Советом СССР, страна вступила бы в эпоху свободной экономики, возможно, минуя полосу надвигавшегося глубокого экономического и политического кризиса...

Документ "500 дней" вовсе не был похож на сюжет волшебной сказки, но весьма точно определял приватизацию как главное направление для немедленного начала экономической реформы, которая в конце концов должна была навсегда покончить с коммунистическими порядками в экономике и, главное, с монопольным правом партаппарата по своему усмотрению, как своей собственностью, распоряжаться всеми материальными, культурными и духовными ценностями страны.

В структурах партаппарата эта программа вызвала панику и яростные кулуарные противодействия... Тем не менее в августе 1990 года Горбачев и Ельцин пришли к соглашению, что такая реформа необходима.

Договоренность двух лидеров вселяла уверенность, что страна наконец прочно встала на путь либеральных преобразований... И вдруг в октябре всё круто изменилось. Верховный Совет СССР, в большей степени послушный партаппарату, чем парламент России (в его составе было много партийных функционеров различных рангов), практически с одобрения президента Горбачева, принял совер-

шенно иную экономическую программу, предложенную тогдашним премьером Николаем Рыжковым. Темп преобразований предполагался катастрофически замедленным. Структура экономики на неопределенное время оставалась, по сути, такой, как она сложилась еще в сталинские годы. Хотя формально и упоминалось о "плюрализме собственности", на самом деле предусматривались лишь слабые меры квазиприватизации, в результате которых экономика и впредь оставалась полностью под контролем правящего аппарата. Вместе с тем, при фактическом запрете на частную собственность и частную инициативу, планировалось стремительное повышение цен. Народу грозило быстрое обнищание, что могло спровоцировать широкие волнения... и, как средство от беспорядков, — жесткий режим власти партийного аппарата на территории всего СССР. (Таким и открылся смысл этой тайной стратегии в августе 1991 года, когда группой заговорщиков из окружения Горбачева была совершена попытка путча.)

Противники реформ торжествовали! Казалось, теперь всем окончательно ясно, чей человек Горбачев. Один из наиболее известных сторонников сохранения безраздельной власти аппарата лидер компартии России Иван Полозков в своих выступлениях перед членами партии публично подтверждал, что на заседании Политбюро Президенту, который тогда еще оставался и Генеральным секретарем партии, было р е к о м е н д о в а н о избрать вместо поддержанной им сначала программы "500 дней" иную — "немного скорректировать направление."* Чуть позже, в середине февраля 1991, то же самое подтвердил и первый секретарь МГК КПСС, член Политбюро Юрий Прокофьев, заявивший, что н а , н о ч н ы х заседаниях Политбюро Горбачева з а с т а в и л и отказаться от программы Шаталина-Явлинского. А после неудачного выступления Президента на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1990 года, когда несколько депутатов, в том числе лидер имперски настроенной группы "Союз" полковник Алкснис, потребовали его отставки, то опять же н а , н о ч н о м заседании Политбюро Михаилу Сергеевичу п р е д л о - ж и л и выступить с новой, более жесткой программой из 8 пунктов...**

Конечно, весьма сомнительно, чтобы заседания действительно проходили по ночам. Но появившаяся в демократической печати информация именно о ночных заседаниях

* "Московский комсомолец", 6 марта 1991.

** Там же

ником не была официально опровергнута, и если даже время суток указывается в ней ошибочно, то всё же общественное представление о конспиративном, мафиозном характере верховных партийных соборщ и о том, что Президент настолько зависим от этой мафии, что его могут взяться "прорабатывать" в любое время суток, — это ощущение передано верно.

Вообще партийный аппарат постоянно и как бы даже несколько картинно "перебирал" в конспирации, словно шла какая-то непрекращающаяся "военная игра" с демонстрацией таинственности, игра, рассчитанная больше на зрителя, на внешний эффект, на создание определенного образа или, как теперь говорят, имиджа.

ЦК партии всегда находился на военном положении. Структуры его аппарата, расположенного на виду у всей страны в самом центре Москвы, были тщательно за-конспирированы. Бюджет, источники доходов и статьи расходов — сведения совершенно секретные. Даже часть постановлений ЦК снабжалась грифом "сов.секретно" и распространялась лишь строго по списку в узком кругу высших должностных лиц. Документы между руководящими органами партии развозились специально вооруженными военными фельдъегерями. Список абонентов АТС, обслуживавшей цековское начальство, был засекречен, выдавался самим абонентам под расписку, причем, когда при малейших изменениях издавался новый список, прежний должен был быть уничтожен в обязательном порядке.

От бывших "офицеров" партийного штаба узнаём, что "существовали три степени секретности: самая строгая "Особая папка", за ней "Совершенно секретно" и, наконец, просто "Секретно". Определялось, что гриф "Секретно" ставится на документах, не содержащих сведений, составляющих партийную и государственную тайну, но раскрывающих м е т о д ы р а б о т ы партийных комитетов."*

Но как бы картинно ни демонстрировал партаппарат своё таинственное могущество, на самом-то деле столь безоговорочное влияние Политбюро на Президента, как это было продемонстрировано в случае с программой "500 дней", кажется странным. Вспомним, что за несколько месяцев до того, на XXVIII съезде КПСС, по инициативе самого Горбачева была проведена реорганизация верховного органа партии, и Лигачев, Яковлев, Шеварднадзе были

* МК, Оников Леон. Я обвиняю... — "Правда", 7 октября 1991.

заменены именами неизвестными и личностями незаметными, а то и вовсе ничтожными. Так чье же там мнение могло быть всерьез значимо для страны и Президента? Кого он послушался, кому подчинился? Неужели фельетонным персонажам типа Прокофьева и Полозкова?

Именно это несоответствие ничтожного Политбюро... и неожиданно покорного послушания Горбачева заставляет предположить существование иного, неявного механизма принятия важнейших решений, — механизма, в котором Политбюро являлось лишь поверхностной, хоть и картинно законспирированной, но, по сути, как бы даже нарочно выставляемой напоказ частью. Такое предположение тем более имеет резон, если мы вспомним, что и сам слабеющий коррумпированный партаппарат к тому времени в сильной степени сделался зависим — и от КГБ, и от военно-промышленного комплекса, и от теневиков-предпринимателей, и от откровенно уголовных структур...

Так или иначе, но немотивированный и необъяснимый поворот в политической ориентации Горбачева осенью и в начале зимы 1990 года не только остановил наметившиеся были экономические реформы, но и обусловил быстрое нарастание дезорганизации и хаоса в экономике и социальной жизни страны... Какие же процессы шли по мере того, как оттягивались решительные экономические реформы, а с ними и реформы собственности и власти? Кому Горбачев оказал услугу? Кому услужил? Или вообще кому, чьей власти, чьей собственности служил, от кого зависел? От консерваторов, от демократов, от какой-то третьей силы?

Чтобы понять, с кем был Горбачев или, вернее, с кем он должен был считаться, надо увидеть, как, по какому принципу раскололась, размежевалась КПСС. Кто такие были партийные "консерваторы" и кто — "реформаторы"?

Для сторонников консервативной линии старые, испытанные делом партийные структуры и власть — синонимы. Это люди среднего и выше среднего, но не самого высшего слоя партийного аппарата — не выше секретарей обкомов. В Политбюро они были продвинуты только в самое последнее время. О наличии тайных структур и связей они могли догадываться, но не обязательно были вполне информированы, — даже если фактически выполняли их волю. Они раз и навсегда усвоили, что все блага, которыми они пользовались: и деньги, и привилегии, и право распоряжаться огромными материальными богатствами — всё даётся вместе и одновременно с должностью в правящем аппарате. Не будет аппарата — не будет должности. Не

будет должности — и их самих не будет, потому как вне аппарата — кто они такие?

Психологически вполне объяснимо, что сам отказ от коммунистической доктрины, от "принципов", а вместе с ним и перспектива слома видимых, легальных структур партийной власти, а там вослед — и ломка их собственных судеб виделась этим чиновникам партаппарата чуть ли не вселенским разломом и уж наверняка — гибелью России. Это они дали ход лозунгам: "Отечество в опасности!" — простодушно имея в виду сохранность партийного аппарата и своих должностей и привилегий...

Эта линия защищалась, на первый взгляд, несколько дубоватыми, и казалось, политически нечуткими, но на поверку — весьма прозорливыми (что касается их собственной судьбы) аппаратчиками. Но, увы, то была прозорливость исторически обреченных. Их прямолинейное поведение, их возбужденные предостережения лишь подчеркивали неизбежность гибели прежней системы власти, хотя им самим казалось, что они пекутся о сохранении партии и о том, как бы "не поступиться принципами".

Напротив, сторонники реформ понимали, что в коммунистической системе, в коммунистических структурах власти всё прогнило действительно безвозвратно. Они не хуже консерваторов знали, что лишиться власти — губельно и для каждого аппаратчика в отдельности, и для всего клана в целом. Опасность же для тайных структур они понимали лучше, чем кто бы то ни было, поскольку были к ним так или иначе причастны... Но они понимали также, что спасти дело может только коренное изменение политики — вплоть до публичного отказа от прежней государственной доктрины. Они даже готовы были — страшно сказать! — пожертвовать видимой частью партийного аппарата... Но зато таким образом они получали возможность, сохранив все тайные связи, создать на их основе новые легальные структуры, перевести в них наиболее лояльную и способную к гибкой политике часть партийного аппарата — и так остаться во главе государства и в той или иной степени сохранить "верность социалистическому выбору", а вместе и право распоряжаться материальными и иными богатствами страны... Эта тенденция поддерживалась гибкими или, по терминологии последнего времени, "левыми", "образованными" политиками из числа бывших партийных функционеров или идеологов.

Процесс развала, перетасовки и реконструкции правящего аппарата пошел разворачиваться с началом перест-

ройки и теперь набрал полную силу. Вчерашняя верхушка партийной номенклатуры: А.Н.Яковлев, Э.Шеварднадзе, А.Вольский и ряд менее значительных лиц — создают на развалинах партии Движение демократических реформ — организацию с явными претензиями на политическую власть. В Движение прямо приглашаются оставшиеся не у дел аппаратчики. Программные декларации Движения сильно смахивают на последнюю, так и не успевшую быть принятой, социал-демократическую Программу КПСС.

Впрочем, в ряде бывших республик, ставших теперь "суверенными государствами", — особенно в Средней Азии, — партийные структуры вообще сохраняются в неприкосновенности, лишь меняя свое название...

В Москве, во главе администрации вчерашнего члена Политбюро, а ныне Президента России Б.Ельцина оказывается бывший член ЦК КПСС и секретарь Свердловского обкома партии Юрий Петров. Первым заместителем премьер-министра России назначается другой секретарь Свердловского обкома Олег Лобов. Руководителем секретариата президента становится крупный партийный функционер Виктор Илюшин...^{*} Заместителем премьера правительства Москвы мэр Гавриил Попов, сам в прошлом — профессор-марксист, назначает Б.Никольского, бывшего вторым секретарем ЦК компартии Грузии, причастного к трагическим событиям апреля 1989 года, когда при разгоне войсками мирной демонстрации были насмерть зарублены саперными лопатками девять человек, в том числе женщины и юные девушки...

Примеры такого рода назначений можно множить бесконечно (особенно если взглянуть на структурные изменения в экономике, к чему, впрочем, у нас еще будут возможности), здесь же заметим только еще один важный факт: вся собственность КПСС, миллиарды её денег и на миллиарды недвижимости, все её санатории и издательства, автобазы и созданные под её эгидой кооперативные предприятия — всё отдается в распоряжение той самой новой российской администрации, которой руководят старые секретари обкомов.

Простодушная попытка консерваторов от партии остановить в августе 1991 года развитие процесса, смысл которого они, возможно, не понимали, едва не закончилась трагически. Вместо постепенного перехода власти от умирающего партаппарата к аппарату нового типа, едва

^{*} "Московские новости", 29 сентября 1991, №39

не произошел разлом, в который могли хлынуть силы популистского толка, — и тогда все тайные связи могли быть вмиг или вскрыты, или просто непоправимо разрушены. Они и начали вскрываться: в прессе пошла широкая дискуссия о золоте партии, об агентах, внедренных (с соответствующими субсидиями) в экономику западных стран, о манипуляциях высших партийных чиновников с государственными ценностями алмазного и золотого фондов.

Как всегда в таких случаях, разлом пришлось заделывать кровью и трупами. Непосредственно перед арестом застрелился (или был застрелен?) министр внутренних дел Б.Пуго, бывший одним из членов хунты, претендовавшей на власть. Тут же повесился в своем служебном кабинете маршал Ахромеев — одна из ключевых фигур ВПК. В первые же дни после путча покончил самоубийством, выбросившись из окна своей квартиры, управляющий делами ЦК КПСС Кручина. Он располагал всеобъемлющей информацией о тайных связях и секретных структурах аппарата КПСС. Самоубийца оставил записку, объясняя свой уход страхом перед грядущим. Надо понимать, перед грядущими расследованиями... Прошло полтора месяца, и точно таким же способом — выбросившись из окна фешенебельного цеховского дома в центре Москвы — покончил с собой восьмидесятилетний Георгий Павлов, бывший в течение многих лет, вплоть до 1983 года, управляющим делами ЦК. Этот никаких объяснений не оставил, но понятно, что знал он не меньше Кручины, а, по некоторым сведениям, даже и значительно больше. По крайней мере, вскоре после этого самубийства в печати появилось утверждение следователя Гдляна, что Павлов был одной из ключевых фигур той мафии, связи которой приоткрылись во время узбекского расследования.

В небытие уходили люди, которые знали всё о том, кто, как и на каких условиях реально руководил страной, — уходили, и все доступы к тайне оставались закрыты.

Две последние смерти особенно заставляют думать о существовании некоего ритуала — "самоубийства по должности". Эта мысль не кажется абсурдной, если вспомнить о целом ряде самоубийств должностных лиц, которым предстояли арест и расследования по знакомому нам "узбекскому делу". Самоубийством кончали особенно широко информированные люди.

Вот свидетельство по этому поводу Тельмана Гдляна, народного депутата СССР и Армении, бывшего старшего

следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР:

"Как профессионал я понимаю кое-какой толк в этих делах. У мафиозных групп непреложное правило: лучший свидетель — это мертвый свидетель...

К примеру, получаем мы санкцию на арест министра внутренних дел Узбекистана Эргашева, выезжаем. А по прибытии на место следует команда из ЦК КПСС и прокуратуры: "Подождите с реализацией". Проходит неделя. За это время засекаем два звонка Эргашеву из ЦК: "Гдлян приехал с санкцией на арест, времени не осталось, надо принять мужественное решение. О семье позаботимся." Эргашев в ночь накануне ареста собирает своих близких, прощается, а в 7 утра у калитки своего дома пускает пулю в висок. Вот такая у них метода, кстати, великолепно сработавшая сейчас на Пуго (знавшем, пожалуй, слишком много), Ахромееве (никогда не поверю, чтобы боевой офицер, тем более маршал, повесился...) и "выбросившемся" из окна Кручине (этот знал тайну "черной партийной кассы", в том числе партийные счета в швейцарских банках)."*

Мысль о "деловом", как бы даже "подписном" характере самоубийств подтверждается косвенно и посмертной запиской Эргашева: "Я абсолютно одинокий человек, сын бедняка, оклеветан Рашидовым и его шайкой. Я честный член КПСС, марксист-ленинец — умер. Да здравствует КПСС! Марксизм-ленинизм! Да здравствует советский народ! Кудрат."**

Так не умирают мафиози. Это крик героя, в бою закрывающего телом амбразуру дота... Война что ли?

В странах Запада уголовная мафия, глубоко затаивая свою деятельность и свои структуры, ведет войну с государством... Но против кого вела войну п р а в я щ а я партия страны, которая практически сама и есть государство? Зачем ей — всемогущей! — тайные структуры? От кого тайны? Ведь не во внутрипартийной же борьбе либералов с консерваторами? Кто же тот внешний враг, борьба с которым требует крови и смерти?

* "Аргументы и факты", №39, 1991

** Лиханов Д. Кома. — "Огонек", 1990, №4

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ:

ГЕНЕРАЛ КГБ ОЛЕГ КАЛУТИН.

часть 1

Генерал Калутин был сначала уволен в отставку, а потом лишен всех званий и наград за свои публичные разоблачения незаконных, свидетелем, а иногда и участником которых он был во время своей многолетней службы в органах госбезопасности. Начав карьеру резидентом в США, он стал одним из руководителей советской внешней разведки. Депутат Верховного Совета. После августовских событий 1991 года восстановлен в звании генерала.

— Если бы сегодня были открыты все архивы и о КГБ стало бы известно совершенно всё, как Вы думаете, что поразило бы общество больше всего?

— Поразил бы всеобъемлющий, всепроникающий характер этой службы. Многие у нас в стране живут с этим ощущением, но тут они бы убедились, что так оно и есть. И они были бы поражены масштабами, разнообразием, разносторонностью, всепроникающим характером деятельности КГБ. Все это не новость, но если это было бы раскрыто, это произвело бы шокирующее впечатление. Одно дело — общие ощущения, другое дело — когда раскрываются конкретные факты.

— Что-то похожее произошло в Польше и Чехословакии. И общество было настолько шокировано, что в Польше, кажется, приняли решение законсервировать эту информацию, закрыть ее на многие годы, чтобы она не стала причиной общественного взрыва, не так ли?

— Правильно. Потому что будет скандал, если называть имена, — а я знаю десятки имен весьма видных советских политических, общественных деятелей, которые были долгие годы агентами КГБ. Даже деятели нашего демократического движения. В нем много людей, причем людей известных, которые — и я это знаю — уже по 20-25 лет сотрудничают с КГБ. Впрочем, может быть, сегодня они отошли от сотрудничества с органами... Не буду грех на душу брать, говоря, что они сегодня сотрудничают. Вот я тут встретил как-то одного депутата Верховного Совета. Он человек весьма известный. И вдруг он мне сам признаётся. Он, видимо, предположил, что я могу знать, и, на всякий случай, сам решил упредить события... Но я

принципиально против разглашения имен агентов, это было бы не на пользу обществу... За исключением, может быть, редких случаев, когда деятельность такого человека сегодня противопоказана общественным интересам.

— Но не уничтожит ли КГБ все документы о своей былой деятельности?

— Все — вряд ли, но кое-что уничтожается. Все досье на Солженицына, Сахарова — это многотомные дела, — они все уничтожены. Оставлены только свидетельства, что они были в поле зрения, но никаких конкретных ситуаций, обстоятельств, по которым можно как-то воспроизвести достоверно, что было на самом деле.

— А документы о политических убийствах? Целый ряд нераскрытых убийств последнего времени если и не напрямую свидетельствует об участии КГБ, то, по крайней мере, здесь можно говорить о существовании неких социальных структур, ловкие люди которых так умеют убивать, что не оставляют улики. Вот, например, убийство священника Александра Меня... У некоторых вызывает сомнение и смерть Сахарова...

— Я думаю, что КГБ ускорил уход Сахарова из жизни. Для меня это несомненно. Я вполне допускаю, что в Горьком Сахаров подвергся определенному воздействию, которое способствовало его преждевременной смерти. Я уверен в этом вполне, хотя у меня нет никаких доказательств. Я знаю, что в своё время обсуждался вопрос о ликвидации Солженицына. Он был тогда уже на Западе. Это было, конечно, нелепо. Как к нему там доберешься в Вермонте, он окружен людьми... но тем не менее эти мысли никогда не исчезали из сознания нашего руководства. Впрочем, инициатива здесь принадлежала партийным руководителям. Ведь КГБ был надежным исполнителем пожеланий ЦК партии. Именно руководства — Суслова, Брежнева, Андропова. Они тоже могли инициировать подобные акции. И я думаю, что Сахаров ушел из жизни с помощью КГБ, думаю, на него еще в Горьком воздействовали различными препаратами. Я в этом уверен. Я просто исхожу из тех разговоров, тех замыслов, и смысл всех их был — это убрать его поскорее. А как убрать — это был вопрос технологии.

**ЕЛЕНА БОННЕР,
ВДОВА
АКАДЕМИКА САХАРОВА**

— Вы с мужем, конечно, всегда понимали, что вас могут просто убить. Это ощущение было постоянной частью вашей жизни или вы его как бы отставили в сторону, решили не принимать во внимание?

— Опасность всегда существовала, всегда существует, но ведь люди не могут жить только ощущением опасности. Мы с Андреем Дмитриевичем никогда не таились, не накрывали телефон подушкой, чтобы нас не подслушали. За нами постоянно велось наблюдение, но кроме наиболее острых ситуаций, это не касалось нашей жизни по существу. Это не то, чтобы особый принцип жизни, но нормальный способ жить. В этом плане мы жили внутренне спокойнее, чем большинство людей, которых я знаю.

— Ощущение, что вас могут убить, было как-то персонифицировано, или было связано с определённой структурой? Опасность исходила из КГБ?

— Не знаю, из КГБ или из общества милосердия.

— То есть КГБ еще не обязательно воплощение этой опасности?

— Нет. Я думаю, что КГБ имеет соответствующие структуры, но не всегда угроза от них исходит. Но доказательств у меня тоже нет. Я человек очень эмоциональный, но в то же время и безумный рационалист. Есть области знания, в которые мне нет доступа, поэтому они для меня не существуют. Я живу, как живу. Вот мысль, что опасность — от КГБ и ни от кого больше, — для меня еще и залог моей психологической безопасности. Мне всегда нужна некоторая конкретность. Может, это специфика моего медицинского образования... Есть вещи, которые для меня не существуют: например, экстрасенсы, Кашпировский, еще что-то такое, о чем я ничего не знаю. Для меня не существует конкретной религии.

— Но в то же время на уровне вашего рационального восприятия Вы можете предположить, что КГБ не есть последняя инстанция опасности?

— Нет, КГБ — не последняя инстанция. Я не знаю, кто меня будет убивать. Вот мне звонят буквально через день и говорят: "Еще дождешься, старая армянка!" Откуда я знаю, от кого угроза? От азербайджанцев? А одновременно несколько дней тому назад пришли какие-то два мужика. Азербайджанцы. Принесли розы. И шепотом мне сказали: "Не думайте, у нас не все такие". Я была совершенно потрясена. Эти несколько роз дороже, я не знаю каких корзин. Шепотом причем. Они кого-то боялись.

— Так что же в России означает слово "мафия"?

— Я не знаю. Мне кажется, что здесь не стоит так уж глубоко копать. Идет бандитский процесс первоначального накопления. В нём имеют преимущество те же самые структуры, которые всегда имели преимущество в нашей жизни.

— Но не тем ли и опасен процесс накопления, что власть может перехватить кто угодно?

— Будет все нормально. Эти "кто угодно" будут регулировать все эти финансовые, денежные и прочие отношения. Они станут богатыми, мы по-прежнему останемся бедными и очень хорошая часть страны — нищими. В этом процессе преимущество совершенно явное имеют даже не те, у кого, по нашим меркам, большие деньги, законно нажитые, — научные деятели, люди искусства, — а тот же самый аппарат. Все те же самые. Ну, накопят они и, может, добровольно уйдут от власти, став Рокфеллерами и Ротшильдами. И уже не нужно будет это формальное сидение где-нибудь в Большом Кремлевском дворце.

— Сахарова — убили?

— А я не знаю... А можно его вернуть? — Нет. Тогда зачем всё? Ты понял мое отношение к этому? Оно может

показаться кому-нибудь равнодушием к его судьбе, но это — не тр... Мы никогда не знали, что против нас готовилось.

— Кем готовилось?

— А я откуда знаю? Это ведь всегда тайна. Если ты читал внимательно, у нас была история с моим старшим внуком, она описана у Андриюши. * Мы по сей день не знаем, что это было... Или история в глазной больнице... Первая моя глазная операция была здесь до того, как я стала женой Андрея. Мне делал её Михаил Михайлович Краснов — крупный окулист, и очень хорошо сделал. Я болела еще со времени службы в армии. У меня ведь была контузия. И тогда мне угрожала полная слепота — девчонке в 22 года. И как-то все окулисты СССР вокруг, включая Филатова, очень вокруг меня танцевали. Ну, жалко очень, 22 года, прошла войну и вот — на тебе! И я была пациентом старого Краснова, а потом его сына. Как-то, уже после того, как я стала женой Сахарова, — я снова легла в глазную больницу. Там работала моя однокурсница, которая очень меня боялась, но все-таки она хорошая женщина и поддерживала со мной отношения... И я ведь ушла из советской больницы, потому что она вызвала меня во двор и сказала: "Я не знаю, кто и что с тобой будет делать. Уходи отсюда любым способом. Это меня просила передать тебе заведующая отделением"... На следующий день была суббота, и я выписалась... Пришлось лечиться в Италии. А перед Италией произошла эта история с моим старшим внуком Матвеем, — и все время так. А кто это делает — откуда мы знаем кто? Мафия — не мафия, КГБ — не КГБ. Иногда возникает ощущение, что КГБ провоцировало нас... но вместе мы ездили по многим местам в провинции. Могли убить. Бывало, мы идем пешком 25 км ночью вдвоем по тайге. Пожалуйста, убил, взял деньги — и все! Когда пол-Якутии ссыльные бандиты! И вот нас вроде даже опекают одновременно. Кто и что — тут ничего сказать нельзя. И поэтому я не только никогда не ставлю задачи, но и не разрешаю себе ставить задачу выяснять то, чего не могу выяснить. Вот вы задаете вопрос: убит Андрей Дмитриевич или не убит? Я не знаю. Но исходя из этого, заикнуться и посвятить этой мысли всю остальную жизнь я не могу. Тем паче, что психологически мы оба были готовы к такой возможности.

* Сахаров А. Воспоминания. — "Знамя", 1991, №3, с.104-105

— Мы не знаем, что было с Богатыревым, мы не знаем, что было с Сахаровым, мы не знаем, что было с Менем...

— Мы не знаем многого.

— Но, может быть, эти убийства имеют какое-то особенное значение для понимания всего механизма власти в целом?

— Может быть. Но заняться этим всерьез можно будет, только когда пройдет этот процесс первоначального накопления... Я уверена, что история будет писаться тогда, а не сегодня.

— А в Вашей жизни были случаи общения напрямую с людьми, о которых можно без сомнения сказать, что они мафиози?

— Я думаю, что нет. Ну, так, по-мелкому. Зубного врача я одного мафиозо зову... А всерьез нет... Я понимаю: вы хотели какого-то конкретного ответа. Я вам скажу: та сердечная болезнь, которая была у Андрея, она такова, что он мог и, скорее всего, должен был умереть очень рано. Это болезнь, которая обычно догоняет людей где-то в возрасте до 40 лет. И у Андрея Дмитриевича, совсем не в связи с голодовками, как любят говорить наши академики, было два периода ухудшения состояния сердца за те 20 лет, что я была с ним. Одно было в 70 году, когда он почти двигаться не мог. И в 75-м. Эта болезнь не диагностируется при жизни, и считали, что, может быть, тогда был инфаркт, и так писалось, что был инфаркт миокарда. Но при вскрытии выяснилось, что у него не было инфарктов. А к моменту, когда он умер, никакого ухудшения состояния здоровья не было. Это я знаю совершенно точно. Вот и всё.

НЕНАВИСТЬ К СОБСТВЕННОЙ ТЕНИ.

В последнее время с высоты разнообразных трибун — от парламентских до митинговых — и в прессе различного толка постоянно повторяется имя одного и того же общего врага. Враг этот, похоже, всем равно угрожает — и демократам, и патриотам, и аппаратчикам, и анархистам, и монархистам. Где-то раздалось даже: "Отечество в опасности"!

Имя этого "врага №1", этой всем ненавистой, всем враждебной социальной группы — ДЕЛЬЦЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ. Говорят, что и война на Кавказе, и пустота в магазинах — на их совести. И бывшие аппаратчики, и бывшие диссиденты равно пугают: когда вполне утвердится рыночная экономика — уж тут-то точно "теневики" захватят не только весь рынок, но и саму власть в стране.

Кажется, кто-то умышленно нагнетает общественную ненависть, весьма приблизительно указывая её объект. И тогда по-другому становится тревожно. Всё чаще и чаще слышится вокруг: "Покажите нам этих дельцов, покажите!" И политики самого разного толка удобно пользуются моментом, чтобы указывать на с в о и х врагов и противников, и те в негодовании отмежевываются, отрешиваются и тут же указывают на тех, первых. Между тем общественное ожидание напряжено до предела, и толпа обнищавших сограждан, начавшая пополняться первыми безработными, уже ревет: "Дашь!" И ведь дадут, вытолкнут кого-то толпе, и нужды нет, что безвинного: "Вот вам "теневой президент", виновник ваших слез!" Страшно.

Нет, в именах-названиях надо разобраться. Политические дефиниции — не из области прикладной лингвистики. Сегодня ошибутся в названиях, а завтра как бы к стенке не поставили — по ошибке. И всё оттого, что нечетки понятия.

Дело даже не в "теневиках". Или не только в них. Вообще нечеткие дефиниции — беда современной политической жизни. И самые опасные ошибки там, где выражена стратегия общественного развития. Теперь вот всем известно, что страна почти прошла уже путь от планово-распределительной (административно-командной) системы — к рынку... Но еще и еще раз оглянемся: прежде — разве без рынка жили?

Спросите председателей колхозов, как добываются (и всегда так добывались) стройматериалы или запчасти к

тракторам и автомашинам: сколько по этому поводу бутылок водки выпито, сколько ведер ухи выхлебано, сколько бадеек меду перетаскано — и всё это вдабавок к прямым взяткам. Спросите директоров заводов, как достаются (и всегда так доставались) трубы, цемент, металл, стекло. Попробуйте изъять из экономической реальности советского "коммивояжера наоборот" — толкача-снабженца, постоянно шныряющего по стране, постоянно что-то "выбивающего", кого-то подкупающего, меняющего дефицит на дефицит, — попробуйте убрать его, хотя бы мысленно, и вы увидите, что без него предприятия страны давно встали бы без сырья, без комплектующих... Это ли не рыночные отношения? Пусть "черный", но, право же, всеобъемлющий рынок.

Да нет же, за последние десятилетия в нашей стране ни одно изделие не произведено, ни одна платная услуга не оказана вне отношений "черного рынка"... И если всё это — некая побочная, т е н е в а я экономика, то где же искать иную, главную, нетеневую? И как назвать её?

Пора признать с полной твердостью: в последние десятилетия не было у нас в стране никакой административно-командной системы. Она умерла вместе со Сталиным. Да и не могла она надолго пережить чрезвычайные условия военного времени. Чуть перестают расстреливать за "саботаж" и давать срока "за колоски", экономическая логика всегда берет свое! Никаким централизованным распределением не заменить отношений купли-продажи. Вся советская экономика, вся — сверху донизу пронизана отношениями "черного рынка". Они-то и есть живое кровообращение этого мертвого организма. Кровь, а не тень. И об этом всегда знали хозяева-коммунисты, и контролировали эти отношения, и даже культивировали их, прекрасно понимая, что они ничуть не угрожают их власти.

Ведь главная беда "черного рынка", его главное отличие от рынка свободного в том, что здесь прибыль не может стать полноценным капиталом, не может "работать" на расширение производства, на увеличение производительности труда. Изъятые из сферы обращения, контролируемого фискальными органами, эти деньги считались "черными" деньгами, "преступными". На них нельзя было построить завод или хотя бы цех и увеличить производство продукции. А если кто пытался, если решался кто, тот совершал самое страшное (по советским понятиям) преступление: вступал на опасную дорогу откровенных, открытых рыночных

отношений, — и редко кому из таких инициативных дельцов удавалось миновать тюрьмы. А многие кончили и вовсе печально. Не знаю, кем из них руководило благородное стремление дать людям необходимые товары, а кем — страсть к наживе. Но были среди них те, кого мы вспоминаем как лучших людей эпохи. И тут не забудем хотя бы имена Хинта и Худенко — великих реформаторов, погибших в результате судебных репрессий.... А сколько прошло с именами менее известными — ДЕЛЬЦЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ? Нет, д е я т е л и, осмелившиеся нарушить саму монополию аппарата до мелочей контролировать экономику. Вот им бы тогда — капитал, собственность и свободу! Да будем надеяться, есть еще деловые люди, выжили...

Тут я уже слышу возмущенные голоса иных высоко-нравственных читателей: вот взялся мафию оправдывать и ратует за то, чтобы с их грязными деньгами дали бы им возможность скупать земли, открывать заводы и получать прибыль, теперь уже законно... О мафии еще поговорим, у неё, как мы уже, впрочем, знаем, другое лицо... Но вот что до возможности л ю б о м у бизнесмену, независимо от его "нравственного облика", свободно (и в любых, по обстоятельствам разумных, количествах) покупать землю, вести развитое товарное хозяйство, покупать или строить новые заводы — не стану отпираться — ратую.

Понятно, куда какое удовольствие при словах "деловые люди" иметь в виду братьев Морозовых или братьев Третьяковых — великих основателей лучших картинных собраний в России. Но кто скажет, уважаемые читатели и посетители Третьяковской галереи или Музея изобразительных искусств, откуда изначально пошли те капиталы, на которые позже были приобретены коллекции, ставшие теперь нашим национальным достоянием? Спрашиваю не потому, что знаю что-то дурное о природе тех семейных капиталов, а затем, чтобы сказать, что капитал безразличен к нравственности. Как только деньги взяты из кубышки и пошли "работать на производство", так они теряют свой криминальный запах... Да, скажете вы, а как же историческое возмездие! Наворовали — и теперь в миллионеры.

Нужно с печалью признать: никакого исторического возмездия не будет. Совершил преступление, пойман за руку — конечно же к суду! Но историческое возмездие к закону отношения не имеет. Опыт социализма в России показывает: или думать о возмездии, об "экспроприации

экспроприаторов" или о производительной, рыночной экономике и частной собственности. Или — или. На рынке нравственная история каждого индивидуального капитала — дело сугубо семейное. О моральном облике будущих российских каупервудов и форсайтов оставим размышлять писателям. Обществу же нужна производительная экономика...

Представление о советской действительности как об административно-командной системе идет от беллетристики. Но беллетристы, по счастью, ошиблись. Антиутопии Замятина, Хаксли, Оруэлла точно так же не могли состояться, как и сами утопии. Оказалось, никаким насилием, никакой обработкой мозгов невозможно отнять у человека потребность к простым отношениям купли-продажи. Просто нет в природе иного механизма для обеспечения жизни вида *homo sapiens*.

Коммунисты потерпели историческое поражение прежде всего потому, что, вопреки своим безумным теориям, не смогли уничтожить рынок. Всё покупалось и продавалось в нашей стране. Всё... и партийные должности в том числе. Или даже партийные должности прежде всего.

С неумолимой последовательностью экономической логики сам управленческий аппарат стал рыночным товаром. Задавая вопрос о том, сколько стоит должность секретаря райкома где-нибудь в Средней Азии или на Кавказе, я много раз убеждался, что сразу следует уточнять, какого именно райкома — городского или сельского, в глубинке или поближе к столице — на всё особый прейскурант! И если товаром на "черном рынке" стали партийные должности, что же говорить о председателе колхоза или директоре завода! Вот как-то промелькнуло в печати: в одной области 14 милицейских должностей было куплено за деньги...

Это не печальные исключения — это и есть та с и с т е м а, при которой мы прожили жизнь и которая отчасти сохранилась и по сей день. Не всегда назначения оплачивались в открытую, из рук в руки, и всё же можно не сомневаться, попадал на хлебные должности неизбежно "свой человек", лояльный, а уж как расплатиться — это зависело (или зависит) от его сообразительности... Мелочь, конечно, но за тридцать лет журналистских поездок по аграрным районам страны мне ни разу не встречался руководитель — от уровня начальника районного сельхозуправления и выше, — семья которого покупала бы продукты питания в магазине.

Вся советская система — вся без исключения — была не чем иным, как грандиозным "черным рынком" товаров, услуг, должностей, привилегий... Нет, пожалуй, наоборот: должностей, привилегий... а товаров — в последнюю очередь. Материальный результат здесь вовсе не главное. Главное — сохранение власти. И если какой-нибудь энтузиаст, вроде покойного Николая Худенко, обещал втрое, впятеро повысить производительность труда, но вне существовавшей системы регламентации товарных отношений — в этом видели прямую угрозу власти, и энтузиаста убивали. И в этой обратной последовательности, в этой перевернутой логике вся суть советской политической и экономической системы, вся суть СОЦИАЛИЗМА.

Не будем забывать это замечательное, исторически емкое слово. Ни Маркс, ни Ленин, ни современники первого, ни современники второго слыхом не слыхивали ни о какой административно-командной системе. А вот о социализме говорили много. И понимался социализм прежде всего как отрицание священного права частной собственности.

В Советском Союзе был(и теперь еще в значительной степени есть в странах СНГ) именно социализм. Здесь не было и, по сути, теперь еще нет частной собственности. Здесь никому не принадлежат средства производства. Они государственные или ничьи. Здесь вообще никому ничего всерьез не принадлежит... кроме власти. Не собственность распределена между гражданами страны, а ВЛАСТЬ — власть над землей, заводами, лесами, железными дорогами и т.д, власть над ценностями, которые н и к о м у не принадлежат. И в том числе — власть над рабочей силой, власть над человеком — самая сладкая из форм власти. И всё это достаётся по должности. И к этому еще прикладывается и такая мелочь, как материальные привилегии. Вот почему должность (объективированная власть) и есть основной рыночный товар. Последовательно осуществленная идея социализма и есть черный рынок власти, а не "четвертый сон Веры Павловны" и не административно-командная система.

И вот здесь, в тени бестоварного рынка власти, и возникают идеальные условия для разветвленных мафиозных структур... Отсюда и уже известные нам страхи за будущее: ведь при переходе к новым условиям хозяйствования преимущество будет снова у тех, кто сидит в должностных креслах, — им проще получить необходимые разрешения, проще приобрести собственность, проще придержать конкурентов.

Преимущества, конечно же, есть и будут. Но в этой тревоге, в этих страхах — нет ли пережитка классового взгляда на порядок вещей? Уже определив партаппрат как класс эксплуататоров, некоторые политики рвутся не только что свергнуть их и экспроприировать нетрудовую собственность, но и самих аппаратчиков... если не пустить в расход, то по крайней мере зачислить в разряд "лишенцев".

Так что же, история повторяется? И вновь речь пойдет об историческом возмездии?

У меня нет никаких симпатий к партаппарату, но, признаюсь, я хотел бы, чтобы оправдались — именно оправдались! — худшие опасения тех, кто боится превращения вчерашних аппаратчиков в собственников. Прекрасно! Пусть покупают землю. Пусть создают кооперативы или акционерные общества. Пусть хозяйствуют и конкурируют, пусть получают дивиденды и вновь вкладывают их в производство. Пусть станут богатыми людьми, предпринимателями. Или прогорят. Ведь стать предпринимателем — значит отказаться от "власти по должности" и пуститься в рискованную стихию рыночной конкуренции. Здесь силен не тот, кто больше отнимет, но тот, кто больше продаст... Пусть же они торгуют. Пусть станут наконец полезными... Не понимаю, почему они не имеют на это права. Лишь бы не мешали делать то же самое любому, кто захочет.

Не в том беда, что они сделаются частновладельцами земли или предприятий, а в том, что ведь не сделаются! Они не умеют, попросту не знают, как сделаться частными предпринимателями, а потому в страхе перед теми, кто умеет и знает, попытаются с помощью законспирированных структур, с помощью новой мафии поддержать свою монополию на власть и встать на пути перемен в стране... это еще в их силах.

И лучше других это чувствуют люди бизнеса, не желающие связывать свою судьбу с тайными структурами бывшего партийного аппарата. Они прекрасно понимают, что дело вовсе не в неразвитости рыночных структур, как полагают некоторые экономисты, в том числе и западные. "Рыночные структуры уже у нас достаточно развиты, — считает Константин БОРОВОЙ, главный управляющий Российской товарно-сырьевой биржей. — Они давно в силах взять на себя все функции разрушенных госструктур. Проблема в том, что нет собственников. Чиновники — от президента до predisполкомов — по-прежнему не хотят ничего отдавать. Потому что понимают: появится реальный

собственник — придется еще доказывать ему свою нужность, а этого они никогда не допустят...

Боровой напоминает, что молодых бизнесменов обвиняют в том, что они делают деньги на посредничестве и не вкладывают средства в производительные сферы экономики.

— Мы рады стать производителями, — говорит Боровой, — но нас не пускают! Наша биржа — крупнейшая коммерческая организация, а все имущество — арендованное. И при всем желании мы не можем купить ту же землю и заняться производством: на пути встанут современные феодалы. А когда у народа лопнет терпение, они, феодалы, постараются натравить его на нас же. Впрочем, народный бунт первым делом именно их и сметет.* О чем бы ни заговаривали сегодня политики или экономисты или бизнесмены-практики, дело неизбежно упирается в вопрос о собственности. В чьих же руках материальные богатства России, кто на деле контролирует экономику, а с ней и политическую судьбу страны?

Ах, какая тоска — читать о несостоявшихся возможностях России! "На другой день всё обделалось как нельзя лучше. Скудронжогло дал с радостью десять тысяч без процентов, без поручительства, — просто под одну расписку. Так был он готов помогать всякому на пути к приобретенью. Он показал Чичикову всё своё хозяйство." С радостью дал десять тысяч — и ведь ничего не стал выяснять о нравственном облике заёмщика, хотя вот уж кто делец теневой экономики!

Увидим ли мы когда-нибудь свой народ "на пути к приобретенью"? Господи, что же мы за несчастная нация, что отрицательным образцом нашей истории был нелепый Чичиков, а положительными — не Скудронжогло, не Лёвин, но еще более нелепые Рахметов и Базаров.

Недавно один из влиятельных американских журналов опубликовал выборку — 100 великих американцев XX века. Едва ли не треть из них — бизнесмены, предприниматели. Здесь и глава автомобильной корпорации, и основатель промышленной империи компьютеров, и президент всемирно известной авиастроительной фирмы. Нам же проще собрать 100 великих злодеев... Впрочем, все они правдолюбцы и большие специалисты по части исторического возмездия.

Как же нам вполне осознать, что мы — общество с

* "Известия", № 308, 31 декабря 1991.

больной психикой? И интеллигенция, пастырь общественный, — едва ли не сам источник болезни, главное проявление которой — бред уравниловки. "...Интересы распределения и уравнивания в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества," — более восьмидесяти лет назад сказано Николаем Бердяевым, а словно о тех сегодняшних политиках, которые всё пекутся о социальной справедливости и разглядывают, не велика ли ноша на плечах труженика.

Велика непосильно! Бред уравниловки, навязчивые идеи запретительства неизбежно порождают черный рынок, а с ним и уголовную психологию правящего аппарата. И чем дольше будут хватать за руки всякого инициативного предпринимателя, тем тяжелее будет ноша. И речь уже не идет только об особенностях русской национальной психологии, но о самой судьбе нации. Останемся ли мы великим народом или угаснем в исторической перспективе, оставшись в памяти потомков нелепым психологическим феноменом XX века?

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ:

**ГЕНЕРАЛ КГБ
ОЛЕГ КАЛУГИН**

часть 2

— Вы неоднократно говорили о полной зависимости КГБ от партаппарата...

— Это взаимозависимо. Это полнейшее сращение, симбиоз. Это партийно-полицейская система.

— Но, кажется, партаппарат прямо на глазах разрушается. Что произойдет с КГБ?

— А КГБ — самая устойчивая часть единой структуры. Органы госбезопасности всегда были хранителями устоев. И в данном случае система может разлагаться и устои могут подвергаться полнейшему изменению, но структура, которая была создана работать в любых условиях, — она работает автоматически. Хотя и там происходят процессы расслоения и разложения, но для них это вопрос сохранения не только самой системы, но и самосохранения, самозащиты. Это вопрос выживания. Именно КГБ будет одной из тех структур, которые будут бороться до конца. И это опасность.

— Сейчас много говорят, что при разрушении видимой своей структуры партаппарат старается сохранить некую часть, которая не видна, или даже кое-что создать заново. Скажем, войти в сферу экономическую, захватить собственность, создать ассоциации, компании, фирмы, которые принадлежали бы прежним структурам, но сохраняя или даже приобретая новое политическое значение и новую политическую силу. А КГБ участвует в этом?

— Участвует активно. Мои коллеги фактически контролируют весь процесс приватизации, процесс создания совместных предприятий, процесс создания акционерных или иных компаний негосударственного характера. Я мог

бы назвать вам конкретные организации. Ну, вот, например, государственно-кооперативное объединение АНТ. Помните, скандально знаменитый АНТ? К АНТу было прикомандировано 20 офицеров КГБ. Официально. Они занимали должности в этом объединении — 20 сотрудников КГБ. Это не юные лейтенанты, а уже зрелые люди достаточно высокого ранга. Вы представляете себе, что это была за корпорация, санкционированная премьером Рыжковым, с участием КГБ — это был мощнейший экономический конгломерат, который взял в себя все: и партийную, и государственную структуры, и военно-промышленный комплекс задействован был.

— А что же Полозков, который так любил разоблачать АНТ, он что — вступил в конфликт с КГБ?

— АНТ создавался здесь, в Москве, в центре. Он был санкционирован высшими союзными органами. А Полозков воспользовался данными местного управления КГБ в Краснодаре. Это послужило основанием для мощнейшей политической спекуляции. Полозков сделал себе на этом деле имя такого радетеля за народные интересы... а заодно попытался разгромить новые структуры, выходящие на наш экономический горизонт. А местные органы КГБ действовали, как это обычно бывает на местах, под руководством секретаря крайкома — то есть Полозкова. А дальше дело пошло само собой. Когда происходит общественный скандал, потом трудно заметить следы. Нашли козлов отпущения в лице Ряшенцева, в лице каких-то достаточно мелких фигур. Рыжкову пришлось там объясняться, но в целом те, кто стоял за этим делом, остались в тени, никто не знает о них. Кстати, Полозков отражает определенные ультраправые настроения в компартии, и краснодарский КГБ абсолютно с ним солидарен. Там начальником был некий Василенко, сейчас он секретарь отделения Союза писателей на Кубани.

— Это повышение или понижение?

— Он ушел на пенсию и получил такую синекуру. Секретарь Кубанского отделения Союза писателей.

— То есть, если я правильно понял, дело АНТа проявило конфликт между теми, кто хотел бы владеть и распоряжаться всем по-старому, и теми, кто ищет новых путей, чтобы не упустить все.

— Совершенно верно. Это, в сущности, попытка двух флангов все той же старой партии найти выход из положения. Одни ищут правду в сохранении старых позиций, а другие — ищут новые формы власти, и власти хозяйственной, в том числе. Они сегодня фактически занимаются тем, что пытаются принадлежащее партийным органам имущество, здания, недвижимость превратить в доходную статью. Это не столько даже для партии, сколько для самосохранения. Самые обычные меркантильные наклонности. Я хотел бы подчеркнуть, что здесь не столько желание создать новые партийные структуры, выведенные за рамки традиционных, и тем самым сохранить свою мощь, — сколько паническое бегство в частный сектор, чтобы сохранить свой жизненный уровень. Тот уровень жизни, к которому они привыкли.

— Мне кажется, что ваша точка зрения на события оптимистична. Что же, речь идет об ассимиляции партаппарата в нормальной рыночной системе?

— Рынок, в первую очередь, будет захвачен правящим аппаратом и КГБ, потому что у них возможности распоряжаться процессами приватизации и создания новых предприятий, у них лицензирование, у них влияние. Но этот уход в экономические структуры — это бегство крыс с корабля.

— Предположим, что бегство состоялось. Они захватили с собой то, что могут захватить, и, как вы говорите, бежали с корабля. Но точно ли, что это бегство с корабля; точно ли, что люди при этом становятся независимы от тех партийных структур, которые помогли им это приобрести — собственность или открыть свое дело? Если это просто развал, коррупция, разложение и бывший партаппарат становится группой безответст-

венных частных владельцев, — это одно дело. Я не знаю, хорошо это или плохо, но это одно дело... Но не может ли быть так, что партаппарат как бы делегирует своих людей в экономику, наделяет их собственностью, выталкивает на рынок... но сохранив контроль над ними, над рынком, и в конце концов, сохранив контроль над страной, и тогда — это совсем другое дело?

— Я понимаю. Я согласен, что здесь есть элемент панического самосохранения, стремление в этой панике и неразберихе сохранить организационное ядро — людей, которые могут в определенной ситуации снова возникнуть на политической сцене, попытаться вернуть то, что они потеряли. То есть я не стал бы говорить, что это сплошное "бегство с корабля" — это было бы слишком упрощенно. Здесь есть элемент организованного отступления, несомненно. Но все-таки, я думаю, в подавляющем большинстве случаев — это отступление людей, ищущих себе возможность сохранить прежний уровень жизни.

— Если использовать здесь слово "организованно", то тогда надо говорить не об отступлении, а о наступлении. Наступление коммунистов на рыночную экономику будущего?

— Нет, все-таки отступление, при котором отступающая сила пытается сохранить какой-то элемент упорядоченности и возможности сохранения ядра и, может быть, со временем, возвращения к прошлому...

— А каково место КГБ в этом процессе?

— Они как капитан, который бежит с корабля последним.

— Может, они, настоящие или бывшие сотрудники КГБ, и будут этим ядром будущего возврата?

— Может быть. Кстати, почему КГБ и партия работали в таком тесном единстве? Партийцы ведь некогда вышли

из подполья, они всегда были конспираторами, создавали параллельные структуры, легальные и нелегальные. И сейчас этот опыт может пригодиться. А КГБ по части конспирации — лучший помощник, и там профессионалы конспирации. В этом смысле опыт КГБ будет бесценен для тех, кто попытается, не паникуя, сохранить конспиративные политические структуры.

— А в структурах КГБ есть или были структуры или исследовательские центры, которые эти возможности изучают?

— Сегодня есть или нет, — я не знаю. Но если бы я там был, я бы задумался.*

— Есть ли еще в стране какие-либо тайные общественные силы, структуры, движения, которые могли бы претендовать на политическую власть? Вот, скажем, называют "теневики", дельцов черного рынка...

— Я думаю, что "теневики" — это очередное пугало, которое создала наша система. Многие спекулянты наживаются, но неужели они обязательно хотят заниматься политикой! Да зачем им это нужно? Я знаком с людьми из этих сфер — все они люди достаточно примитивные. Они свои богатства накопили частично хитростью, частично настырностью, но считать, что они являются какой-то политической силой в стране — это, уверяю вас, неверно. Сделайте нашу экономику нормальной рыночной, и теневая структура просто растворится в ней.

* После августовских событий 1991 года восстановлен в звании генерала КГБ.

"ДИКАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ"

Простодушное стремление партийных консерваторов закрепить за собой в меняющихся условиях если не "принципы", то хотя бы уплывающие из рук привилегии, с учебной наглядностью проявилось в громком скандале по поводу "приватизации" подмосковных дач. Хотя дело и касалось сомнительных операций купли-продажи и в документах фигурировали крупные денежные суммы, но экономическая подоплека здесь менее интересна, чем психологическая.

Суть дела проста. В ближайшем Подмосковье огромные площади лучших, наиболее живописных земель по берегам рек, на окраинах лесных массивов отведены под дачные участки, а иногда и под целые дачные городки, приписанные к различного уровня партийным, хозяйственным, армейским и пр. органам. Речь идет о тысячах гектаров превосходных угодий, принадлежавших до революции царской семье или высокому родовому дворянству, о миллиардах рублей, уже в наше время вложенных в строительство и оборудование особняков, о миллионах, ежегодно субсидируемых на развитие и поддержание дачных хозяйств...

Дача — символ благополучия советского чиновника! По неписаному, но непреложному закону, дача обреталась человеком немедленно по вступлении в должность. По должности бывало и качество загородного дома. Преуспел в карьере, продвинулся по работе, — и дачу сменил на лучшую. Чем выше должность, тем роскошнее особняк, тем просторнее охваченный дачным забором участок, тем многочисленнее прислуга... Но существовала и обратная зависимость: выгнали с работы, оставил должность — всё, прощай! — с дачи вон. Так было и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе — всегда. Казенная дача была не только символом богатых привилегий, но и знаком полной личной зависимости партийного чиновника от всей системы в целом.

Теперь устои зашатались, и номенклатурные чиновники, как и все советские граждане, почувствовали веяние свободы. И кому же не понятно их желание, с одной стороны, освободиться от зависимости... но, с другой, так освободиться, чтобы полученные уже привилегии оставить при себе. Решить эту задачу оказалось возможно, выкупая в частнос владение за незначительные, чисто символические деньги, дорогие дачные особняки вместе с огромными земельными участками.

Об этой афере было много публикаций, но нигде и ни разу не были открыты её истинные масштабы, поскольку нигде и ни разу не была названа реальная стоимость

земельных угодий. Это тоже некий психологический феномен: советский человек знает, сколько денег и сил нужно потратить на строительство дома, знает, как дорог дом, или сарай, или гараж, если покупать по рыночным ценам, — есть и рынок такого рода недвижимости; но о стоимости земельного участка никакого представления не существует, как, впрочем, никогда при советской власти не существовало и рынка земли, — участки под застройку всегда отводились административными решениями бесплатно. (Простому человеку при этом приходилось платить огромные взятки чиновникам различного уровня, — но мы-то здесь говорим как раз о самих высокопоставленных чиновниках, которые в этом случае взяток не платили.)

Даже нынешние обличители на страницах демократической печати говорят именно об афере с дачами и лишь мимоходом — о земле. Вот один только частный случай, может быть, даже не самый значительный, хотя довольно показательный, поскольку речь идет о Госснабе СССР — одной из наиболее коррумпированных структур советской партийно-хозяйственной системы, — это сюда привозил золотые безделицы покойный Вахаб Усманов, чтобы получить наряды на необходимые его отрасли ресурсы и материалы:

"... в 1990 году руководящим работникам Госснаба СССР при участии министра Анисимова было продано 66 госдач, а сам министр купил себе дачу за 8600 рублей, хотя ее стоимость намного выше... В 1991 году руководящим работникам Госснаба были проданы 76 дач с мебелью. Цена каждой не превышала 5 тыс. рублей, хотя, по самым скромным оценкам, она многократно выше. Владельцы вместе с дачей бесплатно получили по 50 соток земли."*

Сколько же здесь украдено? За 142 подмосковные дачи и с ними за 71 гектар земли уплачено никак не более полутора миллионов рублей, — то есть, по рыночному курсу 1990 года, никак не дороже 75 тысяч долларов... Затрудняюсь сказать, какова уже сегодня рыночная цена (а другой-то сегодня не существует) на эти богатые подмосковные угодья, но полагаю, к а ж д ы й из 142 участков может быть немедленно продан с аукциона не дешевле 30-ти тысяч долларов. Значит можно говорить об украденных 4-х миллионах долларов!

Скандал было разгорелся... но тут же и угас. Оказалось, что всё совершено строго по закону. По советскому закону, где важна не рыночная стоимость товара, а р а з р е ш е н и е на его приобретение. А тут своя рука владыка.

Скандал с подмосковными дачами — лишь не-

* "Комсомольская правда", 5 июля 1991.

значительный эпизод всеобъемлющей борьбы за выживание, которую люди партийного, хозяйственного, административного аппарата вели и ведут в новых условиях. Они давно поняли, что власть в её прежних формах и структурах сохранить уже не удастся никакими политическими мерами. Но сейчас-то, пока еще хоть какая-то власть у них в руках, — они и пользуются ею прежде всего для того, чтобы устроить собственное будущее. Они как бы сопрягают завтрашний день со вчерашним, — чтобы не порвалось, не лопнуло, — вплетают свои судьбы в завтрашнюю рыночную, предпринимательскую жизнь. Декларируя в политике непримиримую оппозицию частной собственности, в течение нескольких последних лет стремясь любыми способами, вплоть до грубого давления на Президента, задержать её полную легализацию, они на деле прекрасно понимали её неизбежность и сами стремились захватить как можно больше и как можно быстрее.

В народе этот процесс втягивания, вползания, а иногда и стремительного перетекания вчерашней аппаратной власти в завтрашние капиталистические формы назван "дикой приватизацией". Суть её в том, что на какое-то, видимо, достаточно короткое время люди партийной и прочей номенклатуры одновременно и обрели свободу частной инициативы, и сохранили всю распорядительную власть над государственной собственностью.

Например, еще несколько лет назад в печати проскользнула информация о том, что министр финансов в правительстве Н.Рыжкова 53-летний Валентин Павлов (в последующем — председатель кабинета министров и один из руководителей путча 1991 года) занял пост председателя правления газетно-издательского консорциума "Деловой мир" (уставной фонд — более 10 млн. руб.), а председатель Высшего экономического совета при Президиуме Верховного Совета РСФСР Михаил Бочаров сохраняет пост президента концерна "Бутэк".*

В политике Павлов и Бочаров — антиподы. Первый; — ставший впоследствии председателем кабинета министров, — прямо-таки живая персонификация охранительного "консерватизма". Второй — один из лидеров реформаторов-демократов. Но практический интерес-то у них, оказывается, един!

Так или иначе, но мы хоть что-то знаем о Павлове и Бочарове, но ни о "Деловом мире", ни о "Бутэке", ни о других фирмах и компаниях, с которыми связаны нынешние политики, мы ровным счетом ничего не ведаем... Насколько политики завязаны в них, насколько зависимы? Как эти

* "Московские новости", 18 ноября 1990.

связи, эта зависимость влияют на политические решения, — а ведь влияют же!

Ладно, московские деятели и их связи хоть как-то еще на виду, но вот в провинции "дикая приватизация" обретает прямо-таки откровенно уголовные формы. Вот достаточно типичная информация из Новосибирской области:

"Местные исполнительные комитеты фактически никогда не были подконтрольны выборным органам — Советам. Они подчинялись партийным комитетам. Это служило питательной средой для коррупции, поскольку в райкомах и исполкомах концентрировалась вся полнота власти в районе, что давало широкие возможности для злоупотреблений. Теперь с помощью этих структур вместо разгосударствления происходит растаскивание госсобственности.

В прежнем составе райисполкома первым заместителем работал В.П.Горбунов. Когда для него стало очевидным, что с новым составом Совета он работать не сможет, он уволился по собственному желанию и стал генеральным директором межотраслевого акционерного комплекса "Энергия". Перед своим уходом "организовал" решение исполкома о передаче на баланс "Энергии" нескольких домов общей площадью 3.5 тыс.кв.м, принадлежавших району. То есть попросту подарил их сам себе.

С самого начала МАК "Энергия" создавалась с благими намерениями открыть производство домиков для населения, однако в одном из строений, незаконно отчужденных, открыт коммерческий комиссионный магазин... Другие дома простаивают. Иными словами, бывший первый заместитель председателя райисполкома, возможно сохраняющий свое членство в КПСС, занимается "деланием" денег. Каждый день работы этого и ему подобных магазинов приносит новые доходы, на которые и будет покупаться приватизируемая госсобственность.

Как только Совет собирается отдать тот или иной дом в аренду на очень выгодных условиях, часто выясняется, что уже заготовлен ордер и дом уже занят. Ордера выдаются только "своим". И за многими случаями незаконной выдачи ордеров маячат тени "бывших".

Думаю, что пресечь стремление мафиозных элементов к получению незаконных доходов действительно чрезвычайно трудно. Они не останавливаются ни перед шантажом или запугиванием, ни перед убийствами, ни тем более перед попытками дискредитировать законно избранные органы власти.

Вот пример. Одна швейцарская фармацевтическая фирма обратилась к местным властям с предложением сдать ей в аренду за валюту дом. Помимо арендной платы, фирма обещала ассигновать на столовую для бедных 10 тыс.

долларов в месяц, бесплатно поставить медицинское оборудование для районной больницы. Казалось бы, выгода для района очевидна, однако тут же был распушен слух о нарушениях валютных операций, хотя таковых не было. Но, как только выяснилось, что клевета не прошла, в ход были пущены другие методы. Вплоть до того, что четверо уголовников с кастетами поджидали у подъезда дома человека, от которого зависело решение вопроса.

По некоторым данным, от 20 до 50% продовольствия расхищается с районных баз, припрятывание товаров приобрело массовый характер. Под контроль уголовных элементов попадают рынки, где с каждого торговца берут дань и заставляют держать цены не ниже определенного уровня. Бандиты хорошо вооружены, о чем сообщали руководители райотдела УКГБ и РОВД.*

Новизна ситуации заключается в том, что если в прежние времена частные деловые интересы людей правящего аппарата могли быть реализованы только через теневые, чернорыночные отношения, через посредство прямых или косвенных связей с теневым капиталом, то теперь для такой взаимной увязки интересов появились новые, более или менее легальные и весьма продуктивные возможности: кооперативы и акционерные общества со смешанным капиталом. Люди номенклатурного аппарата оказываются здесь сразу в двух качествах: и как представители официальных структур власти, и как частные предприниматели, участвующие в прибылях. Впрочем, здесь нам не следует торопиться с выводами и постараться внимательно взглянуть в суть происходящих процессов. Прижившийся в общественном обиходе термин "дикая приватизация" подразумевает как бы стихийное стремление вчерашних аппаратчиков как можно больше хапнуть, обратить в частную собственность (еще популярен каламбур "приватизация-прихватизация"), тогда как на самом деле речь идет не столько об экономических маневрах отдельных партийных чиновников, сколько о тщательно рассчитанной и спланированной политической акции, задуманной для того, чтобы сохранить максимум власти за тайными партийными структурами. И началась эта работа заранее, заблаговременно, задолго до краха видимых партийных структур в августе 1991 года. Вот текст памятной записки ЦК КПСС "О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии" (от 23.08.90 г.): "Представляется, что следовало бы принять в неотложном порядке перечисленные ниже меры, чтобы обеспечить условия для развертывания коммерческой и

* "Аргументы и факты", № 5, 1991.

внешнеэкономической деятельности партии на уровне ее центральных органов: — поручить одному из членов Политбюро, секретарей ЦК, наделенному фактически полномочиями казначея партии, вопросы производственно-хозяйственной и финансово-коммерческой деятельности партии, включая внешнеэкономическую деятельность; — подготовить предложения о создании каких-то новых "промежуточных" хозяйственных структур (фонды, ассоциации и т.п.), которые при минимальных "видимых" связях с ЦК КПСС могли бы стать центрами формирования "невидимой" партийной экономики; — безотлагательно приступить к подготовке предложений об использовании анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС, в разворачивании коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии. Рассмотреть, в частности, вопрос о возможностях присоединения через участие в капитале к уже функционирующим совместным предприятиям, международным консорциумам и т.п.; — рассмотреть вопросы о создании контролируемого ЦК КПСС банка с правом ведения валютных операций, об участии партии своими валютными ресурсами в капитале оперирующих в международном масштабе фирм, контролируемых хозяйственными операциями друзей; — провести консультации с Госнабмом СССР по вопросу об использовании для внешнеэкономического сотрудничества партии советского имущества, остающегося после вывода советских войск из Чехо-Словакии, Венгрии и ГДР; — создать консультационную фирму со статусом юридического лица, прямо не связанную с аппаратом ЦК КПСС, для практической организации экономического сотрудничества и оказания посреднических услуг в сфере внешнеэкономической деятельности различных организаций КПСС и коммерческих фирм братских партий".* Глубоко затаивая свои подпольные структуры, бывший партийный аппарат не может всё-таки скрыть этот процесс от общественного внимания. С трудом преодолевая искусственно нагромождаемые препятствия, отдельные энтузиасты пытаются нащупать пути и методы конспирации "партийной мафии". Такими энтузиастами являются следователи Прокуратуры России Сергей Аристов и Владимир Дмитриев. "Летом 1991 года в подполье ушла гигантская, хорошо отлаженная, а следовательно, в должной мере коррумпированная с нынешней властью, "невидимая" партийная экономика, — считает С.Аристов. — На начало 1991г. только видимая, легальная часть этого айсберга составляла почти 8 миллиардов рублей. А сколько удалось скрыть? В распоряжении следствия есть любопытная папка

* "Комсомольская правда", 31 октября 1991.

с многоговорящей резолюцией на ней: "Взято сто миллионов. Спрятать." Под резолюцией подпись — широко известная фамилия, которая в интересах следствия пока держится в тайне. Не менее интересно и содержимое самой папки. В ней списки кандидатур, годных, по мнению ЦК, на роль доверенных лиц партии. Аристов и Дмитриев не исключают, что за время августовской неразберихи эта папка успела "похудеть" процентов на восемьдесят. Учитывая все это, 10 октября 1991 года прокуратура возбудила уголовное дело № 18/6220-91. Следователи прокуратуры, ведущие это дело, считают, что сегодня у доверенных лиц партии три основных источника обогащения: анонимные предприятия в бывшем Союзе; анонимные западные фирмы в развитых странах и всевозможные сделки с ценностями, хранящимися в крупнейших мировых банках.

Источник № 1. На сегодняшний день следственная группа Аристова вычислила более 100 партийных коммерческих предприятий в Москве и около 600 — во всей Российской Федерации. Среди руководителей этих теневых партфирм есть люди, имеющие немалый вес в легальных структурах нынешней государственной власти России. На примере одного конкретного малого предприятия Аристов и Дмитриев проследили типичную схему отмывания денег, украденных аппаратчиками. Для этого предприятие регистрируется на имя подставных лиц, после чего получает в Управлении делами ЦК несколько сот миллионов рублей в кредит. Всё! Деньги начали независимую жизнь. Но расписка, а значит и невидимые нити управления их дальнейшей судьбой остаются в руках бывших партийных чиновников... Большие надежды возлагались также на коммерческие банки. Следственная группа обнаружила 12 банков, контролируемых партией. В них было вложено более 1,5 миллиарда рублей. Десятки миллионов находятся в уставных фондах Банка профсоюзов СССР и Токобанка. А самым крупным банком КПСС является "Автобанк". Он получил от партии под проценты 1 миллиард.

Источник № 2. По словам Аристова и Дмитриева, следствие располагает документами о многих западных фирмах, созданных на средства КПСС. Техника дела проста: фирме по невысокой цене продают некоторое количество нефти или оружия. Затем фирма перепродает товар по нормальным ценам мирового рынка. А разница откладывается на счет в банке...

Источник № 3. Деньги на счетах за рубежом. И немалые. Пока это единственный вывод, который уверенно могут делать следователи.

Некоторые документы в уголовном деле № 18/6220-91, которое ведут следователи Аристов и Дмитриев, настолько

красноречивы, что не нуждаются в комментариях: Личное обязательство перед КПСС. Я, (фамилия, имя), член КПСС с (следует дата вступления) года, партийный билет (следует номер билета) настоящим подтверждаю сознательное и добровольное решение стать доверенным лицом партии и выполнять доверенные мне партией задания на любом посту и в любой обстановке, не раскрывая своей принадлежности к институту доверенных лиц. Обязуюсь хранить и бережно использовать в интересах партии доверенные мне финансовые и материальные средства, возврат которых гарантирую по первому ее требованию. Все заработанные мною в результате экономической деятельности на фонды партии средства признаю ее собственностью, гарантирую их передачу в любое время и в любом месте. Обязуюсь соблюдать строгую конфиденциальность доверенных мне сведений и выполнять поручения партии, передаваемые мне через уполномоченных на то лиц. ...июля 1991 года.* Какие же денежные суммы — а с ними и политические обязательства! — могут быть в один прекрасный момент использованы тайными структурами, держащими в руках подобные расписки?! Дело "приватизации с благословения" каждый раз оказывается настолько выгодным, что вокруг такого рода бизнеса разворачиваются сражения, которые имеют общеполитическое значение, — то есть именно в п р я м у ю влияют на решения исполнительных и законодательных властей страны, как это было, скажем, в случае с государственно-кооперативной фирмой АНТ, о которой уже упоминал генерал Калугин.

Важной, если не важнейшей, особенностью АНТа и его руководства была полная лояльность коммунистическому правительству. Организатором и руководителем АНТа был сорокалетний Владимир Ряшенцев — бывший сотрудник КГБ, имевший широкие связи как в органах госбезопасности, так и в оборонной промышленности, где он некоторое время работал начальником режимного отдела на "закрытом", то есть секретном, скорее всего, оборонном предприятии. Ряшенцев хорошо усвоил суть советской экономической системы: дивиденды получают не те, кто воюет за отмену запретов и ограничений, но кто умеет обойти запреты и при этом готов поделиться с властями, которые запреты налагают. И если не переть на рожон, но действовать с умом, то можно оказаться в доле с весьма высокими инстанциями — хоть бы и с самим премьером! — и таким образом купив себе уникальное право не считаться с запретами, заработать куда больше (и с меньшим

* "Комсомольская правда", 7 декабря 1991.

риском!), чем даже при свободной рыночной конкуренции... Риск и впрямь был невелик, поскольку, как увидим, кооператив был даже более необходим правительству, чем правительство — кооперативу.

Кооператив АНТ возник в 1987 году, в самом начале объявленной "перестройки", — сразу, как только появилась хоть какая-то, пусть пока слабая возможность независимой деловой инициативы. Начинали с традиционной для кооперативов "мелочовки": швейный цех, комплектующие детали для "жигулей", закончили же миллиардными сделками по продаже военной техники за границу и по поставкам предметов роскоши в Россию. Впрочем, как говорят сами участники дела, с самого начала занимались и научными разработками по заказам "серьезных" (то есть опять-таки оборонных) предприятий, — по всей вероятности, помогли давние деловые связи Ряшенцева.

Впрочем, нельзя скидывать со счетов наблюдение нашего "свидетеля" — генерала КГБ Олега Калугина, что АНТ изначально создан при содействии КГБ, что, впрочем, не может умалить личных деловых достоинств Ряшенцева, — он и теперь, видимо, вполне заслуженно пользуется прочной репутацией одного из самых способных, влиятельных и удачливых бизнесменов России.

Чуть ли не с первых шагов АНТ был поддержан влиятельным членом Политбюро Егором Лигачевым, бывшим тогда "Вторым человеком в партии". Познакомившись с деятельностью кооператива, Лигачев произнес афористично: "По-моему, эти ребята строят ту социалистическую кооперацию, о которой мыслил Ленин", — и тогда же пообещал помочь открыть филиалы АНТа в других городах.* Можно предположить, что Лигачева восхитила как раз готовность кооператоров пустить в долю само коммунистическое правительство в посреднических операциях, которые вскоре и составили суть взаимоотношений АНТа с людьми Рыжкова и Лигачева, — Ряшенцева интересовал не столько размер процента от прибыли, сколько общий объем оборота. Он как-то заявил, что 1-3% от общей суммы сделок его вполне удовлетворяет, а остальное он готов отдать правительству. Кажется, на том и сговорились.

Тут надо понять и коммунистическое правительство. С одной стороны, в соответствии с принципами, "которыми нельзя поступиться", они должны были объявить — и

* "Известия", 4 ноября 1991.

объявили в 1989 году! — запрет и гонение на появившиеся было в стране посреднические и торгово-закупочные кооперативы, обозвав их деятельность спекуляцией и почти прикрыв их по всей стране.... Но с другой-то стороны (были же всё-таки экономисты в правительстве, не всё тупые чиновники), было ясно, что без посреднической деятельности не только экономика не работает, но и что деятельность эта — едва ли не самая прибыльная. И ради с в о е й прибыли поступиться с в о и м и принципами оказалось возможно.

Вскоре АНТ взял на себя посредничество в сделках с зарубежными партнерами. Дело оказалось чрезвычайно выгодно правительству — и истинно деловой хваткой Владимира Ряшенцева, и тем, что кооператив гнал прибыль не в сферу частного бизнеса, но, вольно или невольно, поддерживал как раз те программы коммунистов, которые частный бизнес ограничивали, сдерживали, стремились вовсе пригасить.

"Через компьютерный клуб на нас вышла французская финансовая группа СДС, — рассказывает Владимир Ряшенцев. — Эта группа предложила поставить в СССР очень большую партию вычислительной техники, причем отдать за советские рубли. Мы спросили французов: "Продаете только компьютеры?" Последовал ответ: "Можем — одежду, медицинское оборудование, все, что захотите, все, что нужно". Это был самый канун 1989 года.

"Сделка была настолько выгодна, что мы доложили в Совет Министров, — продолжает Ряшенцев открывать свою "деловую кухню" корреспонденту "Московских новостей".* — Меня вызвали в одно из управлений. После первых же слов я понял, что государство заинтересовано, чтобы мы начали операции с СДС.

Причем СДС согласилась вести расчеты по официальному курсу — 62 копейки за доллар. Если учесть реальную стоимость доллара, то выгода, конечно, обещала быть колоссальной.

Но и для французов это был выгодный бизнес: их заинтересовали металл, грузовики, химия, древесина, вторсырье...

Со мной в Париж вылетели и представители Совета Министров. Чтобы не придавать слишком официальный характер визиту, они оформились как работники кооператива АНТ.

* "Московские новости", № 13, 1990.

Из Парижа вернулись в марте 1989 года. Председатель Совета Министров Николай Рыжков подписал официальное распоряжение о создании концерна АНТ. Нам разрешалось осуществлять бартерные операции, то есть товар на товар, в расчете на рубли.

В сентябре на основании этого документа разрешили закупать, в том числе и на предприятиях Министерства обороны, неликвиды, сверхплановую продукцию.

6 октября появилось новое правительственное распоряжение: разрешить АНТу безлицензионный экспорт... Партнеры из-за рубежа вели поставки в счет будущего нашего экспорта. Только за полгода на рынке должно было появиться импортных товаров на 30 миллиардов рублей. Но кто-то не захотел, чтобы дефицит ослабел. Кто?"

Ряшенцев задает свой риторический вопрос уже после того, как АНТ фактически прекратил существование, так и не развернув предполагавшееся грандиозное посредничество. Несомненно, что помешали конкуренты... но конкуренты какие — в экономике, в политике? Каков вообще должен здесь быть уровень конкуренции, если взять в толк, что производственное государственно-кооперативное объединение АНТ само было "почтовым ящиком", то есть закрытым, секретным предприятием, с "первым отделом" и прочими службами КГБ, как положено? Мало того, именно здесь была создана одна из первых в кооперативном секторе экономики первичная партийная организация: только в Москве на учете было 110 членов КПСС. Кто мог составить конкуренцию такому предприятию? Ну не оппозиционеры же демократы оказались здесь более могущественны, чем премьер-министр Рыжков, член Политбюро Лигачев и даже сам КГБ. Но кто же, кто обладает таким могуществом в стране? Какие силы?.. Чтобы понять это, посмотрим внимательно, как АНТ, говоря вполне уместным здесь языком уголовного мира, был "технически уделан".

В какое-то время руководство АНТа договорилось с неким генерал-майором Довганем, генеральным директором объединения "Взлет", о поставке за границу тягачей, переоборудованных из танков, выпускаемых объединением. Но когда груз был доставлен с уральского завода в порт Новороссийск; оказалось, что присланы... именно танки, боевые машины с полным вооружением.

Тут же разгорелся скандал, и через газеты "Советская Россия", бывшую рупором партийных консерваторов, вся страна узнала, что какие-то кооператоры до того обнаглели, что продают за границу само могущество державы —

военную технику (корреспонденция в газете называлась весьма многозначительно: "Спрут" под семафором"). Наиболее яростно обвинение поддержал с трибуны Съезда народных депутатов СССР первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Иван Полозков. Одновременно скандальным делом занялась и "внутрипартийная полиция" КПСС — Комиссия партийного контроля во главе с Б. Пуго (впоследствии снискавшим себе печальную известность: он стал одним из лидеров путча в августе 1991г. и тогда же в августе при аресте покончил самоубийством). Одновременно дело передается в прокуратуру и начинается расследование (которое, впрочем, хоть и длилось многие месяцы, так и не дало никакого результата).

Впрочем, тогда же началось и встречное расследование на страницах газет и журналов, и это-то расследование увенчалось успехом: было неопровержимо установлено, что налицо ловко проведенная провокация: танки вместо тягачей были посланы специально, чтобы развернуть кампанию против самого прецедента создания таких экономических структур, как АНТ.

Нам здесь важна не столько техника провокации, сколько важно понять, кому всё это понадобилось? Кто с кем конкурировал?

Для того, чтобы лучше представить себе суть дела, изобразим противостояние сил наглядно: в левой половине перечислим наиболее известные имена людей, содействовавших АНТу, а в правой — главных недругов или прямых участников провокации:

Егор Лигачев
— член Политбюро,
секретарь ЦК,
известный своей
крайней неприязнью
к любым демократическим
переменам в стране.

Николай Рыжков
— премьер-министр СССР,
известный своей
неприязнью к демократическим
программам перемен в экономике

Владимир Ряшенцев
— генеральный директор
государственно-кооперативного
объединения АНТ,
имеющего тесные связи
с военно-промышленными кругами.

Иван Полозков —
первый секретарь
Краснодарского крайкома КПСС,
впоследствии лидер компартии России,
известный своей крайней неприязнью
к любым демократическим
переменам

Валентин Чикин —
главный редактор газеты
"Советская Россия",
известный крайней неприязнью
к демократическим переменам,
особенно в экономике

Генерал Довгань
— генеральный директор
военно-промышленного
объединения "Взлет",
связанного с производством танков

К этой наглядной схеме прибавим, что кооператив АНТ, вопреки утверждениям Ряшенцева, вовсе не был так уж нацелен на то, чтобы насытить рынок товарами первой необходимости. Согласно опубликованным данным, западные партнеры по контрактам с АНТом обязались поставить в Советский Союз цветные телевизоры "Сони", "мерседесы", компьютеры ИБМ, — то есть товары настолько дорогие, что покупателями их заведомо станут богатые организации, а не нищие граждане нашей страны. Номенклатурные аппаратчики, которых и прежде не надо было учить, как делать деньги, теперь начинали постигать науку, как их со вкусом потратить.*

Понятно, что тут перед нами вовсе не борьба демократов с консерваторами, но своя, "внутрипартийная" борьба, великая битва между кланами и группировками за сферы влияния в политике, сферы контроля в экономике или даже за прямую возможность "хапнуть" столько, сколько представится возможным.

Создание такого рода государственно-кооперативных и других предприятий со смешанным капиталом оказалось прекрасной школой приватизаторства для аппаратчиков. Ведь давно уже не велось спора о том, надо ли приватизировать экономику или воздержаться, — конечно приватизировать! Спорили лишь о том, как именно. И аппаратные бойцы делали всё, чтобы целиком и полностью сохранить контроль над всей производительной собственностью в экономике.

Одним из последних актов режима, рухнувшего в конце августа 1991 года, был принятый в июле Закон СССР "Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий". По этому закону единственным продавцом объявлялся Фонд государственного имущества СССР. Фонд подчинялся правительству, которое предполагало получить в процессе приватизации до 450 миллиардов рублей — и таким образом поправить катастрофическое положение в экономике. Но при этом ставилась, — хоть и негласно, но для всех очевидно, — и другая задача: "продать" собственность таким образом, чтобы сохранить полный контроль правительства над нею, — и прежде всего, контроль над предприятиями. Для этого в законе устанавливалось преимущественное право членов трудового коллектива предприятия "на приобретение акций (паев) этого предприятия по сравнению с другими субъектами..."**

* "Известия", 23 апреля 1990.

** "Комсомольская правда", 5 июля 1991.

Каждому знакомому не только с буквой, но и с духом аппаратного законотворчества неоднократное и настойчивое подчеркивание преимуществ трудовых коллективов предприятий могло означать только одно: их и с к л ю ч и т е л ь н о е право числиться владельцами завода или фабрики без каких бы то ни было легальных возможностей уступить свои права частным лицам или частному капиталу. Но понятно, что такое "коллективное владение" имеет лишь чисто номинальный характер. Право же и вовсе бесплатного приобретения трудовыми коллективами контрольного пакета акций, — право, которое широко пропагандировали некоторые человеколюбцы от партийного аппарата, и вовсе давало возможность сохранить институт "ничьей" собственности, целиком и полностью распоряжаться которой будет по-прежнему аппарат чиновников управления. Недаром этот план получил особенно сильную поддержку со стороны директоров предприятий ВПК.

И об этом, теперь уже не действующем законе, и об этих не осуществившихся планах тем не менее надо помнить: в них проявилась стратегия и тактика аппаратной номенклатуры в борьбе за ускользающую власть.

Российские власти пошли другим путем: они наделяют всех без исключения граждан своей республики равными инвестиционными вкладами и дают им право распоряжаться ими по своему усмотрению. Есть надежда, что такая политика даст возможность сконцентрировать в руках акционеров, не зависящих от государственных и прочих чиновников, до 70-80% акций крупных промышленных предприятий.

Но насколько независимость от прежних государственных структур будет одновременно и независимостью от "теневых", подпольных, мафиозных структур власти, сегодня, боюсь, никто не предскажет наверняка.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ:

**ДЭВИД РЭМНИК,
МОСКОВСКИЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ
"ВАШИНГТОН ПОСТ"**

Л.Т. — Вы давно в Советском Союзе?

Д. — Три с половиной года.*

Л.Т. — Вам приходилось встречаться с советскими гангстерами?

Д. — Вы знаете, не старался. По-моему, барьер языка и культуры был так велик, что встреча с откровенными бандитами была невозможна, и моя информация о советской мафии вторична. Но я несколько раз писал о теневой экономике, и когда встречался с людьми этого круга, то иногда думал, что говорю с гангстером. Но сами они таковыми себя не считали.

Л.Т. — Как они выглядели, что это были за люди? Все-таки у Вас возникали какие-то подозрения или сомнения. На чем они были основаны? Почему Вы могли подумать, что те люди могли быть гангстерами?

Д. — Потому что они выглядели как богатые люди, богаче других русских... а также их стиль, их речь.

Л.Т. — Каков этот стиль?

Д. — В какой-то степени, у меня было ощущение, что они старались имитировать нашу мафию. Их одежда, например, как они ходили. Не помню, в каких ресторанах я их видел. Вот есть такой ресторан на Проспекте Мира, называется "Приходи, попробуй"...

Л.Т. — Как Вы думаете, может когда-нибудь случиться, что вот люди такого типа, такого толка возьмут политическую власть у нас в стране?

Д. — Ну, конечно, все мои советские друзья так и думают, что гангстеры у власти.

* Беседа состоялась летом 1991 г.

Л.Т. — Ваши друзья думают, что ...

Д. — Что гангстеры сейчас сидят в правительственных креслах. Конечно, и я так думаю... Я как-то написал статью о бедности в Советском Союзе, и когда работал над ней, то побывал в Средней Азии — там я собирал материал о детской смертности. И у меня были встречи с тамошними шишками. Конечно, я не знаю, сколько у людей в карманах, но это было видно. И все говорили о них как о мафиози. Иностранцу это трудно понять, потому что мафия, кланы и в нашем понимании нечто совсем другое... Здесь это может быть просто председатель колхоза, местная власть.

Л.Т. — И какие же официальные должности занимали те мафиози, с которыми Вы общались?

Д. — На уровне министра здравоохранения...

Л.Т. — Министр здравоохранения — мафиози?

Д. — Ладно, я не уверен в этом... У меня было такое ощущение... В другой раз я был в Алма-Ате. И у меня была встреча с Кунаевым. С тех пор, как его убрали в отставку, он никогда не говорил с журналистами или иностранцами. Это было абсолютно запрещено... Через каких-то своих новых знакомых мне удалось позвонить ему. Они позвонили... Вы знаете, где он живет? Он живет в здании, где квартира бывшего первого секретаря партии, бывшего второго секретаря, и сегодняшнего первого секретаря Назарбаева, и сегодняшнего второго секретаря. Четыре огромных квартиры. Замечательное здание. Все-таки они живут замечательно. Кунаев еще раньше нас пригласил по телефону, сказал, что в 12 часов будет обед... Нас было четверо с журналистами казахами. Мы подошли к дому, но там стоял кагэбешник. Он сказал, что мы не сможем встретиться с Кунаевым. "Почему?" — спросил я. "Потому, что Москва не решила. Они не знают об этом в Москве". Очевидно, что Москва не хочет, чтобы иностранцы встречались с Кунаевым... По крайней мере, мне было запрещено. Пришлось опять созваниваться. Я сказал, что готов заранее передать вопросы и, если возможно, попозже встретиться где-то в городе... Встреча состоялась неожиданно. Я был занят какими-то другими делами, с кем-то разговаривал,

когда мне сказали, что через пять минут у меня будет встреча с Кунаевым на улице. Это было около дома отдыха ЦК, на краю города, — замечательное зеленое место. Подошла белая "Волга". И в машине был этот человек. Он выглядел, как люди 19 века, те, что владели южными плантациями. Африканцы называли таких людей BIG MAN. У него была замечательная шляпа, как у ковбоя, очки и огромный перстень. И как у африканского big man — трость. Замечательный черный костюм. Это было, как в Африке. Он был владельцем людей, это была его земля, и вы жили, играли и на его земле. Первый раз в жизни я понимал, что это такое. Конечно, он был очень мил, и мы вели пустую светскую беседу... Люди в Алма-Ате до сих пор любят его, — очень многие. У него был такой авторитет! Люди так понимали, что он — хозяин, а они — рабы. Я первый раз видел людей с таким сознанием.

Л.Т. — Авторитет? У нас это слово имеет особое значение в уголовном лексиконе. Это пахан, глава шайки.

Д. — Нет, он — как Бог и дети. Он знает, что им делать... Я не имею в виду, что все в Алма-Ате, но многие. Их больше, чем я полагал... А еще у меня была встреча с Гейдаром Алиевым. Сейчас он опять в Азербайджане. И опять вернулся в политику. А наша встреча была, когда он был на пенсии, и жил очень тихо... И опять мне знакомые журналисты помогли встретиться с Алиевым. Это было на даче под Москвой. Алиев считал, что Горбачев ненавидит его. Он первый раз встречался с иностранцем с тех пор, как ушел на пенсию и вот говорил прямо против сегодняшнего вождя. Для него это был переломный момент, — он решился... Но стиль его был не среднеазиатский, он и одет был по-другому и вел себя иначе.

Л.Т. — И в Казахстане, где правил Кунаев, и в Азербайджане, где секретарствовал Алиев, существуют широко разветвленные мафиозные кланы. И что ж, как по вашему мнению, эти люди знают о мафии? Или даже, может быть, причастны к ним? Я говорю о Кунаеве и Алиеве.

Д. — Конечно, они знают об этих кланах. И люди, которые обожают Кунаева, знают о его причастности, но не видят в этом противоречия. Хотя, я думаю, люди не

знают, что такое клан. Я думаю, что только следователи Гдлян и Иванов вполне представляют, что это такое...

Л.Т. — Почему Москва не разрешила вам встретиться с Кунаевым? Что они скрывают?

Д. — Вы знаете, теперь бросается тень на Горбачева, когда на фото стоят Брежнев, Алиев, Кунаев и Горбачев.

Л.Т. — У вас есть такая фотография?

Д. — Просто надо найти старые журналы — "Огонек" или "Советская жизнь". Личные связи, политические, государственные, наверное, существовали и существуют между этими людьми.

Л.Т. — Чувствуют ли иностранцы, живущие в СССР, опасность того, что именно уголовные структуры усилятся до того, что, отбросив всякое доктринальное прикрытие, станут открыто утверждать уголовные методы власти.

Д. — Сейчас мне кажется, что у вас самый, самый первый этап капитализма. И далеко не самые лучшие люди действуют на пользу его развития. Это, наверное, естественно, что те, кто на "мерседесе", путешествуют за границей, ужинают в ресторанах, — они не самые лучшие люди этой страны. Может быть, это естественно...

ЗАЧЕМ ПРИХОДИЛ ГОРБАЧЕВ

Горбачев ушел. А зачем приходил? Кто приводил его? Теперь насаждается мнение, что в марте 1985 года Горбачева привела к власти осознанная в правящих кругах необходимость реформ, и прежде всего — в экономике: к тому времени резко сократились темпы роста национального дохода и производительности труда. "Всё прогнило! — констатировали лучшие люди партии, такие как Горбачев и Шеварднадзе. — Отечество в опасности, страна на грани экономического краха.

"Но точно ли в начале восьмидесятых кризис экономики был столь опасен? Разве советские люди не знали времен потяжелее: скажем, голод и разруху в начале тридцатых годов или вскоре после войны с Гитлером, — и никогда коммунисты не говорили о каких бы то ни было особых опасностях и не помышляли о гуманных реформах, — напротив, даже и в самые гибельные времена всегда находились основания заявить о новых победах социализма.

Не экономические проблемы тревожили коммунистов, но их политическая подоплека: "Нам нужен ведь не е в с я к и й рост производительности народного труда, — эту статистическую истину мы уже неоднократно вспоминали."

Сталин в своих речах и выступлениях никогда не говорил об экономике, но о власти над экономикой. И в начале восьмидесятых его партийные наследники озаботились не кризисом экономики, но КРИЗИСОМ ВЛАСТИ: за явлениями нараставшего экономического спада коммунисты — после шестидесяти пяти лет безраздельного правления в России — явно различили мощную и все нараставшую общественную оппозицию своему режиму.

Не о нескольких десятках диссидентов речь, а о всенародном, ежедневном, повсеместном отрицании коммунистической доктрины!

В кругах партийного истеблишмента первыми об опасности роста оппозиции заговорили ученые-социологи. Именно они ввели в политический обиход новый, тревожный для коммунистических политиков термин: "человеческий фактор". В апреле 1983 года академик Татьяна Заславская, один из крупнейших авторитетов советской социологии, прочитала в Новосибирске на научном семинаре доклад, в котором высказалась в том смысле, что интересы власти и общества находятся если и не в прямом противоречии, то в состоянии сильной дисгармонии. Эти мысли были опасным откровением даже в устах "своего" академика.

Несмотря на узкий круг слушателей, среди которых были такие деятели грядущей "перестройки", как академик А.Аганбегян, доктора экономики Б.Ракитский, Б.Курашвили и другие, текст доклада был изъят КГБ...

Однако идеи того доклада получили развитие в последующих статьях Т.Заславской, и по ним можно увидеть, что именно тревожило наиболее чутких сторонников коммунистической доктрины, бывших к тому же авторитетными правительственными консультантами: "Живой труд... становится слабым моментом функционирования сложных технологических систем, — предостерегала Т.Заславская. — По масштабам своего экономического, социального и экологического эффекта средний час труда современного человека, по-видимому, равен дням, если не неделям труда его родителей и дедов." * Нетрудно было понять, что так же точно, средний час труда американца или немца равен дням, месяцам, а иногда и годам труда советского человека. А это значит, что и далее отставание СССР от Запада (или отставание "социалистического сектора" в мировом масштабе) будет увеличиваться в геометрической прогрессии. Как в популярном анекдоте: "На сколько лет СССР отстал от Японии? Лет на тридцать — сорок?" "Нет. Навсегда!"

Коммунист Заславская понимала это и предостерегала: "...Высококвалифицированный, социально развитый человек является менее подходящим объектом административного (а тем более бюрократического) управления. Это одна из причин того, что методы адресно-директивного управления экономикой и другими сферами жизни становятся менее эффективны...

...В 70х-начале 80х годов в развитии страны возникли неблагоприятные тенденции и трудности.

Одной из таких тенденций явилось снижение общей планомерности и управляемости общественного развития, проявившееся в ослаблении плановой дисциплины, трудностях материально-технического снабжения, возникновении "теневых" экономических отношений, расширении некоторых источников нетрудовых доходов, усилении... алкоголизма, пьянства, ослаблении семейных уз и т.д."**

Коммунисты всегда были уверены в своей власти и над всей экономикой в целом, и над каждым работником в отдельности. И вдруг — какой-то "человеческий фактор"! Именно как ф а к т о р политики и экономики откуда-то вдруг явился непокорный, неподчиняющийся приказам ч е л о в е к, работник, субъект "живого труда" — и начал угрожать "снижением планомерности и управляемости" или,

* ЭКО, №3, 1986, с.5

** Там же, с. 7-9

иначе говоря, самой ВЛАСТИ коммунистического аппарата... То, о чем сообщала Заславская, выглядело как повсеместный тихий бунт.

Вот когда началось осознание необходимости реформ! К началу восьмидесятых годов стало ясно, что каким-то непостижимым, прямо-таки волшебным образом, во времена относительно мирные, без какой бы то ни было политической борьбы, власть уходила из рук коммунистов, буквально ускользала сквозь пальцы, — пока еще не власть над страной в целом, но над каждым работником в отдельности.

Стихийная, ни тогда, ни теперь еще никем не осознанная в категориях политических, но от этого не менее действенная и решительная оппозиция общества, оппозиция здравого смысла — в экономике, в быту, в искусстве, в общественной сфере — постепенно разлагала, разрушала, разваливала власть коммунистической доктрины, приближала её к полному краху. И хотя кризис экономики был, пожалуй, самым явным свидетельством приближающегося краха, но и тут главной-то была проблема, которую никак нельзя считать чисто экономической: люди, работники, производители материальных ценностей в своей повседневной деятельности так или иначе саботировали правила и законы, установленные коммунистической доктриной. Ни тебе желанной плановости, ни плановой дисциплины!

Вот почему возникла необходимость реформ: проблема восстановления ВЛАСТИ над работником была куда важнее чисто экономических показателей. И когда Горбачев заявлял и заявляет, что начало реформ целиком зависело от его доброй воли и что он мог весь свой долгий генсековский срок править по-старому, — он лукавит. Не начини он реформ, срок его вряд ли был бы долог. Народ, если еще и не бунтовал открыто, то уже "безмолвствовал" — и в экономике, и в политике. В обществе усиливалось напряжение, и достаточно было сильной искры недовольства, чтобы произошел взрыв, — вроде как это потом случилось в Румынии. И тут уж действительно Отечество могло оказаться в опасности.

Между тем скомпрометированные хрущевскими разоблачениями методы прямого насилия над обществом, методы гуглаговского принуждения не могли быть вновь использованы. На широкомасштабный террор у коммунистов уже не было сил. Невозможно было одновременно вести войну в Афганистане, держать в кулаке бунтующую Польшу и ускользающую из-под власти Венгрию, поддерживать бандитские режимы в Эфиопии и Анголе, противостоять американцам в гонке вооружений, принимающей космические масштабы, — и попытаться по-сталински зажать в кулак собственную страну. Кажется, даже самые твердо-

лобые коммунисты поняли, что пришло время искать компромисс с обществом, с народом... Впрочем, само слово "реформы" пока еще не было произнесено: в привычном партийно-бюрократическом лексиконе нашли бессодержательный и ни к чему не обязывающий термин — "перестройка"...

Политическая модель, о какой мечталось коммунистическим лидерам, была близка к фашизму: освободить от жесткой регламентации экономические отношения, но при этом как-то усилить контроль в сфере политики — именно такие идеи брезжили в энергичных, хоть и недолго звучавших речах Юрия Андропова. Народ устал от экономического дефицита, и всякий компромисс в направлении экономических свобод был бы понят и принят — даже если бы сопровождался "закруткой гаек" в политике и идеологии... На первый взгляд, казалось, что для реализации такой модели не хватало только ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ, под знаком которой можно было бы ужесточить политический, идеологический и административный режим.

"Коммунистическая идея" уже ни на что не годилась. Возврат к государственному террору под лозунгом "Вперед, к коммунизму!" теперь уже всеми понимался как абсурд — в том числе и самим правящим аппаратом, всё более коррумпировавшимся и от этого всё более заинтересованным в частичном освобождении рыночных отношений.

Не годилась и национальная "русская идея", которую Сталин с таким успехом эксплуатировал во время войны с немцами. В многонациональной империи, с её сложным комплексом межнациональных проблем, насильное, репрессивное внедрение такой идеи повлекло бы за собой тяжелые, просто-таки непредсказуемые последствия, и "тихий бунт" против коммунистов мог бы превратиться в ожесточенную войну (что в конце концов и произошло, но уже в других исторических условиях), — похоже, что это всегда понимал и этого всегда боялся коммунистический "центр"...

И всё-таки конгениальная государственная идея, годная, чтобы положить её в основу нового тоталитаризма, существовала — и уже давно, не одно десятилетие. Это была хоть и не национальная, но близкая ей патриотическая идея: "Отечество в опасности!"

С момента провозглашения СССР принято было считать, что он живет и будет жить в окружении врагов. Именно в нем являлась опасность требовала тесного сплочения общества вокруг "партии и правительства". И всякий, кто покушался на это единство, — покушался на безопасность Отечества. Коммунистический режим и Родина в официальном лексиконе сделались синонимами. Даже попытка создания политической партии, оппозиционной коммунист-

там, квалифицировалась как "измена Родине". Любое инакомыслие — не только в политике, но хоть и в философии — рассматривалось не иначе как "пособничество иностранным спецслужбам".

Уже к середине семидесятых годов именно внешняя опасность, именно "опасность агрессии со стороны империализма", сделалась главной, если не единственной основой государственной доктрины коммунистов.

Так началась беспрецедентная "гонка вооружений", сопровождавшаяся и беспрецедентными же пропагандистскими усилиями: об истинных целях советской внешней политики и советских военных приготовлений народу не сообщалось буквально ни слова правды. В корпус комментаторов-международников набирались люди какой-то фантастической бессовестности. Но мало этого: чтобы не произошло непредвиденных случайностей, деятельность комментаторов строго контролировал уникальный по своему назначению отдел международной информации в структуре ЦК КПСС...

Но такая политика заставляет и впрямь балансировать на грани войны или даже вести локальные войны (как в Афганистане), иметь колоссальную армию и соответственно ориентировать экономику. Военно-промышленный комплекс всё в большей степени становится силой политической: от него зависит не только обороноспособность страны, но, в конечном счете, и стабильность власти...

Так вот к началу восьмидесятых годов и выяснилось, что эту силу как раз и невозможно должным образом поддерживать, пока не будет найден способ ликвидировать отставание в машиностроении, в технологиях, в соответствующих научных разработках. А отставание, как мы знаем, происходит оттого, что "высококвалифицированный социально развитый человек является менее подходящим объектом административного (а тем более бюрократического) управления." И перестав быть "объектом управления", он становится субъектом оппозиции властям. Замкнутый круг! И чтобы разорвать его, лидерами ВПК (Громыко, Устиновым и др.) и был призван к власти и поддержан самый молодой, самый энергичный член Политбюро КПСС Михаил Горбачев...

Теперь уже все забыли, но ведь в первый перестроечный лозунг входило слово "ускорение". И речь шла именно об ускоренном, приоритетном развитии машиностроения, как основы ВПК. Все же разговоры о гласности, демократизации и т.д. пошли позже и понимались многими именно как политический маневр коммунистов перед новым витком репрессий и гонки вооружений.

Но неужели Горбачев, открывая эпоху "гласности" и

прочих, если еще не демократических, то демократизаторских новшеств, не понимал, что творит? Неужели "человеческий фактор" ничему его не научил? Неужели не понимал он, предлагая летом 1988 года новый избирательный закон, что любая, даже самая минимальная соревновательность — в политике ли, в экономике ли — неизбежно обернется не усовершенствованием, но полным крахом коммунистической доктрины?

Нет, он всё понимал и действовал сознательно. Он чутко ощутил истину, которая проявилась уже в первые два года "перестройки и гласности" и которая до самого последнего времени осталась недоступна дубоватым номенклатурным консерваторам: невозможно сохранить одновременно и доктрину, и власть над страной — напор общественной оппозиции не позволяет. И выбор был сделан в пользу сохранения власти... Не Горбачев, или, вернее, не один только Горбачев выбирал. Выбор сделала наиболее мыслящая, наиболее гибкая, если угодно, наиболее хитрая часть номенклатуры: сохранить власть, но отказаться от коммунистической доктрины.

Только теперь мы начинаем понимать: в России произошла невиданная в истории человечества революция! Политикам удалось сменить государственную доктрину... сохранив власть в тех же руках, что и прежде. В силе остались те же правящие структуры, ну разве что слегка сместились их функции — в соответствии с новой — на этот раз рыночной, капиталистической доктриной.

Чудо? В истории не бывает чудес. И то, что произошло в России, — не чудо, но закономерность, подготовленная скрытым процессом разложения коммунистической государственной системы. (Именно с к р ы т ы м процессом — поэтому такое значение и имели и по сей день имеют здесь скрытые, теневые, тайные структуры.) От "социалистического сектора экономики", который вообще никогда не существовал в чистом виде, к началу 80-х и вовсе мало что осталось: вся цепочка управления экономикой, все внутри — и межотраслевые связи были сверху донизу коррумпированы и пронизаны отношениями "черного рынка". Но, как ни парадоксально, именно "черный рынок" и обеспечивал более или менее нормальный производственный процесс. Оказалось, что "капиталистический сектор", которого так опасался Сталин, не только не исчез в результате репрессий и запретов, но чудесным образом ожил, пророс внутри мертвых отношений "сектора социалистического". Пророс и сделался системой живого кровообращения в мертвой оболочке формальной "плановой экономики"... Не для того ли и реформы, чтобы снять назревшее противоречие

между оболочкой и содержанием — именно в пользу здоровых рыночных отношений и частной собственности?

Моралистов сегодня тревожит, что вчерашние секретари райкомов завтра сделаются президентами банков и бирж и будут, как и прежде, распоряжаться всеми материальными ценностями в стране, но только уже на правах частной собственности. Увы, таковы законы рынка, и какие бы программы приватизации ни были приняты, собственность всё равно в конечном итоге осядет в руках наиболее наглых, наиболее бессовестных, наиболее нахрапистых дельцов. Тут никуда не деться. Неизбежность процесса (и нейтральность экономики к категориям морали) хорошо выразил политолог Андраник Мигранян: "То, что должно быть украдено, должно быть украдено как можно скорее. И это единственный способ прекратить грабеж."

Так или иначе, но в какую бы сферу экономических (да и политических) отношений мы ни сунулись, всюду увидим, что дело контролируется теми же людьми, которые и во вчерашних структурах власти были не последними деятелями. Да и ВПК по-прежнему имеет не последний голос и в экономике (в частности, в распределении бюджета), и в политике, и в руководстве процессом приватизации... Единственное, что кануло безвозвратно, — это государственная доктрина коммунистов со всей её мифологией, фразеологией, идеологией.

К чему же пришли? К демократии? Казалось бы, рыночные отношения легализованы. В сфере мелкого и среднего производства, в сфере обращения мелкого и среднего капитала наметились отношения плодотворной конкуренции. Крупный капитал акционируется. Мелкая и средняя собственность переходит в частные руки... Не так ли?

Но вспомним, реформы Горбачева начинались ради сохранения власти над человеком, над работником. И власть сохранили. В политике, в экономике распоряжаются те же люди и те же структуры. Но теперь в их руках не столько вожжи политической или административной власти над личностью работника, сколько кнут власти экономической — через монопольно контролируемую систему банков, бирж, ключевых отраслей крупной промышленности. Вполне определилась власть крупного капитала над мелким, экономическая власть крупного капитала над собственником рабочей силы — человеком, работником.

Конфликт между властью и обществом обрел черты хоть и новые для России, но в общем-то традиционные для рыночной экономики: если общество — как потребитель — заинтересовано в свободной игре конкурирующих производителей, то монопольный владелец крупного капита-

ла заинтересован в полном контроле над экономикой. Потребитель заинтересован в изобилии товаров и услуг, в стихийном развитии производства под напором общественного спроса... но тому, кто монопольно владеет крупным капиталом, вовсе не нужна неуправляемая экономическая стихия, ему нужно как можно более строго упорядоченное, плотно контролируемое производство и распределение... Конфликт этот имеет отражение и в политических категориях — как конфликт между демократией и авторитарным или даже тоталитарным режимом.

В обществах западного типа обострению подобных конфликтов препятствует мощный, гибкий, замечательно жизнеспособный "средний класс". Этот слой общества — с его неиссякаемыми предпринимательскими амбициями — истинный мотор рыночной конкуренции и основа политической демократии. В сегодняшней России "среднего класса" нет. Планомерно и целенаправленно его уничтожают всюду, где он мог бы появиться: в виде ли крупного фермерства, или в лице новых предпринимателей в промышленности, строительстве, торговле. Для убийства все средства оказываются хороши: и бандитская налоговая политика правительства, и круговая порука взяточников-чиновников, и социальная демагогия радетелей о судьбах народа.

В России нет сегодня социальной основы для демократии. Намеренно и расчетливо ей не дают возникнуть. Её подавляют как раз те силы — явные и тайные, — которые так ловко сумели расстаться с мертвой коммунистической доктриной, но сохранили право безраздельно распоряжаться всеми богатствами страны. Теперь они хотят не только контролировать экономику, но и в прежних объемах восстановить свой контроль над обществом. И, видимо, это им удастся. Они многому научились. Они дадут возможность мелким собственникам накормить страну. Они прекрасно понимают, что сегодня прямо и грубо отвергать интересы общества нельзя. Но хотя "человеческий фактор" по-прежнему нельзя изъять из политических расчетов, оказывается, сегодня им проще манипулировать.

Вновь зазвучало: "Отечество в опасности!" Но если прежде опасность была мнимой, то теперь она вполне реальна: развал прежнего Союза, конфликты межнациональные и межгосударственные создают угрозу и самой российской государственности (а в прежних республиках — государственности украинской, грузинской, узбекской и т.д.) Экономический кризис грозит непредсказуемыми социальными столкновениями и беспорядками, — это ли не реальная опасность для Отечества? Добавим, что национальная "русская идея", пребывавшая прежде как бы

в состоянии некоей политической дрёмы, теперь получает священную силу охранительного знамения...

Всё! Перестройка успешно завершилась. Цели, ради которых властные структуры начала восьмидесятых годов решились на реформы, теперь достигнуты: экономические и политические связи и структуры, возникшие и укрепившиеся в условиях черного рынка, все чаще узакониваются открыто. Искаженные отношения собственности выправляются в процессе приватизации... Какой же режим в ближайшем будущем установят в России (и на Украине, в Узбекистане, в Молдове) те силы, которые сохранили в своих руках основные структуры государственной власти, сохранили монополию распоряжаться экономикой и контроль над социальными процессами? Судите сами. Можно было бы сказать, что это будет фашизм или что-то похожее на фашизм... Но в истории рискованно давать названия, оперируя опытом прошлого. Если и фашизм, но "нашенский", российский, еще не виданный в истории человечества, еще не названный — фашизм, выросший в процессе легализации всеобъемлющей системы черного рынка.

"Человеческий фактор" — это мы с вами. Мы и будем фашистами. Мы и будем до последнего дыхания противостоять фашизму, как некогда противостояли коммунистической доктрине. Каковы будут формы этого противостояния, покажет время.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ТЕХНОЛОГИЯ ЧЕРНОГО РЫНКА, ИЛИ КРЕСТЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО ГОЛОДАТЬ 9

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ВЫЖИТЬ 93

Где нам искать свое будущее?	94
Найти общественное мнение	97
Экономика. Здесь нас нельзя задавить	102
Семья. Сюда мы прячемся от духовной стерилизации	106
Личность. Трагедия отравленной совести	109
Бояться ли нам мусульманского владычества?	113
Мы все в плену у посторонней силы	116
Каких перемен нам ожидать?	124
Надеяться ли нам на новую революцию?	134
Последняя надежда выжить	141

ЗАЧЕМ ПРИХОДИЛ ГОРБАЧЕВ 147

Составляем фоторобот	154
Показания свидетеля: мэр Москвы Гавриил Попов	162
Кто привел Горбачева?	168
Показания свидетеля: Эдуард Шеварднадзе, бывший министр иностранных дел и член Политбюро	181
Показания свидетеля: Звиад Гамсахурдия, бывший Президент Республики Грузия	185
Послесловие к расстрелу	190
Показания свидетеля: Константин Майданюк, старший следователь по особо важным делам	207
Партия в период перестройки. Президент "под колпаком"	211
Показания свидетеля: Олег Калугин, генерал КГБ. Часть 1	223
Показания свидетеля: Елена Боннер, вдова академика Сахарова	225
Ненависть к собственной тени	229
Показания свидетеля: Олег Калугин, генерал КГБ. Часть 2	237
"Дикая приватизация"	242
Показания свидетеля: Дэвид Рэмник, московский корреспондент "Вашингтон пост"	256
Зачем приходил Горбачев	260

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ф. Абрамов 68
А. Аганбегян 261
Г. Алиев 114, 128, 129, 258
А. Алкснис 218
Ю. Андропов 5, 97, 100, 103,
120, 125-128, 170, 174-176,
178-180, 196, 203, 224, 263
Г. Антонова 72
Т. Антонова 87
С. Аристов 247-248
С. Ахромеев 222, 223
- В. Бакатин 160
М. Бедный 52, 65
В. Беляев 39
А. Безансон 120-121
Н. Бердяев 236
Л. Берия 172
Е. Богатырев 228
Е. Боннер 225
К. Боровой 234-235
М. Бочаров 244, 247
Л. Брежнев 5, 29, 77, 88, 89, 95,
98, 103, 123, 125, 127, 158,
159, 170, 171, 173-175, 179,
181, 206, 224, 242, 259
Б. Бруцкус 195
Н. Бухарин 97, 98
- А.-И. Вилимавичус 25
М. Владимирский-Буданов 40
А. Вольский 220
- З. Гамсахурдия 185
Т. Гдлян 155, 192, 194-197, 198,
205, 221, 223
А. Гитлер 133, 186, 260
- М. Горбачев 147, 150, 152,
154-157, 159, 161, 166,
168-173, 175-182, 186, 203,
204, 209, 211-218, 219, 244,
258-260, 262, 264-266
Р. Горбачева 159, 169
В. Горбунов 245
Б. Греков 40
В. Гришин 178, 213
А. Громыко 170, 174, 211, 264
Д. Гэлбрейт 63
- В. Дмитриев 247, 248
Т. Дьячков 62, 72
- Б. Ельцин 150, 151, 154, 156,
159, 162, 168, 204, 209, 215,
220
- Г. Жуков 172
Ю. Жуков 106
- Е. Замятин 102, 232
Т. Заславская 260-262
В. Зорин 106
- Н. Иванов 155, 205
В. Илюшин 220
- А. Кабаков 154
Л. Каганович 172
О. Калугин 223, 237, 249
А. Каримов 193, 194, 205, 206
К. Каутский 50
Д. Кеннеди 158
А. Козлов 173
А. Косыгин 56

- В. Колокольников 49
В. Коротич 171, 212-214, 215
Л. Кравчук 154, 156
М. Краснов 227
Н. Кручина 159, 221, 222
В. Крючков 214
Т. Корягина 156, 157, 178, 205
Ф. Кулаков 171
Д. Кунаев 84, 257-259
И. Курашвили 261
- А. Ларионов 197
И. Левыкин 60
В. Ленин 27, 47, 50, 83, 102, 174, 233
Е. Лигачев 159, 171, 174-177, 212, 213, 217, 250, 253
Д. Лиханов 222
О. Лобов 220
- К. Майданюк 197, 207
И. Макарова 46
Г. Маленков 172
М. Мариам 131
К. Маркс 27, 44, 50, 102, 123, 136, 182, 233
Г. Мгеладзе 185, 186
А. Мень 228
А. Мигранян 266
Г. Мирзабаев 192
В. Молотов 172
П. Морозов 107
бр. Морозовы 231
- Н. Назарбаев 154, 156
В. Найшуль 4, 5, 7
Л. Невструева 54, 55
Б. Никольский 220
Л. Новикова 54
- К. Огден 213
Л. Оников 217
Ю. Орлов 99
Д. Оруэлл 102, 232
- В. Павлов 214, 244, 247
Г. Павлов 221
В. Первышин 171
- Ю. Петров 220
А. Плотников 32, 38
И. Полозков 218, 238, 253
Г. Попов 5, 159, 162, 166, 220
Ю. Прокофьев 216, 218
Б. Путо 221, 253
- Б. Ракитский 261
Ш. Рашидов 222
И. Рейнгольд 97
Г. Романов 177, 178, 213
Р. Рывкина 39, 73, 90
Н. Рыжков 179, 216, 217, 238, 244, 250, 251, 252
А. Рыков 97, 98
Д. Рэмник 256
В. Ряшенцев 238, 249-254
- Д. Сантуш 131
А. Сахаров 99, 147, 224, 226, 227, 230
М. Сидорова 33
Ж. Сисмонди д 31, 66, 85
В. Смирнов 192, 205
А. Собчак 159
А. Солженицын 99, 141, 195, 207, 224
М. Соломенцев 212
В. Солоухин 26
И. Сталин 18, 27-29, 31, 33, 34, 43, 47, 83, 95, 97, 102, 103, 139, 154, 159, 172, 233, 242, 265
А. Стамкулов 34
В. Староверов 35, 37, 57
М. Суслов 173, 224
- А. Тарада 208
В. Теребилов 206
В. Тихонов 177, 179
П. и С. Третьяковы 231
М. Тухачевский 97, 98
М. Тэтчер 211
- И. Уборевич 97
В. Усманов 161, 190-194, 195, 197, 200, 202-207, 243
И. Усманходжаев 204, 205

Ф. Устинов 170, 174, 175, 176,
179, 211, 264

М. Фурасов 157, 158
Ш. Фурье 44

Ф. Хаек 195
О. Хаксли 232
А. Хинт 231
И. Худеню 78-85, 103, 231
Н. Хрущев 95, 98, 159, 160, 172,
181, 212, 242

Б. Цыпин 88

Е. Чазов 5
Н. Чаушеску 166
В. Чебриков 171
К. Черненко 169, 172, 174, 175,
176, 178, 179, 211

В. Чикин 253
Ю. Чурбанов 206, 207

С. Шаталин 215-216, 218
Э. Шеварднадзе 155, 159, 178,
179, 181, 185, 211, 217, 220
П. Шелест 41, 58
Г. Шмелев 24, 26
В. Шубкин 26

Ф. Энгельс 27
К. Эргашев 197, 222

К. Юдина 55

Г. Явлинский 215-216, 218
И. Якир 97
А. Яковлев 159, 213, 217, 220
Х. Яхьяев 205, 215

Тимофеев Лев Михайлович

ЧЕРНЫЙ РЫНОК КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Художник *Е. Герчук*
Редактор *М. Ефремова*

Сдано в набор 23.12.1992.

Подписано в печать 14.02.1993.

Формат 84х108¹/₃₂.

Печать офсетная. Гарнитура "Таймс".

Печ. л. 17. Тираж 5000 экз.

Зак. 338. ПП „Чертановская типография” МГПО
113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а.

